

Демьян Фаншель

ОБУЧЕНИЕ
СНУ

Демьян Фаншель

ОБУЧЕНИЕ СНУ

ББК 84 Ук
Ф-451

Д. Фаншель

Обучение сну. — Львов: Центр Европы, 2003.— 272 с.

ISBN-966-7022-54-4

ISBN-966-7022-54-4

© Д. Фаншель
© Издательство “Центр Европы”

Книга первая
Текст

1976	
Сессия	10
Папироса	10
Пасечник	10
1982	
Тане об этимологии	11
1984	
Великий Устюг	11
Терпенье и труд	11
1989	
Храм	12
Звёздный час	14
Выбор Гамлета	16
Душа-улыбка	17
Котофей, не умирай... ..	17
1991	
Страшный сон	18
Хокку	18
1992	
Парус-92	18
Хранители	19
Сопровождающий	20
Памяти Фрейда	21
1993	
Водка	22
Резонанс	22
Частный случай	23
Обстоятельства места и времени	24
Привой	25
Начало стиха	25
Сейсмография	26
Рассудку, смыслу вопреки... ..	26

1994	
Это свернулось удобно калачиком...	27
Позвольте узнать...	28
Семья	29
Легенда	29
Размышления еврея в немецкой пивной	30
Гимнастёрка	31
Одиночество	31
Кавказ	32
Лишь чистого ума игра...	33
Относительно реинкарнации	33
Деревенская проза	33
Война	34
Покуда занят Крым...	35
Искушение	36
Молодость	37

1995	
Падение империи 1	38
Падение империи 2	39
Падение империи 3	40
Сорок. Сорок...	40
Рождественская прострация	41
Aachenerstrasse	42
Национальность	43
Толкование снов	44
Анкетный вопрос	44
Гадание	44
Демьяниана	46
Перспектива (Скоро сорок...)	47
Перемена мест	47
Кришнаиты	47
Херес	48
Первый опыт	49
Ну зачем себе-то врешь?...	50
Ночной полет	52
Себе	54
Ностальгия	55
Словесник 1	56

Словесник 2	56
Зеркало	58
Мастера детективного жанра	59
Конец века	60
Снова снов обрывки...	61
Апория	62
Бутылочка	63
1996	
Фаллос	64
Москвичка	65
Серебряный век	66
Живая петля	67
Это после — Кирилл и Мефодий...	68
Явление стиха	69
Пейзаж	70
Русский магазин в Кёльне	71
Любовь	72
Не желаю тебе зла...	73
Огорчение философией	73
Последний сон	74
Имя	75
Третья метаморфоза	76
Первый снег утром	77
Гомер	78
Велосипедная прогулка	80
Интерференция	81
В предчувствии открытия	81
Путешествие в Калугу	82
Звонок в Калугу	84
Оставайся самим собой...	85
Текст	86
Пришла Гоморра и Содом...	88
Имя старика	89
Фанфан — чёрно-белый тюльпан...	90
Давайте, давайте играть в домино...	91
Осень концептуализма	92
Поэт	94
Рыбалка в России	96

Дыхание	96
Заклинание Слова	98
Переселенье, переселенье... ..	99
День ВМФ	100
Просмотр теленовостей	101
Дегустация	102
Молчание ангела	103
В угодьях	106
Impressio	107
Заначка	108

1997

Станция	109
Новогодний пир: Гонконг	110
Домой	111
На дне	112
Совок	113
Оттепель	114
Эмиграция	114
В фильме, где-то посрединке... ..	115
Задумка	115
Отрочество	116
Земляки	116
Мерилин	117
2005-й	118
Передьшка	120
Deja vu	121
Вместо прогулки	122
Советы Родену	124
Разговор с Наташей	125
Кентавр	126
Была хохотушкой... ..	127
Исчезновение	128
Я буду пить тайную воду... ..	129

1998

Дао: путевые заметки	130
Волк	131
Зима в Кёльне	131

Конец сезона	132
Обеденный перерыв	133
В жанре развода 1	134
В жанре развода 2	135
Видение истока	138
Река	139
Бобыль	142
Ныне отпускаеши	143
Край	144
Портрет художницы	144
Новогодняя простуда	146

1999

Я тебя, суку... ..	147
Мой Кёльн	148
Что с Крымом? Что скифы?	149
Город	150
Молящийся	152

Тексты

1994

Докладная записка	154
-------------------------	-----

1995

Первая помощь	183
Архетипы	184

1996

Saint James Hospital — Blues	185
В стол	186
Дума про Обломова	190
Lebenslauf	192
Аморальное землетрясение	196
К вопросу. Голоса	199
Культурное мероприятие	200

1999

Наука побеждать	205
Болотные огоньки	207

Книга вторая
Обучение сну

2000	
Тот свет	210
Первый снег вечером	211
Ночь на 23 июля	212
Парк	214
“Стих белый — белою вороной”	215
Летние конькобежцы	216
Венгерское вино	217
Протирание зеркала	218
“Отдайся власти простыни”	219
Первая поездка	220
Ruhig	221
Итальянское вино	222
“Горбик — верблюжий, заплечный...”	223
Рыжее солнце	223
Сказочница, дающая советы	224
“Не нетерпенье, другое...”	225
Душа рюмочки	226
Начинающий	227
Пара фраз (1 и 2)	227
Чеченский ночлег	228
“Как ветру позднему...”	228
2001	
Светлана	229
Песнь	230
Зима 1958-го	230
“Лечи невроз посредством речи...”	231
Что Бог послал	231
Адриатика	232
“Всё прожито, — всё впереди...”	233
“Вот лопнула жилка — и я идиот”	234
Дрёма	236
Вечеринка на работе	237
Эпоха просвещения	238

2002	
Жратва	239
Идиллия	240
“Но о смерти, о смерти...”	241
Собачья и волчья пора	242
Час “Ч”	244
“Ты приглашен взащей”	245
1982-ой	246
Азбука	247
Львов	248
“Как тошно: запах мокрого окурка”	249
“Найдут безработные текстовики”	250
1974-й	251
“Отец, отец, вот красное словцо”	252
Сновидец	252
Поезд	254
Обучение сну	255

2003	
“Лампочка тусклая — сорокаваттка...”	256
“А это будет — по уму...”	257
“Задует надолго — и стылое небо...”	258
“Со временем что-то творится...”	259
Течение и огонь	260
Спиной к движению	261
Маша и слова	262
Больничные стихи	263
Междуречье	264

Тексты

2000	
Сон о постмодернизме, или Апноэ	265
2003	
“Before is too late”	269

Книга первая
Текст

Сессия.

Кофе пить. Листать рывками
Между быстрыми глотками.
Отмечать в углу сознания
Своё сонное дыханье.
И не спать — дремать минуту,
Пальцы в волосах запутав.

1976

Папироса.

“Беломор”. Губа — не дура.
Кончик влажен лишь слегка..
И дымится под прищуром
В жёлтых пальцах знатока.

1976

Пасечник.

Он проверяет
Ни свет ни заря
Рамки расплавленного
Янтаря.

С совестью, с пчёлами,
С миром в ладу.
Чай попивает
И ложка в меду.

1976

(Из серии “Имя”)

Тане об этимологии.

И с виду проста, и жизнью довольна.
Не та, вроде, хватка и стать.
Но только вот в имени полно невольно
Читаю я: “Тать...”

1982

Великий Устюг.

Тут блики тёплые по стенам.
Ещё согрет мой край постели.
Не угореть бы невзначай.

Холодный чай. Ночное бденье.
На низком стульчике сиденье
У печки. Рдеют дров слои.

“Молчи, скрывайся и тай” ...

1984

Терпенье и труд —
Чего это
я там
перетираю?

1984

Храм.

Не надо сетовать, не надо.
И дело тут не в злобе римской —
Давно взыскующими града
Разрушен храм Ерусалимский.

Наверно проще так намного
(Тут все равны и всякий годен):
Чем одному дойти до Бога, —
Толпой взять Град и Гроб Господень.

Но это — после. Шма, Эсрозл!
Встань под знамёна Маккавеев!
А дальше ... Новый храм построим?
И что, и кто спасёт евреев?

Быт гарнизонный, гнёт понтийский.
Что, под охраной легионов —
Без понужденья и без риска —
Не чтить кумиров Пантеона?

Заветом ветхим не хранима,
Земля скупа, житьё убого.
Смешно твердить, что было имя,
И мать, и родина у Бога.

Что значит “Смертью смерть поправ”?
Что ищут люди от добра?
Какие новые затеи
Готовят эти иудеи?

Всё притчи, всё иносказанья
В их подозрительных писаньях.
Но не в чем обвинить — зане
Себя винят. В своей вине.

Бросая скарб и дом без грусти
И деньги — в пыль, за благостынью
Уходят навсегда не в пустынь,
А в настоящую пустыню.

За добровольное сиротство —
Кликуши, дураки, провидцы —
Своё отдали первородство,
Но где он, суп из чечевицы?

Не надо сетовать, не надо.
Зато слова, заветы те
Предстали в вечной простоте
И пред взыскующими града.

И Храм восстал — судьбой хранимый,
Людьми спасаемый в преданьях.
Что камень, нынче так ценимый?
О зданьях лишь скорбим. О зданьях.

И, над развалинами, мнимый,
Сиял звездой шестиконечной
В душе. В молитве. В Вифлееме.
И на повязке? Да. Конечно.

1989

Звёздный час.

“Открылась бездна, звезда полна.
Звездам числа нет, бездне — дна.”
(Ломоносов)

Ни боги не помогут, ни заклатья,
Ни формулы в нирвану погруженья.
В свой час свершится ежедневное проклятье —
Исходом дара сна и пробужденья.

Сбивая ритм часов, то тише, то быстрее —
Заело снова слева кнопочку в соске —
Начнет пульсировать внутри,
Стихая,
 зрея,
 рея,
Бессонница —
Механикой на волоске.

Раскачивает, будто невпопад,
Симметрию зеркал, смещая представленья.
Чьи это, из каких глубин глаза глядят,
Даря и тебе иное зренье?

Так постепенно проступает, так
Покой сменяет прежнюю беспечность.
Часть Млечного пути в окне — не просто факт,
Не мёбиус, не знак, а — бесконечность...

И бесконечность представляется воочью,
И заешь точно, что тогда постиг
Над бездною безумия Ахав зависший ночью,
Увидя ход кита над бездной.

Моби Дик,
Белёная бессонницы громада,
Приветствую тебя, ты предо мной.
Да будет так.

Вершится магия.
Твой след флуоресцирует
под веками,
под пальцами, размявшими табак,
Под шариковой ручкой на бумаге.

Он странно освещает всё подряд,
Он резонирует по капиллярам кровью.
Не так уж важно, что про это говорят:
Ночное знанье — или нездоровье.

До первых петухов отпущено нам время —
Без нечисти дневной и без дневных забот.
Над всеми ночь, над ВСЕМ — провалом звёздным. Дремлет.
И запрокинула лицо в провале чёрных вод.

Так что же ты не спишь, безумие ночное,
Весь мир постигшее, не зная лишь одно:
За что же дара сна лишён, за что же мне такое.
За что же отнято, за что же мне дано?

Сейчас, сейчас. Всё по-порядку.
Окурки — вон. Газету — с глаз
("...явление ТАСС").
Теперь, пожалуй, ручку. Вот. Тетрадку.
Сейчас, сейчас...
Мой звёздный час.

1989

(Из серии “Метаморфозы”)

Выбор Гамлета.

Это когда-то коснётся меня:
Всё. Без потачки.
В записке — ни дня.

Это, наверно, ужасно — война,
Это, наверно, ужасно — резня.
Это когда-то коснётся меня.

Это случится — в войне ли, в резне,
Или, скорее, в кровати, во сне...

Нет! На потом оставляю.
Знаю — но не называю.

Стану — спокойный.
А может быть — шумный.
Думать ТАКОЕ — безумье.
Без — умье?

Выбор широк для любителя странствий,
Только вот путь — в искривлённом пространстве —
Только лишь к тем берегам, где, забытый,
Там я — зарезанный,
Там я — убитый.

Только — с классическим постоянством —
К точке во времени, действе, пространстве,
К точечке той, за которою — сутемь,
Той, где все судьбы кончаются сутью...

Только бы не было страшно и строго.
Вот без руля и без вёсел пирога.
Тихо, без всплеска, с трёх разных сторон
Медленно мнимый подъедет Харон.

Что же я там и тогда осознаю?
Что же подумаю?
Что же узнаю?

1989

Памяти друга, чёрного кота Лишая.

Душа — улыбка.

Или явится до срока,
Или тает не спеша.
А хозяин-то — далёко.
Не приладится душа.

Дела — много. Тело гибко.
Только уголками рта
Обозначена улыбка
У Чеширского кота.

Котофей, не умирай.
Что тебе зверячий рай?
Что за глупости. Серьёзно,
Погоди. Ещё не поздно!

Страшно, котик. Котик, ладно,
Видно, всё идёт как надо.
Видно, вспомнится потом,
Когда буду я котом.

До конца пойму тогда я
Взгляд твой жёлтый. Полетаем,
Как во сне. И, как бывало —
По подвалам, по подвалам.

К окнам — сквозь подвальный морок —
Вдоль каморок, вдоль каморок.
Выше. Дверь должна открыться,
Только скрипнут половицы.

Дальше, низом. И тропую —
Над травую, над травую...

Хорошо ль тебе, легко
В чёрном шёлковом трико?

1990

Страшный сон.

От врагов Руси нередко
Коренной страдает житель.
Только лёг, приняв таблетку,
Что назначил врач-вредитель,

Пушкин мне приснился сразу
(Надо ж быть такому бреду):
Кучерявый, черноглазый
...И Абрамович по деду!

1991

Хокку.

Оглянуться не успели	—	надорвался муравей.
Лето красное пропела	—	тоже — сдохла стрекоза.
Я не знаю, что мне делать.		Уж зима катит в глаза.

1991

Парус-92.

Воспоминанья без эмоций,
О прошлом память без обид:
Там ветер свищет, мачта гнётся,
Гуляют нервы, дверь скрипит...

А мне, нет-нет, да и икнётся.

1992

Хранители.

Виват хранителям ремёсел,
Что и в живых не имут сраму:
Смиренно царь отбыл, не бросил
Ученье плотников Сардама.

Вот их добротные дела,
Вот их ободья, реи, рейки.
Их рожки красны от тепла
Кривой голландской носогрейки.

О, этот штучный, скучный труд,
Возня, простое рукомесло.
Всегда делам просторно тут,
Словам же нормативным тесно.

Немая вещь, дитя чудил,
Ей перевод не нужен сурдо.
Изделье мастер доводил
До блеска, шика, до абсурда!

От тех излишков, с потолка,
Пошло абстрактное мышленье,
От тех потуг, смешных пока,
Гордыни тайной, умиленья:

(Туда ли унесясь душой)
Обдумывать за фразой фразу
(Где Космос Малый есть, Большой...),
Шлифуя линзы и алмазы.

1992

Сопровождающий.

“Куда как грустно нам с тобой...”
(О. Мандельштам)

Мотается во сне вагон.
Не занесло бы, все под Богом.
За перегоном перегон —
Темно, тепло, шинель под боком.

В какой рукав, кого пихать?
Чего ты, батя, там долдонишь?
Глянь, скорый прёт, эти их мать, —
“Москва — Воронеж”, хрен догонишь.

А мне в Чердынь с таким соседом!..
Сиди, сиди, пей — стынет чай.
Ты не дразнись пушкиноведам.
Живи покуда.
Не серчай.

Волк те дружок. Мне грустно? Что ты.
Табак хороший. И без крох.
Я есмь — товарищ большеротый.
Я ем ореховый пирог.

1992

Памяти* Фрейда.

“Чуждый чарам чёрный чёлн.”
(К. Бальмонт. “Чёлн томленья”)

В рюмке — из варенья вишня.
Наливай полночный ром...
Медленно, со дна, неслышно
Вместо сна всплывает — сом.

Что — неявно там, сквозь вату, —
Чёрным контуром нечётким?
Тускло светятся на вантах
Электрические чётки...

Ходит тёмной донной рыбой.
(Не спеши, не пей до дна).
И доходит — волос дыбом!
Их там много. Не одна.

Всё отчётливей явленье,
Всё понятнее огни.
Потерявший управленье,
Тут он — руку протяни.

Тёмен сом. Невероятно
Близок. Не даётся в руки.
Медленно, но непонятно
Говорит на ультразвуке.

Ухватись... На борт помалу.
Всё на месте? Кнехт надраен?
Встань спокойно за штурвалом.
Не спеши. Здесь ты хозяин.

Что — неясно. Вспомни, cito!**
Это, вроде, помнит кожа.
Этот твой язык забытый
Надо вспомнить. Но не можешь.

И над зыбью — к дому, к молу,
К воле, к тверди, в порт, в покой.
Пусть дрожащим, мокрым, голым,
Но на палубе сухой.

Перед тёмным сомьим ликом
Должен вспомнить. Но не можешь.
Ртом немым, беззвучным криком
Бесполезно звать на помощь.

Не до жиру, не до счастья,
Но спокоен и спасён...
Полным ходом, над напастью —
Чуждый Чарам Чёрный Чёлн.

И — толпой медузья бельма.
Ближе, ближе рыбий зрак...
Лишь огни святого Эльма —
Сквозь туман и сон, и мрак.

1992

* В буквальном и переносном, и пр. смыслах

** cito! (лат.) — быстро

(Из серии “Открытия”)

Водка.

Вот и водка налита.
К ней закуска — красота.
И тепло пойдёт по телу.
И бутылка запотела.

1993

Резонанс.

Из тех ли ты, кто на режим
Гармонию не поверяет,
Кто опытом не жил чужим,
Из тех ли ты, кто доверяет,

Кто ночью душу здесь лечил,
Кто здесь стоял спиной к Востоку,
Кто своё эго подключил
К антенне готики высокой

И эхом стал? Что слышишь? Ну...
На низкой ноте, без опоры,
Химеры воют на Луну
С уступов Кёльнского собора.

1993. Кёльн.

(Из серии “Метаморфозы”)

Частный случай.

Таракан ползёт — классически — в стакан.
Тень Лебядкина зависла над общагой.
Неестественным (чем кончится строка?)
Странным образом марается бумага.

Как хотел — не по клише, но по душе ль,
Под финал доставши контрамарку,
Рисковать быть спущенным взащей
По ступеням лестницы Ламарка?

По ступенькам, по углам, в чужих местах.
Тридцать семь. Стреляться неохота.
Таракан в гостях и я в гостях,
Кто ему — облава и охота.

Чёрт-те что и вправду, сей же час
Разберёмся с этим без прелюдий.
Слишком поздно и не в добрый час
Ты, старик, отправился в полюдьё.

Тут себя, старик, совсем не зря
Чувствуешь немного идиотом.
Персонажем, правду говоря,
Не литературы — анекдота.

Может, как подростки, дихлофос
И себе плеснуть — чего уж, чтобы
Завершить весь ряд метаморфоз
Кафкианской, предпоследней пробы?..

Ни к чему химические средства.
Наши здесь пересеклись пути.
Я один. Всё тонет в мухоедстве.
И стола уже не перейти.

1993. Кёльн.

Обстоятельства места и времени.

Сон — это слон,
Только с ножками цапли.
С тем и надломлен он
Первой же каплей.

Где-то там бродит,
Плывёт как налим
В памяти — вроде
Картинок Дади.

Дождь на всём свете.
Смурной выйдешь, сонный.
Спичкой осветит
Кусочек ладонный.

Здесь и дыши
Никотином, озоном.
Нет ни души.
И гулять нет резона.

Слышишь, за городом,
Глухо донельзя, —
Там электричка
Бьётся об рельсы.

Темень и дождь.
Сигарета намокла.
Лёгкая дрожь.
Только мокрые стёкла

Дрожжи вторят —
Барабан да сурдинка,
Врозь и подряд.
Но — сухие ботинки...

Что от добра ещё
Ищется снова?
Слова какого,
Зачем тебе слово?

Звуки и запахи
Чувствуешь остро.
Время ли, место ль
Рефлексии? Просто

Лихо наκληется —
В самую пору де.
Дождь в чужом городе.
Ночь в чужом городе.

1993. Кёльн.

Привой.

Я всеми мыслями — на Запад.
Я всей душою — на Восток.
Мне сей отчизны сладок запах.
Я — грубо срезанный росток.

Раздвоен. Помню свой шесток.

Я славно зажил, лучше вдвое.
Я отдан был ножу кривому.
Я — саженец, я — по живому.
Я беженец. Я на подвое.

Я вою.

1993. Кёльн.

Начало стиха.

Об мысли в тиши
Окурок туши.
Движенья души
Запоем души.

Тупые ножи.
Для ближних кроши
Из мяса и жил
Своих гуляши.

Паршив твой пошив —
Одевайся, спеши;
Простужен, плешив, —
Под ливнем дрожжи.

Навязчив и лжив
Приятель — дружи.
А всё ещё жив —
Стол да лампа. Пиши.

1993. Кёльн.

Сейсмография.

Так медленно, так тоненько
Ведёт перо тектоника.
Похоже, что-то нервное
Пошла писать губерния.

1993

Рассудку, смыслу вопреки,
На что-то всё ещё надеясь,
Сомкнув ряды, примкнув штыки,
Когда “свиньёю” прёт что невесть,

Забывшись, закатив белки, —
Кричащий плебс, мычащий демос, —
Читай. Лелей. Пиши. Реки.
Знай: “Ubi lingua — ibi Deus”*.

Оно не каждому дано:
По нёбу языком, по небу
Определять на вкус вино,
Слова на вкус. Не сеять хлеба.

Не сеять. Лыка не вязать.
Почто дышу ещё, надеюсь?
Грешу. Пишу... Как знать, как знать,
Быть может, всё же, — “ibi Deus”?

Всё зыбко. Гелиос в огне.
Тектоникою дыбит Геос.
Опоры нет нигде вовне.
Лишь: “Ubi lingua — ibi Deus”*.

Что там во сне? — Квадрат. В окне —
Мой чёрный ужас. Фобос! Деймос!**
Ночь подсознания во мне.
И лишь лампадкой: "...ibi Deus"

Что у Иова-то отнять?
Всё потерял — и водкой греюсь.
Лишь Слово мне дано понять.
И передать. И — ibi Deus!

1993

Это свернулось удобно калачиком
В позе естественной эмбриона.
Это царапает согнутым пальчиком
В форме прозрачного скорпиона.
Это забытая мною вина.
— Это — она?
— Я не помню.
— Она.

1994

* Ubi lingua — ibi Deus (лат.) — Где язык — там Бог.
(поговорка собственного изготовления)

** Фобос (греч.) — Страх.

Деймос (греч.) — Ужас.

В астрономии — названия двух спутников Марса.

Н.Л.

Позвольте узнать... Сколько, сколько?

Вот именно.

А талия, в общем, не только что в имени.

А вот из-под чёлочки те же глаза:

Отличница, умница, пчёлка, оса.

Но — окна (с запущенным серым двором)...

Но — воздух (с зависшим над ней топором)...

Пасьянс. Медитаций табачных сеансы.

И снова пасьянсы. И снова пасьянсы.

От мелкой обиды порою шалает:

Взовьётся, ужалит... Потом пожалеет.

Так ведь не со зла. Отвечать? — Дело вкуса. —

Лишь кожи продёрг под целебным укусом.

За вечер, за ночь, за полночь — беззаветно

Служить и терпеть. И пусть будет заметно

И как перепуталось всё в её доме,

И как удивляться мне нечему, кроме:

Как всё это вместе ужилось, осталось:

Обиженность, женственность, жало и жалость.

(Лишь вспомнится — реже — последняя дружба.

Лишь брошена будет последняя служба...)

Сомнамбула, сзади остался карниз!

Идёшь, не очнись, глаз не скашивай вниз,

Не переступай той невидимой кромки,

Где время проходит

И тикает громко.

1994

Семья.

Не взглянуть бы — все в сборе.
Обед. И в ложке он:
В добротном мельхиоре
Дымящийся бульон.

Легенда*.

Ещё раз хочешь — напролом,
Последний жребий мечешь в спешке,
Загадываешь: “Ну! Орлом!”
А в кулаке зажата — решка.

А в результате жизнь — копейка.
Кому отдать медяк потёртый?
Десяток промотал четвёртый, —
Ломайся, “Сейка”, плачь, жалейка...

Моё последнее танго.
Заносит душу городскую.
Нет денег — ну и что с того,
Не проку одного взыскую.

Жалеть что толку о былом.
Уже кончается аренда.
Моя — и решкой, и орлом —
Легенда. Только лишь — легенда.

1994

* “Легенда” — надписи и изображения на монете.

Размышления еврея в немецкой пивной.

“Credo quia absurdum”*.
(Тертулиан)

Вот город, когда-то — колония Рима**.
Вот кто-то, зачем-то, по имени Дима.
Порой сам себе удивляешься: “Ты ли?”
Ну что ж, эко диво. Здесь многие были.

Два шпиля собора торчат терпеливо.
Victoria? Или заказ на два пива?
Пользительно sprysнуть вчерашние скорби:
Для Urbi одно, а второе — для Oгbi!

Собор называется попросту — Дом.
Да город при нём. Да я живу в нём.
Зачем я живу (в смысле — здесь) непонятно
Ни мне, ни соседям. Не правда ль, занятно?

Я пью то же пиво, что пили когда-то
Друзья-студизы Фомы Аквината.
Поскольку оно здесь вовек не прокиснет,
“Два светлого!” — живо и ныне и присно.

Чем хуже, позвольте узнать это, мы
Отчаянно верящего Фомы?
Вот — свежее, пенное... Сколько же дат
Новых, с тех пор, как два года назад...

Что там сейчас? Русский путч разливной?
Положим, здесь тоже, вот в этой пивной.
Не тот, чтобы дуrom переть озверев;
Так, путч — в животе, в мочевом пузыре...

Пожалста, — сосуд мне наполнить до края.
Я здесь, в уголке мочегонного рая
Не верю (какой умиительный тост!)
Ни в зубы дракона, ни в хвост — Холокост.

Я верю в погрома зажившие раны
(Да, знаю, читал, кто такие мараны).
Я верю, что беглые — все диссиденты.
Тьмы истин моменту. В успех импотента.

Я верую в город. В собор нерушимый.
Я верую в голос народа фальшивый.
Что толку мне здраво судить это. Мерить?
Проверить нетрудно. А ну, как — поверить.

Пускай безнадежно, неумно, подсудно,
Я верую, верую,
 ибо — абсурдно.

1994

Гимнастёрка.

Испод всё — пот. Поверх — застирана.
В затылок. В обмороке. Смирна-а!

Одиночество.

Боли в средостении
И мерзость запустения.

* Credo quia absurdum (лат.) — Верую, ибо абсурдно.

** Colonia Agrippina — ныне Кёльн.

Кавказ.

Ах, живал я да бывал,
Только что — не воевал.
Не поездил, не понюхал,
Пулей бочки не вскрывал.

И с чего б не воевать?
Наши быстро замирят.
Близко, близко... Так и слышно
С “ятю” славное “Виват!”

С “ятю”, “матю” — всё подряд.

Ух, как трубы затрубят, —
Как ребята нагрубят!
Всласть и — враз, — и — в грязь. “Ты — князь?”
Хрясь! И: “К стенке, — вон тебя!”

Это — к стеночке — тебя.
(Не губя, иль там — любя).
Просто — эх-ма — крестик снят. —
Троекратное “Виват!”

Козырёк под слоем пыли.
Простодушие лица:
“Так что, это... Замирили.
Малость, правда, уморили.
Ничего. Быват-мерцят.”
Быват-мерцят.

1994

Лишь чистого ума игра:
Что, мол, не прокляты мы, вроде,
Мол, есть императив добра
И соответствия природе...

Кипит вновь разум возмущённый.
Вновь — строем, с боем, с блеском сабель...
Вставай, проклятьем заклеимённый!
И говори, где брат твой Авель.

1994

Относительно реинкарнации.

Разгадка новых воплощений,
Загробной тайны — на носу.
Боюсь лишь, что, прошу прощенья,
Я смерти не перенесу.

1994

Деревенская проза.

Ваня всех удивил.
Встал, коров подоил.
Покурил да попил.
Да себя удавил.

1994

Война.

“Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?”
(О. Мандельштам.)

С чего всё началось, чья была воля злая?
И род и город разорён. Парис,
Что там случилось в доме Менелая —
Любовь, каприз мадам, душевный криз?

И поздно разбираться, и неважно:
Уже подложен под коня каток.
Не надо про деяния отважных, —
И так всегда из сводок ясно, кто

Являл собою доблести пример,
Что двигало, что было высшей ставкой...
О ком слагал предания Гомер?
Рогатый муж да женихи в отставке

Оставившие семьи и дома,
За десять лет слегка подростших малых деток.
Засады... Вылазки... Дождливая зима.
Невзгоды двух блокадных пятилеток.

Не лучше ли, сливаясь с тёплой мглой,
Хлепать в Тавриде ласковой массандру,
Чем, воя, раны скверною иглой
Шить второпях, насиловать Кассандру,

(Такого не предвидела она),
Дичать, терять друзей, и сон, и разум,
Мать вспоминать — когда убил не сразу.
Война — она и в Африке война.

Из-за наложниц ссориться серьёзно?
Чем тоже не причина для войны.
Куч разлагающихся — прочих и навозных —
И с той не убрано, и с этой стороны.

Елена, кажется, в Египетской земле.
За что сражались-то, хоть помните, кретины?
Добились своего? Где корабли? На дне.
Прочтут их список, может быть, до середины.

С чего сорвались, мужики, как это вдруг,
Ахейские мужи, скажите откровенно.
Забиты нужники. Дерьма вокруг..
Что Троя Вам. И что уже Елена.

1994

Покуда занят Крым войною,
Пройдусь Германией лесною..

Что может быть печальней так
Ходить. Средь веток и коряг
Найти нелепое, смешное,
Знакомое, почти родное
И вспомнить: “Точно. Габриак”.

1994

Искушение.

“О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют...”
(Б. Пастернак).

Так весело всё начиналось,
Так попросту — ласточкой в сени.
Бывало, буянили малость
Поэты, художники, гении.

По-русски где Ваньку валялось,
А где по-французски парле.
Рассеянно в Арле гулялось,
Привольно дышалось в Орле.

Так славно бывает вначале
Участвовать в этой игре
Как сладко, оставив печали,
Торчат первый раз на игле:

Избранником быть, в заповедной стране,
Кругом все чудные, благие,
А ты уже там — в стороне, на струне*,
Где явь, где реальность — другие.

И дальше, и дальше, и — где уже твердь...
Забавно придумали, черти:
Дорога, ведущая в рай — через смерть —
Есть просто стремление к смерти!

До Фрейда мечтала душа о ноже,
Всенесовершенством ранима;
“Кровь, ухо и нож” — ещё Босха сюжет,
Престранного Иеронима.

Подспудно желания манят туда,
Аскеза и йога — в нирванну.
Там — цель Дон Жуана. А есть — без труда:
Вскрыть вены, сесть в тёплую ванну...

* Струна (жарг.) — игла шприца.

И всё это — способы жизни, братан.
Но если в ней плохо и пусто,
Но если тебе ещё шанс некий дан,
Тогда остается — искусство.

Там можно увидеть такие цветы,
Такие чернейшие ямы!
Там Шпенглера мрачности слишком просты
И розовый бред Фукуямы

Там лепетом детским невнятным разит.
Там нет угомона и края.
Там пишут навзрыд. Там Бог говорит.
И куст там горит не сгорая!

Там сможешь (но будут мгновенья редки)
Побыть у черты, у порога,
Где воля — и мраморные завитки
Кровавого уха Ван Гога.

1994

Молодость.

Лето. Вечер, но теплынь.
Запах — мёд. Всё невозможно
Ощутить, не то что... Блин!,
Как легко идти порожним.

Дворик. Млечный Путь. Всегда —
Праздника, пластинки, чуда!
Цокот. Каблучки. Куда?
Окна настезь. Смех. Откуда?

Что котов кругом! Ничо.
Туфли. Клейкий лист прилип.
Темень. Ночь. Июнь.
Ещё.
Сладкий клей сочится с лип.

1994

Падение империи.

1.

“История не имеет
сослагательного наклонения”.
(Афоризм).

Пойми: сдвигающий породы,
В нечеловечью волю слит,
Глухой, подземный глас народа
Достиг континентальных плит.

Гул слышен. Дыбятся века.
Вот-вот — и блоковские кони...
Ещё спокойно все пока.
Но в сослагательном уклоне

(Что обвинительному брат)
Все наши “если б” воплотились —
В кристалл, в магический карат
Свободы, дикой воли, или
Неважно в что уже — когда
Грядут библейские явления:
Польнь какая-то, беда,
Воюющие поколения...

И пресекутся времена.
Рассвет. Соборность и народность.
И смерть, и мука, и война.
И ненависть. И безысходность.

Кричит неведомая птица.
Трещат, ломаются гробы.
Не приведи Господь родиться,
Когда творится “если бы”!

2.

“Где стол был яств”, — всё больше — выпить.
Снаружи — рой за роем: Припятъ,
Полк Наших, Трезвость с Топором.
А к нам: с автобуса — двором.

Винцо. Нехитрое печенье.
И некое столоверченье —
От градусов и разговоров.
Остатки разливали поров...

В странноприимнейшей земле,
В тепле, в исходе безысходном,
Лежит на дареном столе,
Вполне удобном и походном,

Всё тот же вечный чистый лист
И ручка — верный чёрный Шарик.
Здесь чай и крепок и душист,
Омлет вкуснейший плитка жарит.

Тут, выбирай не выбирай:
Спасённым — рай, а вольным — воля.
Был посере́дке где-то край.
И хата с краю. В кухне, что ли:

Все выпили и вздор несут.
Пора: “А хорошо ль сидится?” —
Вопрос бы и задать, и тут
В улыбке расплывутся лица...

Слов столь ещё понятна суть:
“Застолье...” “Стол...” “Моя столица...”

3.

Где Це Ка Ка минувших светлых лет?
 А где простые, ласковые бляди,
 Портвейн “Кавказ”, скажите, Бога ради,
 Где из столовой бурый винегрет?

Где песенка, как я гляжу ей вслед,
 Где трёп на кухне, споры на ночь глядя?

Где женский визг вокруг? Где лучший друг?
 Где рок-н-ролл? И сам, куда как шустрый,
 Партнерши каблучком заехавший по люстре?
 По батарее где соседей стук? И вдруг,

И вдруг все кончится. Не враз. Не без следа.
 Товарищ, верь, чёрт с ней, с моей громоздкой Византией,
 Гори, сияй, Полюнь моя, звезда!
 Люд поднебесный, не грехи, — долги прости ей.

Пески поглотят царство. Не беда.
 Ещё осталось жизни на распыл.
 Что вы заладили так грустно: “Навсегда”.
 Я жил тогда, вы помните?
 Я был!

1995

Сорок. Срок. Не поздно ль — впрок?
 Не скупись: что прах — что порох!
 Разве что, кому-то дорог.
 За душою пару строк.

Именинный (скоро сорок)
 Ждёт — пиро..? Нет, нет — порог.

1995

Рождественская прострация.

“Всё перепуталось и некому сказать.”
(О. Манделштам).

О, Родина, как я люблю монотонных
Домов твоих стройность панельно-бетонных!
И девушек наших люблю параллельно,
Живущих в панельных. И просто панельных.

Люблю твою водку — за привкус кондома,
За чувство резины, за то, что я дома,
За зубы литые, улыбки златые...
И люди простейшие, то бишь — простые,

В трамвае, теснясь без обиды и зла,
Дыханием терпким — вола и осла —
Согреют любого, не то что — младенца,
Но — нежного немца, привычного ненца...

К библейской всё движется жизни простой,
К природе, назад (на заводе простой.)
Всё вновь перепуталось, Господа Мать,
И некому, кроме Аллаха, сказать,
Что, вот, прости, Господи (может, простит):

Простуда,
 Простор,
 Простота,
 Простатит...

1995

Aachenerstrasse*.

Привычный жест: как в рот травинку
Клади прохладную пластинку.
И делом занят, и — жуёшь.
“Мысль изреченная...” Ну что ж,

Совет понятен, спору нет.
Молчи, катая мягкий шарик.
Молчишь, молчания обет.
Язык лишь беспокойно шарит.

Речь кончилась. Есть вкус и запах.
Восход, пожалуй, — всё. На Запад
Шоссе. Знакомых нет растений.
Возможно — вертоград. И тени.

Пустое дело — на юру
Блсднсть лицом, пугать прохожих.
Умру когда-нибудь? — Умру.
Как ощущать приятно коже

Что ближе к телу, — итого:
От кеда — до глаженной рубахи.
Но было эхо? Нет, всего —
то грузовик промчал: “Аахен!..”

Ост-Вест. Обычная картинка.
Что там, что тут есть твоего?
Идёшь, глядишь, жуёшь резинку.
Без сахара. Без ничего.

1995. Кёльн.

* Aachenerstrasse — улица, пересекающая Кёльн — на Аахен, на запад.

Национальность.

Музею Яд Вашём.

Мы евреи, евреи, евреи.
Мы поедем в другие края.
Всё. Забыться. Забыть поскорее,
Водка, горькая чаша моя,

Что стоит
 недвижим
 монолит
 картотеки

Мест, куда
 и откуда
 бежали.

Города,
 кои выбиты
 в камне
 навечи,

Как заветы на третьих скрижалях.

Ничего не меняют твои размышленья,
Рассуждения: быть ли, не быть...
Это право. Печать. Первородство. Рожденье.
Не избыть. Никогда не забыть.

Тот же спор, стук колёс, разговоры о Герцле,
Та же горько-весёлая песнь.
То не пепел Клааса стучит в моё сердце, —
Моё сердце стучит, пока есмь:

От Ганзеи до русской развесистой клюквы
Отмечается срок бытия.
Упрощается речь.
Отпадают буквы.
Бабий Яр.
Яд Вашём.
Я.

1995

Толкование снов.

Вот кончается речь — начинается кровь.
Хлеб изгнания. Мычание. Семь тощих коров.
Не вскричать. Не проснуться. Не встать и не лечь.
Нет дыхания... Спазм. Газ доходит до плеч..!

Утро. Топится печь. Продолжается речь.

1995

Анкетный вопрос.

Жилось ли, училось — а одна строка.
Так уж получилось — знать три языка.
Всё как полагается, читаю и пишу.
(Русский не считается. Я на нём дышу).

1995

Из серии “Метаморфозы”

Гаданье.

Кельн, готика. Олени, нарты...
Что было. Что сейчас. Что ждёт...
Так погадать? Раскинем карты.
Европы. Азии. Ещё.

У моря будешь ты рождён,
У Чёрного, где жили-были.
У Белого, где гибли-стыли,
Живёшь, судьбою принуждён.

И это будет в миттельшпиле.

Ты всё узнаешь, всё подряд:
Житьё забытое младенца,
И скучный мат, и женский взгляд,
И бегство, и любезность немцев.

Очнись Европы посреди:
Значок колючий октябрёнка
И знак гвардейский на груди.
Сползает мокрая пелёнка.

Во лбу кокарда, герб имперский.
Ремень, свинцом залита пряжка.
Халат врачебный на тельняшке
И алый галстук пионерский.

И будет не определить
Ни смысла, ни логику событий.
И тянешь, — тянется не нить —
Какие-то обрывки нити;

Дела, какие-то дела,
Что непредвиденно застыли —
Подобьем жидкого стекла
В аморфном, коматозном штиле.

Двина Архангельск рассечёт,
С весла холодной каплей брызнет.
И Кёльн стоит. И Рейн течёт.
И книжек всех — наперечёт.
И длится сон о моей жизни.

1995

Демьяниана.
(пиеса)

Действ. лица: Бог. Демьян. Немцы.

Бог (*глядя на Землю*):
Фу-ты, ну-ты, что за нумер,
Жив Демьян, никак не умер!
Вышел гусем из беды.
Ну, теперь его куда?

Демьян (*глядя на карту*):
Ишь ты, сколько разных стран-то!
Ну-ка, стану эмигрантом.
Нада всё решить заране.
Где там, как её, Германья?

Немцы (*танцуют и поют*):
Из-за дальних, дальних стран
Едет, едет наш Демьян!
И тому ужасно рад
Весь немецкий Бундесрат!

Демьян (*делово*):
Из какенной пёрся дали!
Что, родимые, не ждали?
Вот и — слёзы, крики счастья,
Бодрый “Марш энтузиастов” ...

Где халат мой беловатый?
Скальпель, спирт, зажим и вату!”
Ща рукав я засучу —
Всех тогда и залечу.

Немцы (*жалостно-жалостно*):
Ой-йо-йой, пришла беда.
Вот те деньги, вот еда.
Вот вино со всего света.
Всё, что хочешь, но не — это!

Демьян (*строго*):

Будя вам. Вино приемлю.
Но, пришед на вашу землю,
Вам лечение аз воздам,
(Дальше слово не для дам).

Бог (*глядя на Землю; удивленно*):

Фу-ты, ну-ты, что за номер.
Жив опять. Опять не умер.
Всё намёка не поймёт.
Ну и — хрен с ним, пусть живёт!

1995

Перспектива.

Скоро сорок. Звучит неуместно,
Как шаги Комаңдора вдове.
Врёт пословица. Зеркало — честно:
Седина-то, вот-вот, — повсеместно.
Бес? Известно, где бес, —
В голове!

1995

Перемена мест.

Головная боль. Суббота.
Воробьи клюют блевоту.
Полицейский на посту.
Чёрт-те что. Что там — что тут.

1995

Кришнаиты.

Одного взыскуем, Рама:
Человекам — Божьим тварям
Лица дай. А то ведь драма, —
Хари, Кришна, хари, хари...

1995

Херес.

Как много выпало уже
Дождя на душу населенья.
На душу. Мокрые дома.
Особое увеселенье —

Сто дней дождливая зима.
И снега нет, ну надо же!

Пустые улицы. Скорей
Домой, початый херес
Там ждёт. И тапки у дверей.
Несёт бессонно чушь и ересь

Там телевизор. Но пока
Колдуешь, сидя в кресле старом,
Над хрусталём — не слышишь; даром,
Что сделал только два глотка.

О лужах, ветре, обо всём,
Что было — поскорей забыть.
Что вспоминать — о том, о сём,
Что толку ? Лучше жить да быть.

Спаси и сохрани меня
Букетом терпким винограда.
При непогоде — вот отрада:
От маслянистого огня

По нёбу вязкое тепло
(Не так уж плохо и живёшь.)
Стакан. Посмотрим сквозь стекло.
(Всё — гут. Нигде не натекло.)
Всё, всё бы ничего. Но — дождь...

1995

Первый опыт.

Профиль точёный. Искусство искуса.
Дрожь. На губе — укусу укуса.
Значит ли это?.. Значит — сейчас?..
Запах волос, мочки уха, плеча

И — беззащитного, жданного,пряного,
Смутно угаданного, дурманного.
Тонкая, скользкая нежность белья..
Это — возможно ли? Можно ли? Я...

...Мы — навсегда. Мы — друг в друге..
Но тщетно!
Жадно вспухает двойное крещендо!!

Розовым шёлком — подкладка сырая
Тайного — невозвратимого —
рая.

1995

Ну зачем себе-то врѣшь?
Ты по возрасту — на грани.
Ты пока ещё живѣшь
(Как лягушка у Гальвани).

Ты, на шахматной доске
Оказавшийся у края,
Понял, наконец-то, с кем
И на что теперь играешь?

Мата нет ещё. Но — пат.
Немигающий, свиный —
До гусиной кожи — взгляд:
Сорок. Больше половины.

Все — мои. Сюда, в уют.
Ваши, знаю я, не пляшут.
Но довольно часто пьют:
Шах не вечен, мат не страшен!

Но довольно часто здесь,
На ночном балконе, курят
И бормочут, что — Бог вещь,
До бессмыслицы, до дури.

Кто теперь что разберѣт.
Начиналось столь невинно.
Но — вписаться в поворот,
Если лысая резина,

Если всё наоборот,
Кувырками через спину,
Дуром, задом наперѣд?
Скалясь зодиаком лвиным,
Жизнь идѣт, проходит, прѣт

Наобум, наощупь, быстро
Слишком; хватит за глаза
Визгов верхнего регистра.
Отпускаю тормоза!

Рельсы криво уложил.
Пешки сбиты. Нету сдачи.
Приезжайте, кто дожил,
Собирайтесь, посудачим.

Будет густо от бород,
Чёрных платьев, пятен винных...
Собирайсь, честной народ,
На мои сороковины.

1995

Ночной полёт.

“— Осторожно ночью... эй!”
Он не слушал советов товарища.”
(Сент-Экзюпери, “Ночной полёт”.)

Оставим кесарям страну,
Войну, печенье хлеба;
Себе — страстишку (так, одну, —
Марать бумагу, небо).

Пальто, галоши — кес ке сё?
И, в сорок с чем-то лет, —
Запрет на то, запрет на сё,
На выпивку запрет...

Оставь, пусть будет всё как есть.
И чистый лист отставь.
Дневные доблесть, дерзость, месть, —
Бог с ним, Бог с ним, оставь,

И Вавилону — Цитадель.
Цари? А что — цари?
Ужели в небе мало дел?
Пари, Экзюпери.

Никак не отдохнуть душой?
Нигде покоя нет?
А небо — вон какой большой
Рабочий кабинет.

Придумать лучший ли уход
От завтрашних мытарств,
Чем вольнопёром — на восход
В надмирье, в битву Царств?

Вестибулярка часто врёт
И ломан позвоночник.
В паденье вверх, в ночной полёт
Уходит полуночник.

Да, да, он может падать вверх,
Он, сам не свой, ничей.
А то, что жутко, свет померк,
Так — Млечный вот Ручей.

И — буква, буква лишь одна!
Проклятое старенье.
Не вспомнить, не достигнуть дна. —
Паденье ли? Паренье?

Из всех тяни, мотор, из жил
За горизонт, за край
Того, кто выбрал, кто обжил
Давно нестрашный рай.

Он весел — выиграл пари.
Он горький пьёт абсент.
Над лётчиком Экзюпери
Парит приставка “Сент”.

1995

Себе.

Тик-так — никак нельзя привыкнуть.
Тик-так — но некого корить.
Не приготовиться. Не вникнуть.
Какое уж — уговорить.

И монумента, монолита
Себе воздвигнуть не дано.
В тяжёлое стекло налито
Мне тёмно-красное вино.

И книг порядок, пыльных полок
Привычный ритм. И глоток
Достаточно приятен, долог,
Чтобы смешался крови ток

С теченьем мысли, нелогичной
Для дня; но ночью, одному,
Другое видится: Я. Лично. —
Зачем? И как? И почему?

И сон. И мне ответ приснится.
И утро бодрое в росе.
И день. И я шестая спица
В велосипедном колесе.

Отстань, пророк с углем и жалом,
Не все мне ленинградцы дети.
Сердца всем жечь? Да все, пожалуй,
И сами за себя в ответе.

Впустую столп не измеряя
Царёв, но зная (небеса!),
Что я воздвиг тебе, теряя,
Родная, добрых полчаса

Из жизни доблестной поэта
И сколько было мне дано
За это, нет, не за стихи, за это,
Я вспомню всё. Я пью вино.

Надует щёки Армстронг божий.
— Встать! Страшный суд! Внимать трубе!
Ты кто такой?
— Я, что ль? Похоже..
Я... Вишь ли... Памятник себе.

1995

Ностальгия.

“И немедленно выпил”.
(Вен. Ерофеев, “Москва-Петушки”).

Тоска. Мученье. Тяжкий крест.
Беда. Течёт беседа вяло.
Как Вий оглянешься окрест.
Припоминаешь, как бывало:

Сперва стоят как истуканы
(О, только б хорошо пошло...),
Но вот — воздымутся стаканы
И звякнут, звякнут тяжело!

Когда смоктанья коньяка
Постыла хитрая сноровка, —
Граненые блеснут бока —
Дзынь! — В настроенье рокировка.

Не зря чурается рука
Бокалов, рюмок узких шеек.
Дно видишь, солнце сквозь стакан.
И гравировку: “5 копеек”!

1995

Словесник.

1

И.А. Бродскому — тунеядцу *,
получившему по заслугам.

Быть пустоцветом. Не давать плодов.
Ни яблоков, ни смоквы, кляквы, брюквы...
Лечить, лелеять, собирать все буквы —
Больные, грязные, из “АКМ”, из “бей жидов”,

Из слов Равви, любви, из лжи последней —
Не получатель, не владелец, но — Посредник
(Посредством этих мелких лапок птичьих,
Ничьих, зачитанных, надуманных, вторичных).

Быть пустоцветом, цветом, ароматом
Вне бытия, сознания приматом.
Быть подсознания загадочным отсветом —
Не до конца поняв.
Но смутно вяж...
Быть пустоцветом.

2

Толкования, токование,
Толка, логики строгой кование.
(Бормотанье, вина подливание.
Забывание, завывания.)

Толкованье известного ранее.
(Предсказанье, врождённое знание.)
По хранилищам — книг добывание.
Осознание.
(Осязание.)

* Фотомонтаж в одной из первых, изданных еще при СССРе, книжке стихов: сверху фото газетной статьи времен суда над Бродским. Заголовок: “Тунеядцу воздаётся должное”. Под обрывком текста — фотография вручения “тунеядцу” в 1987 году Нобелевской премии.

Толкованье, сдирание струпа.
Доказательств, Фомы торжество.
Толочь воду на аш и два о —
Бога ради! Не жалко ли ступу?

Толкование, м-м, пребывания.
Стёкла, линзы — коррекция зрения.
(Просто житие. Переживание.
Знак, сомненье, знаменье, прозрение.

Впечатленье. Ума помрачение.
Сон. Импрессио. Сюрреалие.
Умолчание. Увлечение.
Суть камеи и суть инталии.)

Толкования и примечания.
Замечания. Некие чаяния.
Пререкания. Примыкания.
Вычисленье законов мелькания....

Связь уходит с вязанием пупа,
Дверь теперь не узнать, не открыть.
Остаётся — навязчиво, тупо —
Толковать, токовать, говорить.

Степень. Звание. Мантия. Букли. —
Пусть себе. Пусть — очки.
Уберечь —
Переводом в значки,
Сиречь — в буквы,
В скучный смысл,
Значение.
Речь.

Зеркало.

Взгляд бредовый. Простенок.
Перед зеркалом гол.
Чепуха вместо денег.
Вместо дела — глагол.

На какие такие
Продолжать тут игру?
С кем бороться? Стихия.
Видишь в небе дыру?

Там гудение слышно,
Тучи мечутся вскачь.
Ну не надо, не вышло.
Ну расслабься, поплачь.

Отлагольною рифмой,
Не мудря, причитай,
Ненадраенной рындой
Свои склянки считай.

То-то время ужалось —
От среды до среды.
Всё усталость, усталость.
Оглянись посреди:

Славно жизнь получилась,
На судьбу не греши.
Колесом закрутилась.
Понеслась, замутилась...

Но и это как милость.
И спасибо скажи.

1995

Мастера детективного жанра.

Когда приспичит излагать
В рассудке здравом,
Законом как пренебрегать
И римским правом,

Когда прижат к стене врагом
И поздно драться,
Гоним, обложен (всё! — крутом...)
Как отыграться? —

Позднее, ранее,
Хотя бы в перспективе?
— Евангелия!
— Мемуары!
— Детективы!

Как сублимация, эрзац.
Как развлечение.
Лечение страхов, аккурат-с —
Грехов, влечений

Того, кто пишет ли,
Того, кому читать.
Несчастья, смерти, тёмный мир,
Ночная тать...

Всё знать: зачем и как и кто
Кого пришил.
Вот — жизнь, вот — смерть.
Кто этим только
Не грешил.

А был ещё (ну никакой
Не помню даты;
Припадочный ещё такой
И бородатый.)

Так, детективщик. Лёгкий жанр,
Известно, вздор.
Да: Божий дар.
По-русски: Фёдор.
Теодор.

Он из ээка. Слегка был сам
Немного странен.
О преступленьи всё писал
И наказаны.

Но вот — читаем и по днесь,
В курс школ введён.
Хотя убогий, — издан весь.
Переведён...

А ну-ка — сам! К столу присядь.
Тут, зная меру,
Сюжет из жизни можно взять.
Возьмём, к примеру:

“Он ставит многое на кон.
Не без труда, —
Агент сработал. Суд. Закон”.
И что тогда?

Тогда (подумать тоже жутко),
Тогда... Постой...
Тогда заметит проститутка,
Что гроб пустой.

1995

Конец века.

За день проедешь автостопом,
За час прочтёшь Второй Завет, —
Окошком светит Старый Свет.
Провинциальная Европа:

Покой. Добротность. Сторона.
Страна сметаны, свежей булки,
Послеобеденной прогулки.
Ну, разве что, опять — война.

Так, — старосветская война,
Всё повторится в виде чистом.
Какая тут уж новизна:
Юг. Море. Смерть. (Ну, пусть, — танкисты.)
Крест. Полумесяц. (Реконкиста!)
И Ваша милость здесь нужна?

Что Ваш прыжок, вся Ваша прыть?
Досталось Вам? Что Вам досталось?
Или, чтобы точнее быть,
Что Вам, дружок, ещё осталось?

Остался слов ненужных след,
Существовавших до потопа.
Реалии минувших лет.
Так, — в горле ком, какой-то бред:
Йошкарولا... Йокнапатофа...

1995. Кёльн.

Снова — снов обрывки. Словно
От узла лишь кончик словлен
Слов, читающихся справа...
Разруби условно, право

Слово! Может, развязать
Это? Ключьями основа, —
Что-то... где-то... Как дословно
Связно сны как рассказать?

В мягкой тине, в Палестине,
Справа — от конца к причине —
От “аминя” к “присно” с “ныне”
Тебе, сыне, — здесь читать.
Тебе, сыне, — в сене, в соме,
В мухоморовом рассоле,
Здесь, в России, в Палестине,
Сыне, сыне, — поздно вспать!

Ну зачем, размысли здраво,
Слева мечешься направо
(Плотная, гляди, какая,
Насквозь потная, глухая, —
Ночь, подушка, — сна оправа...)?

Всё. Звонок. Тебе вставать.
— “Мочи нет. Разбитый весь”.
Застилай во сне кровать.
— “Что плохого даждь нам днесь?”
Что там снилось? Наплевать.

Лучше? То-то. Стой под душем.
Стой, спасай от ночи душу.
Сна — как не было. Прошёл.
(Ты для бреющих полётов,
Кажется, уже тяжёл.)

— “Только, помнишь, как бывало:
Я, мальчишка, я, урод,
Я летал, как у Шагала,
С головой наоборот?!”

1995. Кёльн.

Апория.

“Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...”
(Данте Алигьери
“Божественная комедия.”)

Догоняю. Полпути. По пояс — стебли.
Мелколесье. Ветки. Лес. Темнеет. Дебри.
Всё пропало. Крови слишком громкий стук
Остаётся только. Сумрак глушит звук.

Я запутался, задумался, залез.
Я — ни с места, я — зенонов Ахиллес.
Что ни тронь, что ни возьми, начни — всё прахом:
Жизнь прожить, бежать за черепахой...

Впрочем, ладно. “Я — особый”, — я твержу.
“Я — способен. Погляди. Поглядишь?” Гляжу.
То, за чем гонюсь, бегу и мну листву я, —
Очевидно. Очевидно, существует.

Только манит, — да обманет ведь Зенон.
Только — Майя, лабиринт, иллюзион.
Только — крови стук. И звон стоит в ушах.
Цель видна. И всё короче — шаг.

1995

Бутылочка.
Начало исхода.

Харч подавали с копытом, а равно —
С рогами и головой.
Чай отдавать уже начал явно
Тряпкою половой.

Всяческих запахов нету привычных,
Майских жуков, насекомых.
Что-то сместилось, сломалось. Обычных
Крут изменился знакомых.

И незнакомок туманы и запахи
Рифма роднит со звездой.
Мечта оказаться на некоем Западе
Стала вульгарной нуждой.

Бравый кураж отставного сатира —
Жалобами на долю.
Как-то так расположились светила?
Время — какое-то, — что ли?

Что-то в судьбе вдрызг разболталось?
Что-то со зрением?
Нет, так себе... Неприкаянность. Вялость.
Просто старение.

Дробный, неровный, — как дышат при гриппе,
Часто икающий,
Ногтем по диску, бликами клипов —
Техно мелькающий.

Бедный зрачок мельтешение колет.
Давит в затылочке...
Баста! Волшебный фонарь алкоголя.
Вот и бутылочка.

Фаллос.

Перевод с сапгирского.

Я маюсь. Затиснут как змей. Я устал.
Но вот подымаюсь. Долой! Я — восстал!
Я встал. Я вознёсся. Я — царь твой. Я — Крез.
Я — Ра, Озирис. Мне пора. Я воскрес.

В намереньях твёрд я. Куда что девалось.
Я — дух твой. Я — сын твой. Отец твой. Я — Фаллос.
Я — ад твой. Я — садо-. Я пялюсь. Я — дыбом.
Я — рай твой. Я раб. Себя пялю на дыбе.

Я смазан. Я — в жертвенной смазке Перун.
Я — Витовы пляски, я — тряска, я — ересь.
Я конский, я баский, я в смазке, я пру.
Я — в Витовой пляске. Я — Фаллос. Я — Велес.

Я — в силе, я в сале, на всём на скаку —
Сейчас всё забрызжу, я спел, я — в соку.
Я млекою стеку. Я умру черепахой
Без панциря. Слабость я, сладость я паха.

Я — кровь с молоком. Мне неймётся. Пока
Мне нет примененья, стреноженной силе,
И крови избыток, и молока —
Я в гневе, в застое. Я — в апоплексии.

Тогда девять муз мне на помощь — ау!
Я — родоначальник искусств и наук.
Я — рода начальник, продление рода.
Я сроду печальник за дело природы.

Я — Фаллос. Я — Колосс. Густ вьющийся волос
Подножья — колосьями спелой пшеницы.
Что сам я? — лишь зрелость молочная, вольность.
Но семя — смолотится нежностью жницы.

Я весь намагничен. Я Фаллос. Я — плюс.
Я прост. Я первичен. Подать мне мой минус.
Я в ауре. Снова в припадке забьюсь.
Подать лабиринт. Я — Тесей. Где ты, Минос?

Где то, что внизу? Да, я вряд ли умён.
Я полный, я в теле, мне это отрадно.
Конец я. Начало. И — связью времён —
Белёсая клейкая нить Ариадны...

1996

Москвичка.

Простая русская краса,
Без никаких таких экзотик:
Миңдалевидные глаза
И маленький японский ротик.

1996

Серебряный век.

Последний век. Нигде — покоя.
Стоит монета на ребре.
И что уж спрашивать, какое
Тысячелетье на дворе.

На потемневшем серебре
Мерцают профили. Бывало:
Российский бунт ли в ноябре,
Мороз ли лютый в декабре, —
Всё нипочём. Всё забывали:

Ахматова — в кафе за столиком,
Введенский — шарики за ролики,
Кузмин — в рискованной символике,
Хармс — в долгом хохоте, до колики.

Блок — в пьянице с глазами кролика.
Волошин — в мыса древнем облике.
А Белый — пляшет в кнайпе голенький.
Тот, ранний Заболоцкий, — в подлиннике.

Вот Хлебников идёт, но только —
То с крестиком идёт, то с ноликом.
Где Маяковский? Где, — на стройке!
Есенин — в псевдорусской тройке.

Вот Алексей Толстой, тот — в окороке.
Где Гумилёв? А этот — в Африке.
Тынянов — где в пенсне историки.
Вот спрятан Пришвин — в листьев шорохе.

Вот Ремизов — в старушке под руки.
Цветаева — в том хмуром отроке.
И Пастернак — в весеннем облаке.
И Мандельштам — в глубоком обмороке...

Как в храме хора звук — под свод.
Не сразу, погоди, не сразу:
Обрывки разговора, фразы.
Вчитайся, вслушивайся... Вот

Становится понятным что-то...
Улавливаешь верный тон...
Магнитофон где, ручка, ноты?
Тетрадка. Ноты. Камертон!

Перебирай своё добро:
Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.
Высокой пробы серебро.
Фамильное. Начала века.

1996

Живая петля.

Ножка в нарочито грубом ботинке.
Чёрный чулок.
Ты глупа, как блондинка.
Тонкий силоч
Подлой петли на чулочном капроне,
Линия ног... Видит же Бог —
Не спасает ирония!
Пыточка, только предлог —
Вся пикировка
Наша, попытки связать —
Впрочем неловко —
(Непроизвольно глаза...)
Этот зацеп и полёт на метле...
(Косят...) Затянут пролог.
Голос осел. Мой напыщенный слог.
Горло осипло.
В петле я.
В петле!

1996

Это после — Кирилл и Мефодий.
Глубже всех византийских даров,
Где-то в недрах, при всякой погоде,
Рост кристалла — отрады воров.

Это — твёрдость сверкающих звуков.
Это просто — как есть и дышать.
Это — до — до письма, до науки.
Да и — после, в запас. Не мешает.

Это “Р”, это “Ы”, это “Щ”
Я украл, как у Клары кораллы, —
То, что мышцы груди распирало,
Развивало движенье плеча,

Что осталось, в живот опустилось,
Как буддийское “о-ом” разместилось

(Зверем, сглазом, мятущейся тенью,
Вием, веком прикрытым в нутре —
Третьим глазом в подвздошном сплетенье,
Тёмным зеркалом, — блеском сквозь креп...)

Где — помстилось,* а где — отомстилось!
Здесь одна только — жимолость, милость.

Да и там... И кому оно — там?
Неприкаянным, Каином, меченым, —
Только долг этот помню, конечно.
Я отдам, не забуду, отдам.

1996

* Помстилось — показалось, привиделось.

(Из серии “Начало стиха”)

Явление стиха.

Из причастья ль к обряду лунатиков,
Из винца ль, семенных ли канатиков,
Из башки ль, в волосах пятерни,
Из заведомо влезущей Аттики,
Из какой ли другой ли херни, —

Так процесс начинается некий.
Превращаться в ловца человек?
Но — подумай. Но, до “кукарéку”, —
Отрекись, отойди, прокляни!

Заскрипят же колёсные втулки, —
Тут тебе не по полкам прогулки
В заковыках чужих, закоулках.
Сам с усам? Ну, пожалуй, — начни.

Тут леса для устройства собора —
Как попало, по сосенке с бору,
Тут расчёт для органа и хора.
А бессмысленной сколько возни...

Но за прежним слепым переулком
Подымается — стрельчатый, гулкий,
(Всё вокруг — как бы хаос), и вот —
Так является миру и Риму,
И становится видимым, зримым...

И в тоске — восхитительной, мнимой,
Не вполне объяснимой — плывёт.

1996

Пейзаж.

Вниз,
в долину,
в миры цвета хаки

Осторожно
спускаются
яки.

И в тумане
не видно
совсем,

Как за стадом
старик
поспевает,

Как копытца
своё
выбивают:

“Дао-дзэн,
Дао-дзэн,
Дао-дзэн.”

1996

Русский магазин в Кёльне.

Лине и Вацлаву Михальским.

Переулок мыший, врущий,
Уводящий в лабиринт
Рынка Старого хитрущим
Стен суженьем (Стеарин
Сквозь окно кафе горит).

Назревает приближенье
Беспокойства. И в глаза —
Не зима, — а наважденье —
Катит тихая шица.

Катит катерок по Рейну.
Рейну? Где я? Я — не я.
Парапет. Парок глинтвейна.
Навсегда? По гроб? На, ја,

Не рехнуться бы от счастья.
Как радист, агент в бреду, —
Помню: тайна. Я причастен.
Я иду. Плыву. Иду.

По брусчатому по дну,
Сну (а ну, Мартын Задека).
Дверь. И прямо — в тишину...
Прежней райбиблиотеки.

Сразу, с улицы кривой,
Зимнего дождя, ненастья, —
К людям, к языку, домой,
Как к родным, в дурдом, в согласие*.

* “Согласие” — название магазина.

Снова — *via dolorosa* —
Коктебельки, чёлки, пряжки.
“Вы — стихи?”
“Я больше — прозу.” —
Повело кота на блядки...

Снова — к полкам, в позитуру.
И — уже привычный тик —
Пальцами в клавиатуру
Читанных, всё тех же, книг.

Пробуй. С полочки бери.
Знай, стели себе соломку.
И с такими же негромко,
Тихо-тихо говори.

Не проснуться. Всё — в ажуре.
В тихих туфлях на резине.
В эмигрантском лёгком сюре.
В русском книжном магазине.

1996

Любовь.

Княжна, персиянка, чеченка,
Остынет! Сегодня — ты — в профиль
Садись. Услужаящий Стенька,
Я завтрак придумал, я — профи:
И кофе с дымящейся пенкой.
И к кофе чудесные гренки...

1996

Не желаю тебе зла —
Лишь добра, земля.
Проще будь — и все дела.
С нами в ногу, смело!

Не из книг — из естества,
Не играю роль, —
Я заветные слова
Знаю. Мой пароль.

В тех словах — уметь жить,
Свой кураж, задор:
“Константация”, “ложить”,
“Кофэ”, “колидор”...

Так — запомни наперёд —
Просто мне по нраву.
Я — глас божий, я — народ.
Я имею право.

1996

(Из серии “Начало стиха”)

Огорчение философией.

Ты напишешь достаточно много распрекрасных и длинных стихов.
Нагрестишь целый воз и тележку, — слава Богу, не смертных — грехов.
И — кувырк! Перед тем наболтав чепухи о бессмертье души.

— Что ж тогда?

Ничего, ты пиши. Не спеши, время есть. Ты — пиши.

1996

(Из серии “Метаморфозы”)

Последний сон.

Я вас нае..., ная..., наё...
Я никогда здесь не бывал.
Я никогда здесь не бу-бу,
Я никогда здесь не ду-ду.
Здесь зуб на зуб... Спина во льду.

Ну что, кликушество моё,
Та поговорочка права?
Кивать не надо на судьбу —
Отозвалось! Накликал что-то:
“Стихи... Сакральная работа...”

Я вам — неправду...
Не хочу.
Здесь холодно.
К врачу. Я болен.
Здесь никого.
Меня — тем боле.
Как луч Рентгена в тёмном поле —
Мой крик...
Я не кричу — шепчу:

“Проснуться бы — одна забота.
Мне ведь ещё не много лет!”
Ведь — сон. Не может быть. Нет-нет.
“Я, честно, я забыл билет!”
Вот, кажется, сквозь веки что-то...

1996

(Из серии "Имя")

Имя.

Буйное время третьей косьбы,
 Клауна, пьяни, косога Косьмы:
 Чертополох, да репей, да тимьян —
 Божья трава. Тут твой выбор, Демьян.
 Тут твой выход, Демьян.

Пробуй, ищи ли, свищи... По старинке —
 Сам выбирай, вспоминай. Без картинки.
 Тут ты — один. (А запомнил: вдвоём?
 Это ведь — времени сколь!) Окоём

Застит глаза. А ведь помнится: где-то...
 Только — не тут. Тут уж — песенка спета.
 Может — когда-то (Недавно ли? Скоро?) —
 За окоём, ойкумену, заборы —

Звуком, зигзицею, именем, словом, —
 К тёмному смыслу, не к мысли, — за зовом.
 Так, — от Земли на полметра, в наклоне.
 И уже — в тёмные выси, со склона;

Вниз — там водою колышутся космы;
 Вверх — где чернеет лишь гулкое "Космо"...

Кто я — второй, непонятный Косьма?
 Тот же? (Порой — непохожий весьма?)
 Может — проснись! — выходящий на бис
 Не Одиссей, а какой-то — Улисс?

(Может, на сцену идущий — вдвоём?)
 Что же мне в имени, что мне — в моём?
 Вот оно — "Космо" — некий изьян.
 Космо-полит. Космо-Демьян.
 Где половина — доля моя?

Впору сдуреть, убедиться, пощу...
 Что — когда мнится, не спится — ищущу?
 Сыт, сукин сын же, а часто и — пьян.
 Вспомнишь то — тёмное. Вспомнишь, Демьян!

1996. Калуга.

(Из серии “Метаморфозы”)

Третья метаморфоза.

“Ни земли, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.”
(И. Бродский, “Стансы”)

Всё было даже очень просто,
Когда известно было: впредь
Без права выбора погоста.
Уехать — значит умереть...

Летя, немножко умирая,
Ремнём покрепче привяжись.
Надежда есть, что там — вторая
Сестра — непрожитая жизнь,

Где по-английски — даже дети.
Что там, на том, на Новом Свете...
И, после... Некуда? Ну да —
И Бог с ним. И тогда —
Последняя метаморфоза, третья:

В живое слово, в книжный лист —
За год. За месяц. День. За вечер, —
В ту часть, где “зло — плохой стилист”,
В часть речи, — “Вообще. Часть речи”.

Когда наступит время “Ч”
И прекратится дней течение,
И прекратится счёт ночей,
И слов забудется значенье,

Чтобы далёкий мгlistый град
(Конечно — он, вотще стараться)
Встал тёмным всадником у врат
Всех венецийских сублимаций.

Копыто медного коня —
Тяжелый ритм катастрофы
Бьёт. Резонируя, звеня,
В галоп тяжёлый — строки, строфы...

Скорее! Поздно — строфантин!
Срок вышел. Всё теперь серьёзно.
“Скрипи, перо! Переводи...”
Нет, строфантин не надо, — поздно.

Шприц неиспользованный. Мгла.
Осколки ампулы, стекла.

И шпиля низкого игла —
Как смерть крепка —
Под сердце острым
Вошла. И свет — издалека.
И металлически река
Блестит как боль. Виски в тисках.

И снизу, с острова: “Пока!” —
Вслед машут сёстры...

1996

(из серии “Открытия”)

Первый снег утром.

Ближе, уютнее кажутся, ниже
Крыши. Голубчик, пожалуйста, тише!
Тише, ведёте себя как дикарь.
Это тебе ведь, тебе, очумелому,
Блину горелому, оторопелому,
Остолбенелому, — белым по белому,
Белым по чёрному пишут: “Декабрь!”

1996

Гомер.

Лагарп — Александру I: “Александр Македонский (...) опустошил Азию и совершил столько ужасов единственно из желания подражать героям Гомера, подобно тому, как Юлий Цезарь из подражания этому самому Александру...”

(Н.Я. Эйдельман “Грань веков”,
выписка из кн. Шильдера “Александр I”.)

“Врёт складно, будто ветеран, а сам, кажись,
Не может заточить ножа тупого.
Не нюхал пороху, как мы, не знает жизнь
И опыта — ни грамма у слепого.

Всегда — на ощупь; посох, поиски тропы.
Всегда бормочет без толку, без цели...”
Узнал? Мерцают в тайной темноте грибы —
Галлюцинации разросшийся мицелий,

Продукт распада, излученья, превращенья —
До сути, жути, до конца; из светлячка
Летящего, изящного в движеньи —
До кокона, яйца. До червячка

Потом — чернильного... На жизнь быть обречённым
В размерах, рифмах, падежах, родах
И — снова, после смерти — быть рождённым
Во всех семи возможных городах...

Нежней чем у других, чувствительнее шкура.
Всё, даже сон, — во сне. Не зря, не видя лиц.
Лишь — темень вечная, лишь камера — обскура.
На плёнке слабый свет невидимых частиц,

Сливающихся вот уже в одно
Повествовань... Несерьёзной страсти данник;
Всё то же: тёмный зал и вечное кино —
Своё же. Сам себе — киномеханик.

Там на горе, в своей дыре, в своей норе
Прядение идёт. Мелькают тени
Насильственных и мозговой корс
Опасных, непродуманных видений.

А это было что? Глаза на лоб!
Весь правый борт матросами усеян.
Глядите-ка: слепой, дурак, Циклоп!
Смех гомерический. Победа Одиссея.

Слепой, слепой! Победа над собой.
Судьбой. Пропало ощущение недостатка.
В коня данайского утробе слеп любой
Десантник — как ребёнок в матке.

Слепой, слепой, веди, мы за тобой!
Очнувшись после Трои, бури, дури,
“Домой!” — хрипит душа, “Домой!” — ревет прибой.
Где дом? Ты знаешь как — туда! При всяком сюре —

Вслепую, в темноте, не нашим зреньем
(В сознании уже намечен крен,
Но также — курс челна) — “Домой!” Ему слышнее пенье,
Куда слышнее пение сирен.

1996

Велосипедная прогулка.

Элегия.

Под сенью, под летнею тенью,
Высоко шуршащей, древесной,
Вдоль длинной, зелёной, кустистой
Ограды опрятных домов,

Под ритм, навезаемой ленью,
В свет солнца небесный, отвесный,
С отчётливо слышным: “Катись ты!..”
Из местных возникшем шумов,

Качусь, жму педали. Где зуду
Движенья бесцельного край?
Прописан спасённому рай,
Но, вольному, воля мне — всюду.

Крутить до предела и боле —
До судорог в икрах, в ногах
Я волен — с того ли, с сего ли —
Я — волен, с работы уволен.
Я — волен, я, может, доволен.
Я думаю о деньгах...

1996

Интерференция.

Иосиф Александрович, опять?..
Не создавайте акустической помехи.
Мне тут покойно. Отключился от всего.
Взял томик классики хорошей — в кои веки.

Расположился с Пушкиным удобно,
В уютном настроении минорном:
Читай. Сиди. Уже — тебе читают.
И чей-то голос — сам собой, знакомый,

Как дежа-вю и, в общем-то, довольно
Приятный и клекочущий — уныло,
Без обертонов, сильно — в нос, картавит:
“...Вновь я посетил...”

1996

Из серии “Открытия”

В предчувствии открытия.

Я помню творческий подъём
Российских утр. И о событиях
Гадания очередном.
Но красной нитью — об одном,
Всё об одном — о том открыть!

Порядок был. Пусть было трудно, —
На языке родных осин
Там выражались привселюдно...
О сколько нам открытий чудных
Готовил винный магазин!

1996

(Серия “Калужския страдания”)

Путешествие в Калугу.

“Не ходите, дети, в Африку гулять.”
(К. Чуковский)

Эх, запью я, что ли, загрузу.
Зверскую бородку запущу.
Снова — вон из замкнутого круга...
Где это? Куда меня?
Калуга!..

Ну и ну. Чего я здесь ищущу?
Дом. Пустырь. Дорога где?
Гощу.
Чем в Европах светлых было худо?
Как — из новостроек? Как — отсюда?!

Всё — от книжек, горе от ума:
“Старина. Провинция. Зима...”
Колея в снегу. Ни зги. И — вона —
Гиблые огни микрорайона!

Чур меня! Природе вопреки
Ночью волчьей теплятся ларьки.
Там, в бутылках, — красным, жёлтым, синим —
Светятся загадочно токсины.

Свет на снег, след пара из окошек.
Тени тёмные людей, собак и кошек.
В пальцы дую, нос и уши тру. Несу
Пиво, водку ледяную, колбасу.

Зиму с Богом и Барклаем: так-растак!
(Звук — престранный — уха краем...) Ну, мудака,
Зарекался ведь не ездить! Так всегда...
Ну-ка. Что там? В вышине летит! Сюда?..

Срывно, фистульно — от страха — закричу:
“Что там?! Кто там?!”
— “Не меша-айте-е, я лечу-у!” —
Циолковский с жестяной трубой в ухе
(Он глухой).
“Зачем всем — в космос?!”
— “Я не...”
Глухо.

Всё! Пропал! Где — дверь? Весь — в громком стуке.
Свет. Покой. С браслетом-змейкой руки
Грязный снег очистят хлопотливо,
Водку выложат, и колбасу, и пиво,

И протрут все рюмки терпеливо.

Распушу хвост, туфли навою.
И приятелей, соседей угощу.
И отлично мы поймём друг друга:
Вот что, значит, я искал в Калуге.

1996

(Из серии “Калужские страдания”)

Звонок в Калугу.

— “Может к барышням?”

“Я — пас.”

— “Заболел?”

“Выпить? Не хочу. Ни с кем. На нуле.”

Дверь — на ключ. Набор. Гудок. “Э, привет!”

Как всегда: “Ну, наконец-то!” — в ответ.

Как дела? Как настроенье?

Устала

От безденежья?

Безвременья?

Стала

Иногда срываться?..

Позже — с отчётом?

Лучше — я тебе — весёлое что-то?

Плохо слышно! Чтобы в попе стал... толще?!

Чтобы тоще стал? Чего, чего? Площе?

Не паясничай? Чтоб стих прислал пошлый?

Что смеёшься? Я?! Зачем — “плясал в роще”?

Слышу, слышу: чтоб писал проще...

В трубке — фоном — треск и шум. А обычно

Слышно очень хорошо, всё отлично.

И об этом поболтаем минуту...

Отвлечённый разговор. За валюту.

1996

Оставайся самим собой —
Как шурупчик с обратной резьбой, —
Злой, спокойный, спросонья — любой!,
Нервный, в дуле ломающий пальцы,

В униформе — подъём ли, отбой,
За едою (глухой и слепой),
В заграницах, где вместе с тобой —
Погорельцы всё да постояльцы.

Оставайся самим собой —
Интравертом, левшой, совой,
Балагуром: ведь в вдоску весь свой!,
Васькой Тёркиным с передовой,
Мышкой, фишкой, травой-муравой.
Завизжав. Повредясь головой.
Как въезжает сирены вой
В звуки хачатурянского вальса!...

Но — неважно. Самим собой.
Оставайся — самим собой.
Не сдавайся: самим собой!
Разрывайся — самим собой!
Оставайся самим собой!
Сам с собой. Оставайся.

1996

Текст.

Раз, два, три, — счёт идёт на четыре...
Стены, тонкие стеночки плача.
Я, раскачиваясь в квартире,
Всё о доле молю и удаче.

И записочкой тычешься в стену;
Все четыре — глухие, нет щели!
Взгляд со дна, из окна ввысь воздену.
Из — бетона до неба — ущелья.

Там нет знака. И текст мой туземный,
Моя жалоба в сторону икс,
В темь, в ночной, параллельный, подземный,
Ритмом, рифмою стиснутый Стикс...

Он несётся вдоль чёрных зеркал,
В отражениях смутных, где смешаны
Воды, Веды, законы, зэка,
Митры житие и Гильгамеша.

Сих отравленных вод глубина,
Растворяющих всё без остатка,
И твоё поглощает — до дна...
Никому не нарушить порядка.

Но мой текст, но мой тик, но мой стих,
Что волнует лишь ртуть в Рива-Роччи,
Что у ворота бьётся сорочки
И синицею бьётся в горсти!..

Но мой текст, мой оброк, мой урок,
Моя доля. И — добрая воля?
На-кось, выкусь! Не в лад и не в срок —
Кони дикие — да с Гуляй-Поля!:

Наобум. Без царя. В голове —
Бесы роем. Монголо-татарщина...
(Терпеливость. Покорность. Завет.
Свой удел. Беспросветная барщина...) —

Всё смешалось, всё в кучу вокруг —
Кони, люди, этруски и тавры,
Топот звероподобных кентавров...
Текст — он дышит, — горяч и упруг.

Он от чресел твоих оживает, —
Тот, что вложен в тебя как рефлекс.
То, чего без тебя — не бывает.
Он — интимное. Он — выжимает!
И — горячей струёй — остывают
Строчки, строфы... — неведомый Текст.

1996

Пришла Гоморра и Содом:
Солома только — порх!..
Ещё из досочек есть дом.
Ещё уместен торг.

А я — как трое поросят, —
Я песенку свистю.
Пою себе, пляшу вприсяд,
А время-то — тю-тю!

А — сопромат?.. Эх, дурачье,
Мы что когда решали?
Так, всё оставив — как ничьё,
Бежали, всё смешали:

Кёльн, Львов, Архангельск — ёма-ё!
В трёх странах — как в трёх лицах —
Един: везде найдёшь жильё
И хлеб — пусть всё здесь не моё,
Везде всё — заграница..

Наф-Наф, приют свой сторожи
И ключ держи в руке —
Как гражданин своей души.
Граница — на замке!

Не забывай каким ты был,
Как прав был и не прав,
Как кто-то (ветер, что ли?) выл,
Двух братьев невесёлых рыл,
Хранителя шуршанье крыл..
Ниф-Ниф, Нуф-Нуф, Наф-Наф.

1996

(Из серии “Имя”)

Имя старика.

Ещё до Крыма и до Рима,
В коляске, люльке — на плаву —
Я слышал слово, помнил имя.
Я понял, как меня зовут.

Что спрашивают у дитяти?
Блудницы — после слова: “Кстати...”?
В суде? Врач “Скорой”? Мент над телом, —
Что требуют? Что — первым делом?!

И — сам, и детям закажи:
Не потерять — ни-ни, ни разу
(Во лжи, над пропастью во ржи,
Всегда — в беспроволочной связи) —

Что получил. Что передашь.
Твоя печать, твоя природа.
И — назубок. Как “Отче наш”:
Свое. Отцово. Имя рода.

И были дети. Дети — были?
(Убыли. Выбыли. Забыли.)
Весёлым был. Такие — кудри!
Потом — седым. Матёрым. Мудрым.

Потом — теперь. Потом — не помню.
Последним духом часть тепла
Удерживаешь, *mea omnia** —
Одно название: “Ни кола...”

И белым пухом, вроде дыма,
Уже затягивает ухо...
Лишь имя связывает, имя —
И сына, и отца, и духа...

1996

* *Omnia mea* (лат.) — Всё моё.
(“*Omnia mea mecum porto*” — Всё своё ношу с собой).

“Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется.”
(Ф. Тютчев)

Фанфан — чёрно-белый Тюльпан,
Рубашка апаш нарасташку,
Экранный Пропал-Или-Пан, —
Свободы двухмерной замашки:

Всё побоку — лажа, мура —
Свободней, свободней в движеньях!
Немножечко воображенья!
Пора, джентльмены, пора,

В шестёрку туза расстреляв,
Поставить свинцовые точки!
Что — ночки, лихие денёчки,
Что — бунт на борту корабля!

Что сыплется золота с кружев!
Что Киплинга бесятся тигры!
К оружию! Здравствуй, оружие!
Прощайте, заумные игры.

Прощай, канцтовары, слова,
Чернильницы, дести бумаги,
Дурная, зловредная магия,
Ночные корпенья, едва

Заметный румянец, очёчки,
Какая-то заповсдь: “Не...” .
Бумаги листочек. Одне:
Крючочки, крючочки, крючочки...

1996

Платону Сильвестрову и
ужасно милой семейке.

Давайте, давайте играть в домино.
“Примой” дымить и — звено за звено —
Зверски вколачивать: дедка за репку.
Молодость, молодость! “Белое крепкое”!

Приняв на грудь, забивая “козла”, —
В мат-перемат. Просто так, не со зла.
В выстрелах звонких костяшек, типичном —
Чёрное, белое — коде двоичном

Всё понимать (в ЭВМ — ни бельмеса)...
Эй, домино, чёрно-белая месса!
Столоверченье. Всё — на авось.
Белая водка. Чёрная кость.

Стол во дворе. Лопухи, подорожники...
Это в Европе, в квартире художника,
Вспомнишь, на стенку где клеит давно
Он домино, домино, домино...

Это — такое — в Европу окно.

Чёрным квадратом, что крапленным врежется
В стену, возникнет картина — столешница:
Гул от костяшек (цены — не даром...) —
Звуки небывших азартных ударов!

Давайте, давайте стучать в домино!
Играть, составлять, продавать заодно.
Клеить картины эбеновой масти
И разводить доминошные страсти.

То-то рябят чёрно-белым костяшки!
Брови наморщены. Думаешь тяжко:
Что бы сказать — небанальное — вдруг,
Умное. Вроде: “Платон, ты мне друг.

Сей, друг, разумное, вечное, сей —
Крапом по чёрной поверхности всей.
Как старинно искусство крапления!
Как картинно костяшек крепление!

Как коробушка, эх, не полным ли полна —
Домина”. Хитрый глаз не сморгнёт над стаканом вина:
“Заверну. Не желаете ль бантика?
Тут для избранных только. Семантика”.

1996

Осень концептуализма.

Осень. Концептуалист гуляет
В семантических полях.
В небо знаками пуляет.
Муза суть ему являет
В лакированных рублях.

В невесёлых поздних стаях
Мысли грустные кричат.
Звук относится, расстаяв.
Только слышно: непечат...
(Или может: напечат...?)

Мысли стаями — на запад.
Мысли стаями — на юг.
Он крадётся тихой сапой.
Дробь — бекасник. Всем каюк.

Осень. Сено. Стаи. Следом —
Ласточка из сеней вон.
Тихим отблеском последним —
Закатившийся Литфонд.

Лишь по хоже-, по ухоже-,
По расхоженным местам —
Концептуалист..
“Похоже...” —
Чутко замер: “Чу! Кто там?”

Там дозорною тропею
(“Тулку” дедову — с плеча) —
Деревенщик. Сам собою —
Косный, рослый как анчар.

Чащей прёт — в пальте на вате, —
Дальше. Разошлись пути.
Полно, всем угодий хватит!
Сиречь: вместе не сойтись.

Концептуалист гуляет.
Тварь живая — по кустам.
Он всё знает. Он виляет —
Как собака — по следам.

Осень. Жизнь собачья. Дао.
Поле — как б/у х/б.
Всё куда-то улетает.
Он котом себя считает:
Знает он всегда, куда он
Сам гуляет по себе.

1996

Поэт.

Приветливость (гордости паче?)
Казаться он хочет простым.
Но вечером — в профиль застыл.
Не может, не может иначе!

Чего там неймётся, не спится,
Что — справа — слова, как евреи,
Бормочет; зависшею птицей
Витает — в каких эмпиреях?

Что в ритме каком-то чудном,
Каким-то причудливым штилем —
Долбить и долбить об одном
(Когда так и где говорили?)

Забывшись, о долге забыв,
О месте, о времени суток,
Порою — не псом ли — завыв:
Шерсть дыбит, зрачок его — жуток;

Порою — шахсей да вахсей! —
Как плёткою — четырёхстрочной —
До крови, до крови, при всей
Толпе — обезумевший точно!

В чаду алкогольных эксцессов
Перо — остановишь едва.
Порою — по каплям, как прессом —
Выдавливает слова.

В песок всё уходит, в песок,
Часы не успеет — в починку.
Песок всё уходит, песок...
И сверху осталось — песчинки.

Платить скоро будет за всё,
Сошурясь при режущем свете.
Предчувствие гложет, сосёт...
И третий готовится петел.

Сереет. Какая там — “Муза”?
Предутренним приговором —
Шаги. На работу идут — за
Тобой — за растратчиком, вором!

Не спрятаться, не раствориться —
Среди неприятностей, бед:
Пусть — страны, пусть — новые лица,
Тебе — кара. Карма — тебе

(Верёвочке сколько ни виться,
День — новая только отстрочка):
За всё — до конца — расплатиться
Комнатой — одиночкой.

1996

Рыбалка в России.

Всё комариное отродье —
Под старый кузенький пиджак.
И не клюёт. И время, вроде...
И начал задуть свежак.

Куст замотался одичалый.
Округа, как-то вмиг, — сера.
Поскрипывает трос причальный.
Качает ветер клевера.

Какая палехская лёгкость —
Под вечер удочку нести:
Кренится травяная плоскость
И леска лёгкая свистит.

Погодка... (то ли будет в осень)!
Балуй, походка, не беги.
И сами на гору выносят —
Размером больше — сапоги.

1996

(Из серии “Метаморфозы”)

Дыхание.

Пульс ровный, мягкий, сглажены морщины
Лица. Всё тело, что принадлежит мужчине,
Лежит спокойно и отдельно от души.
Дыши пока, родимое, дыши,

Дыши, моё бесчувственное тело,
Дыши, душа с дыханьем отлетела:
Во сне — как мёртвый. Рот полуоткрыт...
Лишь час тому назад — такая прыть!

Такая мощь, самонадеянность такая:
Сопя уютно, всласть, привычке потакая,
Заснуть, чтоб, как всегда, наутро, в час любой —
Проснуться? Да? Естественно? Само собой?

Само? Как думаешь? А может — не само?
Однако тело — да уже твоё ли? — может... Мо...
Забудь всё! Утром ото сна не встать — опоры,
Чтоб встать, не находя. Уже — нигде! “Memento mori”...

Нигде — ни в людях, ни в вещах!.. Ты, кстати,
Один — во сне. Один. Один! Из сна восстать?
Э-э, брате... И кто же тебе это обещал?!

Как Лазаря? А как же, как же — ца!

А как же я? Какие пуганные сны:
“Помиловать никак нельзя казнить”.
(Весь смысл смерти — в точке. В точечке простой!
Суть сна — в какой-то коме*, хромосоме, запятой...

В первичном ритме — как бы через запятую —
Дыхания, стиха, размер не мой, я протестую,
Я просто вынужден — лежать, дышать, я пленный,
Дыханьем — ритмом и составом — связанный с Вселенной...)

Сон разума... Исчадия, распад, невнятность, гнусь...
Когда-нибудь проснусь, приду в себя, вернусь
В сознание, в тело, да, вернусь, куда я денусь!...
О Господи, как там оно?.. Пока дышу, надеюсь?

1996

* Кома: сопна (лат.) — 1) запятая; 2) цезура в стихе.
сопа (лат.) — 1) глубокий сон; 2) кома; 3) а также: “лучи света, сияние”,
а также: “волосы, грива”, а также: “растения (колосья, листья)” — неред-
кие гости сна.

Заклинание Слова.

Я здесь. Я Слово заклинаю.
Клянусь. Подкорку проклинаю.
Я чувствую. Я что-то знаю.
Ищу. Я слово заклинаю!
Черты меняются лица.
Да, да, Праматерь Праотца,
К тебе — сумняшеся ничтоже —
Взываю, тереблю, тревожу...
И жду начала... Тёмным валом,
Из вод Бермудского провала,
Из стратосферы, страстной веры,
Уже иной, не нашей, меры,
Где снова “мглою небо кроет”,
Где “вьются бесы рой за роем”,
Где нет ни доброго, ни злого,
Лишь — дух над водами, лишь Слово, —
От звуков уплотнился воздух.
Вверху темнеет. Это — отзвук,
Темнее неба — лаз в лазури.
И — отражённо — глаз в глазури
Воды — воронкой — чёрной, страшной,
Зрачком гигантским, влажным, ажно
До дна — взглянувшим, внутрь бездонья,
Соринкой катерок — спросонья —
Смахнувшим, в напряжённом гуле
Воды, образовашей нуль и
Нули поменьше — вниз, кругами
И — ввысь, до неба, вверх ногами,
Держась — на чём? — на честном слове —
Юла огромная — в основе —
Из ничего, из гула, пыли,
Холодной, водяной, из гили,
Из морока, беды, тумана,
Из дервишей — нулей, обмана
Кривизн, сгущения эфира,
Из уст невероятных: “Вир-ра-а!” —
Вверху ревуших, из — во мраке —

Тайфуна бешеного зрака;
Там, где — ни доброго, ни злого,
Лишь дух над водами, лишь — Слово,
Лишь имя женское*... Не надо!!!
Как отменяются торнадо?!

1996

Переселенье, переселенье!
Время людей, умиравших в дороге.
Время чужих обиванья порогов,
Весей чужих городов и селений.

Переселенье, переселенье!
Мысли тяжёлые, лёгкие ноги.
Лёгкие мысли, тяжёлые ноги.
Сон. Разговоры. Еда. Отопление.

Дёрганный смысл намечается некий
Существованья иного. Мужчины
Снова — с семьи начинают, с общины.
Новый ландшафт. Называются реки

Здесь по другому, зёмли, народы...
Время сложнее становится, проще...
Ищут — пока безуспешно, на ошупь, —
Бывшие бродские** — новые Броды.

1996

* Ураган, несущий женское имя;

** “бродские” — в смысле: “чьи”.

День ВМФ.

Всё — первого срока: ботинки — до лоска.
Ты сам себе нравишься — с папироской.
Начало. Ещё не распалась колонна.
Табак. И немножко — одеколona.

... И пить со своими. И весело зыркать.
Совсем на затылке уже бескозырка.
“А ну, бля, с дороги! Не надо мне ваших!..
Чего там заглохла кассета? Не пашет?

Смотри вот, сигналю. Пока — не забыл.
Что, суки, довольны, поставили штемпель?!
Я был человеком! Я дед был, я — дембель!
Ножа не боялся, не то что — губы!

Что, бля, уставились, суки, рабы!

Не ждали? Та-ак, падлы, командует Флот!
(Уже: “Сбегай, Коля”, уже не — “оплот”...)
Всё отутюжено. Иконостас.
Я был — человеком. Кто я сейчас?

Сейчас автомат бы — хотя бы рожок!..”

— Ты что?! Бог с тобою! Ну что уж стряслось?
Совсем растерялся; от страха и — злость.
Работа. Работа. Да мало ли — жизнь.
И вечером — до положения риз?..

И нету команды. И дальше — не ясно.
Вот только сегодня... Но только — напрасно!..
Расхристан. Мелькает сигнальный флажок.
Всё будет неплохо. Всё будет, дружок...

1996

Просмотр теленовостей.

“... и повеле вся нощи стреляше.”

(О взятии Казани Иваном Грозным,
Т. Гриц. Меткие стрелки.— М.: Детгиз, 1956.)

“Хорошая новость — никакая новость”.
(Поговорка у журналистов.)

Душегубство?! — С маком дуля!
Вроде спорта: всё бегом.
Ты на том конце, а пуля —
Чмяк! — кого-то — на другом.

Эти, те — последний диктор, —
Все хотели ЭТО ведь!
А сегодня — вот, поди-ка:
“Остаётся сожалеть...”

Кто заказывал там блюдо —
Красно-грязное желе?
Дни и нощи нам отсюда
Кто стреляше повеле?

Город взять? Какой-то Грозный.
Головы вновь полетели.
Это — в смысле переносном.
(Иногда — на самом деле.)

Дома вечером смешные
Смотрят новости. Ребята,
Тут для вас — всюю — сплошные —
Пушки, танки, автоматы!

Бомб метание — коврами.
Полицейских пистолеты.
Не в кино, не в панораме —
Цель близка. Они — дворами!
Там — с заложниками драма.
Цель — уже в оконной раме!
Нет, уже — в прицельной раме!

Ты ведь ЭТО ждёшь?... Ведь — ЭТО!

1996

Дегустация.

...Прощайте, тихие герани:
Пропало, стало быть, пиши.
Настырно, долго на экране
Вещает что-то, мельтешит —

Чего-то там — о чьём-то мненье.
Наверно — против. (Или — за.)
Не знаю. (Понял.) (Всё — до фени.) —
Как-то не в фокусе глаза.

Не кантовать: весь вечер — сиднем,
Обросшим бородою Буддой —
Да-да, беда, дружочек ситный, —
Пуп созерцать осталось, будто

Бы там развёрнуто привычно,
Ко всякому — особо — дню
("Сегодняшнее? Преотлично.") —
Знакомое уже меню.

Свихнулся телевизор. Блики —
По перепонкам, в дно глазное!
То ли, о-о — в Устье Великом...
Всю зиму помнишь — тёплым сном. И —

В приятной полноте и в лени
Толк знавших женщину (и кошку)
И шуры-муры, и колени...
У печки сложены поленья.
Райцентр. Из внешних впечатлений
Вот, разве — низкое окошко,

Крыльцо.. Куда ни посмотреть —
Как всё и вправду там убого!
Хотя и славно было ведь,
Хотя и сладко ведь, ей Богу...

Спуск к речке уходил полого.
Да сторож — веник за порогом

Мёрз... Где тут соль?... Обида злая —
На стол — горчица. Что на ужин?
Я всё и так на память знаю
Уже. И список мне не нужен,

Развёрнуты святые свитки
Зря. Пробуй вкусную тоску:
Под эти горькие напитки
Язык проглоченный — улиткой
В своём соку.

1996

(Из серии “Метаморфозы”)

Молчание ангела.

“Если какой-нибудь ангел захотел бы когда-нибудь порассказать
нам кое-что из своей философии, то некоторые положения, я
полагаю, звучали бы как $2 \times 2 = 13$ ”.

(Георг Кристоф Лихтенберг. “Афоризмы”.)

Длинно. Убрать первобытное “-ур”.
Что за дурацкое имя “Дуранте”?!
Вот исчезает твёрдое “Дур.”²
Вот появляется лёгкое “Данте”.

Вот появляется первый сонет.
Очарование литературой.
Или тобой, Беатриче? Да нет,
Нет, Беатриче, не надо быть дурой,

Этот летун и борец за права
Люда торгового³, за перестройку
Средневековья сам жив-то едва —
Неперспективный, неясный, нестойкий,

Жизненных сколько кругов ни прошел
В поисках Вышнего Ерусалима,
Книги — лишь это он знал хорошо!
Вечная память, вечное имя...

.....
Минус полтысячелетия. Снова:
От революции кто? Интервенции.
Реинкарнация — фарс? Вита нова?
Кто же — из Франции? Кто из Флоренции?

Два беглеца. Оба в жизни мирской
Круто замешаны. Именно — в драме.
Жены — за штатом. Сладкой тоской
Манией сладкой — служение Даме.

Вот уже в паспорте убран апостроф.⁴
Мода: в конце — смердяковское “с”.
Край незнакомый. Сумрачный лес.
Вместо морской — всюду снежная простынь.

Стынь. Крупным планом — тёмные тени
Топчутся. Тени оттенков любой
Снег придаёт. В предлагаемой сцене
Сразу же видно, чей — голубой...⁵

Опустошение. Клеветники...
Сердце бубухает — ровно пустое!
Но и — французская твёрдость руки.
Чёрные воды Чёрной реки.
Всё бы — символика, смысл, непростое...
Всё бы — святой простоте вопреки.

Это ли (хоть поскорее б!) хотел?
Господи Боже, какая тут стужа!..
Так вот ухлопать — всего-то и дел —
Дамы Прекрасной нелепого мужа...

Станет с него, самозванного Данта —
И эпиграмму... — талантливый, бес!
Имени карма. Карма таланта.
Может быть — сон? Суета секундантов.
Может быть, если б не подлое “с” ...

Всё. Объяснений не надобно. Смерть —
Как прекращение родственной связи.⁶
Сборы. Прощай невозможная Азия.
Ветер кругами. Метель. Круговерть...

Пальцами трогает доктор виски.
Или очков поправляются дужки?
Даль. (Да, фамилия.) Рвёт на куски
Боль. Неудобная — косо — подушка.
Как в микроскоп — на руке волоски...
Недоумение. Тем и близки
Глаз выраженья — Дантеса ли, Пушкина...

1996.

-
1. “Дуранте” — официальное полное имя.
 2. дуро (лат.) — быть твёрдым, твердеть.
 3. Данте — активный участник внутри- и околофлорентийских партийных распрей, которые привели к интервенции (интернациональной помощи) соседей-французов. Впоследствии “невозвращенец”.
 4. “д”Антес” — так поначалу.
 5. Распространяемьс упорно намёки на странность отношений Дантеса и Геккерена.
 6. Дантес и Пушкин были женаты на родных сёстрах, Наталье и Екатерине Гончаровых. Родственники.

В угодьях.

Ночная лёгкость. Шаг пружинит.
Шуршат листвой сухие шины.
Луна. Там явно Инь и Ян...
Я пьян. Я пьянь.

Я назюзюкался, хорош.
Моё. Уже не отберёшь.
Всё, что сейчас, — неповторимо.
Я — не от мира. Не от Рима

И — вне игры, не по погоде,
Сезон мой — сон, мой сон проходит
Вне года правильных времён.
Я неоседлостью клеймён.

Ни дел, ни денег, ни присяг.
Расхристан. Шарф забыл в гостях.
Я пьян. На красный свет прошёл.
Мне хорошо.

Святым угодникам угоден,
Владелец редкий двух угодий,
Двух псевдонимов, двух имён
("Пьян", да "умён"),

Я знаю: кончилась прямая.
Я всё прекрасно понимаю
Задним умом, наоборот.
Оставим задний ум — вперёд!

Твой, город, свет неугасим, —
Пусть: "Мэнэ. Тэкел. Упарсин."
Демонстративно жги неон —
Как Рим Нерон!

1996

Impressio*.

Чётко древ чёрно-белый чертёж:
Мелких гнёзд, тонких веток, — и, всё ж,
Это — книжка-раскраска, работа
Для дитяти, весны, идиота...

Нарушая сей правильный строй,
Прель прошла акварелью сырой
(Немочь бледных питомцев подснежных —
Это только цветочки) неслышно.

Но всё громче, всё пуше — легко —
До барокко, беды, рококо
(От пастельных банальностей прежних —
Ни следа, но — вульгарность, но — пышность!),

Валом свежим над графикой нежной —
Мельче зелень, свет мельче и тень —
(Поскорей, как бы время не вышло!),
Душным запахом, хором сирен,

Не успеть никакому тут Ною —
Зелень мягкая, мягкая тень —
На предместья прёт тёплой волною,
Как мигреновой, головною

Болью; под невозможной луною
Над заборами — грянет сирень!
Грянет — розовый с белым — кипень!
Груша! Яблоня! Дикая вишня!

1996

* Impressio (лат.) — 1) вторжение, нападение, набег;
2) впечатление.

Заначка.

Ох уж эти, милый мой,
Нюни, вечные вопросы!..

Важно, как-нибудь зимой,
Чтоб автобус — мимо носу.
Чтоб пешком пришлось домой:
Холодрыга. Тьма. Без спросу —

С треском целлофан летает.
Чтобы — что-то там — в замке...
Ключ железный (заедает!)
В мелко пляшущей руке...

Чтобы всё ж ввалиться в двери,
За порог... Привычный сбой:
В пять секунд, в своей фатере,
Чтоб опять — самим собой.

Но сначала... Я сейчас...
Это — жизнь ведь, даже это:
Чтоб минутку удобства, да-с,
Собственного туалета?!

Руки в тёплой мыть воде.
Ставить на плиту кастрюлю.
Скинуть всё с себя — что где;
Куртка брошена на стуле...

Чтоб халат — совсем махровый
(Много стиран, случай прост).
Глянем из окна сурово:
Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Зашипела батарея
(Очень важно жить в тепле).
Как коньяк? Не правда ль — греет?
Лампы тёплой на столе

Жёлтый круг... Ночное барство:
Там, в углу, не на свету,
Настроенье, как лекарство,
Разводим на спирту...

Отводим за черту...

1996

Станция.

В ларьке лишь “Шипка”, дело — швах.
Буфет замызганный каширский.
Рань. Лязг. И жизнь в двух словах
Вдогон: “— Товарный?
— Пассажирский.”

1997

Новогодний пир. Гонконг.

”Жить стало легче, жить стало веселее”.
(И.В. Сталин)

От магия вспышек последних,
Петард взрывов резких и ломких
На стенах прочтётся последом:
“Ты взвешен и найден ты лёгким...”

И жизнью мы жили не нашей,
И ритмом не нашим, но он,
Но долг будет завтра погашен.
Быть пусту тебе, Вавилон!

Се — голову склонят цари —
Год Новый (да та же сансара...*)
Твой пир фейерверком гори —
До срока, зари Валтасара.

Крыть больше действительно нечем:
Оставят достаточно льгот.
Жить будет мучительно легче.
Как минимум — меньше на год.

Не надо толпиться в приёмных,
Не строятся новые планы.
В учебниках — несколько скромных,
Горящих слов, тлеющих, тёмных,
Записанных, переплетённых:
“Помпея”; “Гонконг”, “Геркуланум”...

Всё, видимо, знал Переплётчик:
Попал кто в какой переплёт
(Возможно, записан там лётчик,
Возможно, готов самолёт),

Кто, чаю попив на жасмине,
В багаж свой — Господь упаси! —
Пакует вульгарную мину,
Мурлыча под нос на фарси.

1997

* Сансара: в буддизме и индуизме — цепь смертей и рождений, цепь существования.

Домой.

Замкнутым кругом пошла голова.
Круглые даты
Олово солнца листает едва.
Что ожидал ты?

Вот и родители снова детьми
Стали — твоими.
Что твоего ещё между людьми?
Прежнее имя?

Аэропорт да буфет, да вокзал —
Вечные блажи.
Ты отмочил. Залучил. Доказал —
Смену пейзажей.

Немы, качаясь, плывут за окном
Те же леса.
С той же дремотой, качанием, сном —
Только ты сам —

Едешь. Автобус — неведомо чей.
Чей и куда.
Плечи попутчиков. Тряска плечей.
(Где и когда?)

Лиц их ве видно. Дрожанье плечей —
Мельче, чем плач.
Птиц трепетанье. Бренчанье ключей.
Сумерки дач.

Плюс — над асфальтом, размытым слегка,
Скошенным взглядом —
Образ летящего двойника,
Сидящего рядом.

(Из серии “Метаморфозы”.)

На дне.

Так было, было — лун и солнц тому назад:
Я рыбкой был, я плавал толстолобиком.
Вниз головой я плыл, подняв хвостатый зад;
Как космонавт — со шлангом — водолаз,
Со всех сторон от нехороших глаз
Скрыт в мякоти, носим околоплодным гробиком —

Там, в водах — слизистых и тёплых — тёмных тропиков...
И это было — лун и солнц тому назад.

И сплыло всё. Страшней: всё схлынуло, простыл
И след, последний, влажный, и послед...
И — вспышка магния! — свет, этот свет постылый!
(Как сон сейчас: тот тёмный свет, тот тёмный —
инфрасвет...)

Утрата невесомости. На дне —
Зачем способность к зависанию в водах
(Где был один, где не было родней!)
Вот новая зависимость: тяжелая потребность в кислороде.

Уже иной обмен веществ на дне,
на этом дне,
на дне рожденья,
родах...

На этом дне... Да был ли я на этом дне?

1997

СОВОК*.

Всё дело в совке, в замёрзшем плевке.
Всё дело а разбавленном кислом пивке.
В совке, в безнадежно промокшем носке,
В местах проживанья, в неважном леске.

В детстве, в для мальчика лучшем куске,
В улыбке со смыслом, в ответном кивке.
Всё дело в протянутой вяло руке.
В подарке, в — неловко, под стол, — коньяке...

В детстве всё дело, в — нырк! — поплавке,
В вечере летнем, уютном зевке...
Всё дело в железнодорожном гудке
(В совке — поутру, в холодке, налегке.)

Всё дело в армейском забритом виске.
В — шаррах! — кулаке и — в поддых! — кулаке.
И в Севере, в насмерть замёрзшей реке, —
В совке и — в доске, и в треске, и в тоске,

И в плавленном, с краю подсохшем сырке.
В гитаре. И в таре. В ды́мке, в ды́мкѣ.
В детстве всё дело, в коньке-горбунке,
Да, в детстве сначала, — в детстве в совке:

В причале качаемом, в тёплом деньке.
В утреннем море — внизу, вдалеке, —
В совке ли, в ведёрке ли, в мокром песке...
В ведерке?.. В совке ли из жести?.. В совке.

1997

* В буквальном значении — та самая лопатка — совок.
В переносном — всё, что угодно.

Оттепель.

Крышам и на этот раз
Не изменит чувство меры.
Ухнуло: тяжёлый пласт —
На подрытый солнцем наст
Отсыревших вафель серых.

Сиро. Ряд фасадов сер.
Кабы всё возьми и — рухни!
Протестующие кухни:
Молодость. СССР.

А сосульки так пресны.
Мозг на солнце соловееет.
Блеск задрипанной весны:
Свет — и снег, и лужу греет.

И уже — за плешью плешь.
(Где бы — трёшку до полочки?)
Всё растринькано допреж.)
Воздух горек. Воздух свеж, —
Как лизнуть дверную ручку.

1997

Эмиграция.

“Вдруг всё не так? Вдруг всё напрасно?” —
Клянущую судьбу, себя стращаю.
Но тот: “Бежать!” — порыв прекрасный,
Мой друг, Отчизне посвящаю!

1997

В фильме, где-то посрединке,
Коридором: квич — квич — квич! —
В кожаных полуботинках
Вдаль торопится Ильич.

К кипяточку — сын крестьянский.
Он с вопросом тут как тут:
Чайник. Говорок рязанский.
Сапожищи: туп. Туп. Туп'!

Ленин, сын крестьянский, чайник:
“Квич-квич-квич”, “Туп-туп”, “Бряк-бряк”...
В детстве, тёмном и случайном,
Культипоход в стране печальной.
Холод. Праздник Ноября.

1997

(Из серии “Открытия.”)

Задумка.

Из бочки — красавец! — с налипшим укропом,
В двух пальцах — и сочный и кислый! — на пробу.
И тонкое сальце — под крупною солью.
И хлебный катыш — перекаатною голью.
И водка — в хрустальной тяжёленькой рюмке... —
Аж слюнки!..
Ну как?
Неплохая задумка.

Задумалось 17.III.97

Отрочество.

“... есть лишь уставшая от
ожиданий... пустая перспектива.”
(Кобо Абэ. “Сожжённая карта.”)

Там такие на молнии куртки!
Там такие ужасные брюки!
Там краснеют мосластые руки.
Там щелчками швыряют окурки —

В тарабарщин гранитное чтиво,
В эти “задано”, “данность”, “задание”,
Светлячками — о школьное задание!..
Там всё зелено, младо, сопливо...

Там есть улиц пустых перспектива
Устающая от ожидания.

1997

Земляки.

До терпкости ль крепок чаёк —
Домашний любительский праздник,
Душист ли вечерний паёк?
К сему приложения разные:

Свежайший лимон. Сахарок
Вприкус. В выраженьях пространных
Неспешный, вразбив, говорок.
Газет чёрно-белая паника.

Знакомы так, так иностранны
Приборы: стакан. Подстаканник...

Почтенный российский порок,
Когда-то полезная мания:
Встречаться (“Не через порог!”),
Читать, домышлять между строк:

Евреи.
Львовяне.
Германия.

1997

Мерилин.

В шестидесятых, думали — бессрочных,
Синеет задник, облака из ваты.
Мерлин Монро — из поросят молочных:
Всё слишком сочно, всё аляповато.

Ты на экране. На плакате. Возле.
Ты в розовом открытом “кадиллаке”.
Ты с армией. Ты президентский “Happy birthday”.
Всё чересчур — нет ничего на после —
На пляжах солнца, на капотах лака!..

Попробуй перекись и будет — пико-белло*.
Она, изгиб не трогая брови,
Над головою — в нимб, над бедным телом —
Как в негативе чёрное отбелит.

И не возьмёт помаду на крови.

1997

* Отлично, в лучшем виде.

2005-й.

Распрямило-то как, развернуло горбатого:
Ты спроворил, мастак, до две тысячи пятого
Стать счастливым. Но немочь ищет братьев сама:
Шаришь плоскую мелочь из кармана в карман...

Смотрит — малость с приветом — сквозь подачку, гроши,
Твои пальцы отпетый активист анаши.

Братство по непогоде: кто — простыл, кто — продрог.
Кто мечтал о свободе, кто — об стенку горох.
Он — всем прочим помеха, ты — зачем-то — с повинной:
Четверть лёгкая века..., ломкая половина...

Не бросай его, Бог, брата братьев худых!
Взлёт с иглы — будто вдох за ударом поддых;
Весь “приход” и полёт — в целофанном конверте
(Онйй год он падёт героиновой смертью).

Что — монета, другая, ей кому тут помочь?
Ночка, ну, дорогая: “Ночь, пожалуйста, ночь!..”
Снова жалобу пишешь — сам себе адресат.
Всё — неплохо, ты слышишь? Пусть как есть — пятьдесят

И не кончить письма. Черновик твой засален.
Повесть или роман? Строчки перед глазами...
Лучше — кратко, как смерть, как рассказ про распятого;
Надо только успеть до две тысячи пятого!

Ты был жертвой? Излишне, исааково семя.
Даже жертвы не вышло.
Твоё время не вышло.
Есть всему своё время.
Помнишь: рвался из жил, не тужил, жил в массиве?..
Так пойди ж, попляши, — вот и виза и ксива!

Так поди ж, разбери, что желал ты другим:
Всем — удачи? Гран-при? Пожеланьям благим —
Не пойдёшь на попятный? — твоим сбывться, учти!,
В год две тысячи пятый, год сбыванья мечты.

Пусть всем сёстрам по серьгам, белка вот и свисток:
Бокс. Любимая серия. Секс. Ракета “Восток”.
Рай. Заря коммунизма. Супостату каюк.
И — немного туризма: вот бросок наш на юг.

Сапоги, мой румяный, развесёл и мордат,
Омывай в океане, неизвестный солдат,
С хитрецою в глазу: “Ну, теперя — лады!”
Эк — коробит кирзу от солёной воды...

И весь мир осиян! Никакой моногамии.
Пахнет — чуть — океан сапогами. Ногами.
Пир добра и ума. Отливаются слёзки.
Непреренно — роман!.. Уже сделаны сноски.

1997

Передышка.

“Передышка? Отбой? Передышка!”
То сгущаясь до букв, то редая, —
Мысль благая, желанье, идея, —
Очевидная, явная — слишком —

Из ленивой энергии марта,
Электричества в дальней гряде
Облаков, над заплатами карты,
Над страной непонятною, где

Предаются, вздыхая, евреи
Обсуждению вечных непрух,
Таиландские жены стареют
В таиландских усохших старух, —

От религии, от атеизма,
От проклятья “чужая ментальность”,
От Державы, от Патриотизма,
От понятия “национальность”

(Гений — Гёте, а гены — лишь Гейне),
Над ракеты скупающим шейхом,
Над незыблемым, зыблемым Рейхом
И над зыблемым Рейном, рейнвейном, —

От двухмерности жизни жестокой,
Над реальным, над истиной плоской,
Обнагленьем крикливых подростков,
Над надменным явлением Востока!..

Немец честный отводит глаза
И остатки терпенья теряет.
Наконец все друг другу грозят
И никто ни в кого не стреляет.

Кроет грузчиков саженных: “Поцы!” —
На чём свет пожилой одессит...
Сыроватое кельнское солнце
Русским “хлебушко” ситным висит.

1997

(Из серии “Метаморфозы”.)

DEJA VU.

Раз пошла такая пьянка!..
Два: да только проглядели.
Три: послали, кого только
Лишь за смертью посылать...

Началось со звона в ухе.
С тишины в ушах — в квадрате.
Глухотою — под фланелью
Пьяных дальних голосов,

Странным кратким наваждением —
Так вот, на обыкновенной кухне...
Авраамов вырожденец
С опрокинутым лицом,

Здесь я, Господи! Что делать?
В кухне под кувшиннорыля
Рёв, мне вспомнилось... застыл я...
Господи, окаменел я!..
Здесь — с ножом и огурцом.

1997

Вместо прогулки.

Прозелитка Вертинского, полно:
Осень. Холодно, скоро зима.
Б-р-р... Последние тёплые волны
Из кофейни. Подумай сама,

Так ли требуют строго прогулки
Эти улицы, лавок внутри
Чудеса, небеса, переулки?
Постоим, поболтаем. Смотри:

Чуда требуя, пива и брашна,
На молитве — полтысячи лет,
Ввысь возносятся башенки, башни, —
Вавилона рассеянный бред.

И, осанною в вышних, — ответ —
Самолётиком горним, игрушкой,
Пропадающим ни за полушку
В вышине — за оставленный след,

Что своё непонятное гнёт,
Как забава в руках первоклашки,
Тонким белым водим карандашиком,
Вкось прогулку — и перечеркнёт...

Здесь имеет значение всё —
Звуки, знаки, знаменья многие, —
Всё тебе весть благую несёт.
Звон, нить в небе, разметку дороги

Наметал тебе белым стежком,
Наболтал тебе Кёльн колокольный
На прозрачное ушко свекольное —
Сквозь игольное шпиля ушко'.

Облака разбивая над городом,
В полусфере — прозрачайшим льдом,
Всеми призмами, сахаром колотым,
Серебром — небольшие — и золотом,
Главный колокол — молотом: “Дом-м!..”

И, взахлёб, как бы в споре с собором,
Боем рюмок, старинных оков
Звяком, цоком весёлых подков —
По соседним пошло перебором
Кирхам — мрачным, пустым и печальным,
Кирхам — лёгким, игривым, венчальным:
Сорок сроков, сорок, сороков!..

Воздух лёгкий и лёгкий мороз.
Жухлых листьев хрустящие вафли,
Кои чем-то тебе не потрафили.
Гимназистка румяная, брось

Упоительно хрупать ту снедь,
Что серьёзный Осенний Кондитер
Изогнул в род готических литер:
Не ступай, не кощунствуй, не сметь!

Двуязычица, нам ли пристало
В Каббалу эту лезть. И потом —
Расшифровка опасна. Спроста ли
Слово “дом” здесь собором нам стало?
А собор, дело ясное, — “DOM!”.

1997

Советы Родену.
Скульптура “Отрешённость”.

Слабо быть понятым неверно?
Воображению дать волю?
Спуститься Дантом в низ, в инферно,
Где слово “стыд”, — а ну, слабо ли!

Лишь слово молваю, не велите
Казнить. На полном на серьёзе:
Над чем так тужится Мыслитель
Родена в неудобной позе?

Зачем такое напряженье —
Так мучился и так сидел! —
Встань, миг грядет освобожденья
И отрешённости от дел...

Расслабь же желваки под кожей,
Пускай числа заботам несть.
Ни любопытный, ни прохожий
Тебя не может видеть здесь,

Где не притворство, не личина
(Постой, мгновенье, погоди!) —
Улыбка Будды без причины
И все кручины позади... :

“Лицо Матёрого Мужчины,
Когда Он Писает Один.”

1997

Разговор с Наташей.

Шторы раздёрни чуток, посмотри:
Что, не накрылась соседняя лавочка?
В вечном бедламе базарной зари —
Крылышки, ножки, приправы, булавочки!..

Ваша взяла: сон священной субботы
Сим победиши, горластые турки.
Рёв мотоциклов. Шустрые, юркие —
Мать твою — новые русские урки.
Хоть хорошо ещё — не на работу...

Как в “Белой гвардии” мы, говоришь?
Макулатура всё. Литература.
Ясной Елены прочтённый Париж
Занят проблемами мультикультуры,

Национал-нарциссизма и проч. —
Призраки бродят по прежней Европе.
Кончилась тёплая сонная ночь:
Ветер. Песок. Караванные тропы.

Очень удобны, сомнения нет,
Яркие, лёгкие, модные ранцы.
Вот и купила б. На старости лет
Можно поехать — хотя бы во Францию.

Как закрутило-то лихо сюжет:
Купол раскрыт, но запутались стропы.
И ни о чём не заботься уже:
Здесь и Харбин твой и Константинополь...

Да, положения нету глупей.
Остров Елены. Былые заслуги.
Может таблетку? Водичкой запей.
Ляг на бочок. И приснится Калуга.

Кентавр.

Отведать мерку злого зелья —
Веселья ради, а не хмеля.
Плечами передёрнуть: “Уф-ф!”
И, ноздри широко раздув,

Занюхать коркою ржаного.
Подначить девок, всласть заржать...
Живи легко, гуляй, душа!
И не желай себе иного, —

Того, срамного, вороного:
Там забываются, визжат!
Там — не разлей, не разорви.
Там — взгляда дикость. Там в крови —
Ток тёмно-красного, дурного;
Там — муха ли, под хвост вожжа, —
Развейся, пропади всё прахом! —
Наскучив мощным мерным махом, —
Отмашкой плётки семихвостной
Себя и круп огреть со злости —
Так просто всё — рубай-коли! —
Как хруп овсом в сухой лохани,
Как пар тяжёлого дыханья, —
Через кусты ломи-вали! —
Как вкусный конский запах пота.
Как дивная копыт работа.
Как комья тёмные земли...

1997

“Азazelло просил не беспокоиться,
уверял, что он видел не только
голых женщин, но даже женщин
с начисто содранной кожей...”
(М. Булгаков. “Мастер и Маргарита”).

Была хохотушкой, был рот до ушей —
Смотрите: пришили завязочки! —
Простушкой, пастушкой полезных вещей:
Слонят, чайных цыбиков, вазочек.

Такой и снималась на дагерротип:
Болтушка и врушка в веснушках.
Кино там крутили, хоть, как ни крути —
А Парка сидит у катушки...

Не рано ли маску снимают с лица —
У мочек подрезами кожи
И тянут, и шьют, и — “Во имя Отца!..” —
Где раньше духами “Быть может”...,

Где мягко, губами — шепча, щекоча —
Не этим, железным и острым! —
До нежных мурашек: что дел до врача,
Когда так приятно и просто...

Когда так приятно и тянет ко сну:
Отход к нему близок, недалог.
Кто встал над душой? Скальпель мутно блеснул.
Как было-то там: “Косметолог”?

1997

(Из серии “Метаморфозы”.)

Исчезновение.

...Ты, ещё помня родное, редкое
Название этого сгустка,
На языке не твоих — но опустим — предков,
Наречье каком-то (“русском”?),

Зачем-то на нём, не вовремя, будешь
Упорно — про что-то важное! —
Пытаться кого-то — во времени будущем,
Затем — и без времени спрашивать...

Чем?! Если в горле — хрипучие сопли!
Где тестатура? Зачем же без клавиш?!
Она ещё будет верной и тёплой,
Когда ты её оставишь,

Она ещё будет домашней, планета.
Планидой ещё. Вот — Австралия...
Не отстранённая, рядом, но, где-то, —
Вкось немного. Темнее. Астральнее.

Себя представляя заведомо сушим:
Раз “Я”, значит — прежнее, влажное;
В страхе каком-то приятно-сосушем
Пребывая: приятно, страшно, —

Уже и не знаешь, как билось, храпя,
Что-то, сколько-то там минут.
Забываешь совсем, как зовут тебя...
Зовут ли тебя?
Зовут?

1997

Я буду пить тайную воду
На кухне во мраке мышинном.
От фары беспутной машины
С мест сдвинутся стены — завода

На время лишь хватит, чтоб всплыло,
Что снилось: и кухня, и стены,
И светом гонимые тени
Окна, законных растений,
А сдвинуться не было силы;

Темнели — враждебно-смуглы —
Над зыбкой кроватью сиделки,
Свет с улицы полз по побелке,
Угрозой кренились углы.

Удушья предвестники злого...
Проснись! Положись на природу!
На кухне я буду пить снова
Холодную тёмную воду.

Дурным, нехорошим повтором —
Свет дальний и звуки мотора...

Три ра... через левое... сплюнь:
Застряли тяжелые шторы.
Я в кухне. Не страшно. Я сплю.

1997

Дао: путевые заметки.

Воспой смесь гнева и нытья,
Богиня, о, — и сук с пилою...
Лад иноземного житья
Утешил ли тебя, дитя?
Лепечешь что, дитя бывшее?

С чего — рассеянным, глухим,
Немым, зажатым до упора,
Рассеянным как семена, как споры —
Читать? На память чтить стихи?

А было: прямо от борща —
В сложенье сил и зодиаков!
Не понял, не запомнил знаков,
Лишь только: “Ныне отпуска...”

Любимчик бабушкин, ты — цел!
Вперёд: остались ножки, рожки.
Затем... (здесь замысел и цель
Забылись, стёрлись понемножку) —

Леском чужого разговора,
Сухого говора песком,
Под звуки лающие своры,
Под русской пьянки переборы,
К друзьям последнего разбора,
Зализывая языком

Родным невидимые ранки...
“Назад — в до этого — сейчас же!
За что весь бред, за что мне чаша?
Тот, кто смешал, рассыпал гранки,

На, вырви дерзкий мой язык!
В иной, членораздельной речи —
И молвить нечем — стопор, бзик:
Мычать юродивым на вече,

Влачить без слов — ловя на слух —
Печали многия и знания.
Язык мой, враг мой, нем и глух,
Вкушаю вкусный хлеб изгнанья
В чужом раю, в своем углу —

Голь перекатная, не боле:
“...ему на запад”, — на закат!
Семантик перекаати-поле,
Голь перекатная, ну как:
“Посол”? “Носитель языка”?
“Осёл”? “Апостол поневоле”?

Смотрите, друг мой бородатый,
И в гороскопе, как назло:
“Быть отпущения козлом.”
Все даты сходятся, все даты...

Ещё две тыщи лет назад,
Ослов Погонщик, кто на свете
Сплошной — для Сына — детский сад
Развёл: чтоб можно быть как дети
(Никто и ни за что в ответе?)!

Но на меня, на род мой малый
Грехи чужие возложи.
Чуть вздрагиваешь, слыша: “Жи...”
Нет, нет, спокойно: это — “жизнь”.
“А сало...” — Да не ем я сала!

Оставьте, ладно, не сейчас:
Бесед привычные лекала
Уносят гости... В добрый час —
Читать под лампой вполнакала.

Подкорку кутает кора
Словами тёплыми, густыми.
Всё то же в наших палестинах.
Что наша жизнь в чужих осинах,
Что жизнь?! — в бирюльки букв игра:
Твоё отечество. Твой край.
Пора твоя. Твой рай пустынный.

Волк.

Ай да пиво, шашлычок!
Мне того... Я — недалече...
Вот и слёзки — так ничё —
Отливаются овечьи.

1998

Зима в Кёльне.

Притоптыванья, хныканья, нытья
Не надобно, к чему они, дитя;
Заказывай: солдатиков? Корсаров?
Вот, выбирай, но выбрать будет сложно,
Сегодня вечером, увидишь, всё возможно...
Ты видишь свет рождественских базаров,
Ларьков их пряничных с солдатиками, где,
Весь в сладкой, липкой вате-бороде
(Пусть зверь бежит — сидит себе ловец)
Сам Николаус — сонный продавец
Игрушечной посуды. Осторожно,
Не повреди её, гляди под ноги! То-то.
Над головой — в ларёк посудный — кто-то
Слоновым хоботом монетку передал.
Оконным льдом засахарен миндаль...
Снег... Зимний вкус цианистых пирожных.
И холод утренний... И тишь ларьков порожних.

1998

Конец сезона.

“...уж если чувствовать сиротство, то лучше в тех местах,
чей вид волнует...”

(И. Бродский. “С видом на море”.
Из кн. “Конец прекрасной эпохи.”)

Ливнем прибиты холмы, междухолмья, гербарий разгульной долины,
Заросли вермута — выцветшей, пыльной, сушайшей полыни,
Ломкие стебли, стерня, желтоватых колючек верблюжьки рыжинки,
Стоики стойкие — ржавые россыпи мелких цветов на пружинках.

Пахнет — в озоне с грозой и йоде настоящей густо —
Мокрой травой, кипарисовой хвоей, морскою капустой,
Сонным шашлычным лотком, разжигаемой щепкой и стружкой,
Крепким дешёвым вином, привезённой бывалой железною кружкой

(В коей слышны — опрокинь лишь до дна и услышишь! —
дыханье своё и морской непогоды),
Прочной, рассчитанной где-то на многия лета, на долгие годы.
Пахнет дождём после долгой жары, пахнет душем над душною бух-
той,
Пахнут — прохладным и свежим — цветные, базарные, алчные фрукты.

В сети дождя попадают все виды из окон, селенье, мол, мокрое море
В коже гусиной, курсиве припадочной пены. Раскрытые поры
Пляжного дышат песка. Истончаются сети:
Были ль те неводы, сплыли ли, стинули — нетути — в нети.

Ливень стихает, прогульщики вышли, в киоске торгуют стихами.
Время твоё истекает — то, что происходит и прорастает.
Что-то с пространством творится, с размерами и глазомером,
С фокусом зрения, ориентиром, античным размером,

Преобразованным в ритм синусоид неверных, сбившихся с волн, обнаружив
Стирку белья — Афродиты наверное — пены, пелен её, кружев:
Пачкают шумные, нервные, злые, несносно сопящие прачки
В зелени мутной, шуршащей, шипящей балетные пачки...

Столько волнения — сам заведёшься: немножко
Косит гекзамер честный, растянутый русской гармошкой
(Будто бы пёс на луну!). Успокоимся. Кончилось лето.
Время твоё истекает: был отпуск — и нету.

Гору заплечную тащит, тяжёлую, мокрую ношу —
К морю! — одышливый, вроде вулкана — Волошин.
Что же: недолго прищуриться. В небо прицелиться метко.
Лету каюк. И не слышно, как булькнет монетка.

1998

Обеденный перерыв.

Никому. Секрет сиесты:
От чумы ларьков, запарки
Окон, раскалённой жести... —
Воскресение в предместье,
На задворках лесопарка.

Над овражком, на подстилке,
В закутке, забытом Богом,
Отдохни. Вздохни. Остынь-ка
В благолепии убогом.

Просто: выдалась крапива.
Прост и скромненький чистотел.
Вот — теперь. Неторопливо
Доставай бутылку пива...
Тихий ангел пролетел.

1998

В жанре развода.
(На два голоса)

1.

Я Вам неверная жена,
А Вы мне бывший муж.
Итак, закончена война.
Кому достался куш?

Во всём, и в том, что перед сном
Советуют врачи,
Есть новизна. Об остальном
Давайте помолчим.

Полгода прятки да бега:
Враньё, невинный тон...
Хранительница очага
(Была, была, пардон)

Не то чтоб очень Вам нужна, —
Постольку и поскольку.
Не то чтоб искренне нежна...
Ну да теперь что толку.

По ком нам плакать. Вот те раз! —
“Пусть побеждённый плачет.”
Виньетки. Титры общих фраз.
Показ — наездом — влажных глаз
(Нам плохо, не иначе?)
А впрочем, слово “нам” для нас... —
Пусть ничего не значит.

1998

2.

Разрыв. Разрезан пополам.
Проснуться. Не могло присниться.
Но по неметенным углам —
Что пороху в пороховницах —
Пыль. Старые газеты. Хлам.
Тишь, гладь. Ночь — как в окне больницы.
Ужо воздастся по делам!

Рога лелей и клык точи.
Кто выю тянет вверх и воет?
Люминисцентной головою
Кто запрокинулся в ночи?

Заверены и скреплены
Разводы, браки и зачатья
Нотариальной печатью
Ущербной, треснувшей луны.

Припадок! Мечь! Я — мечь. Скорее!
(Я увлекательно старею.)
Не научусь, не поумнею
И ничего я не пойму...

Лишь — выживу. Я, чтоб я помер,
Ещё живу! Я — сольный номер.
На грудь ещё сто грамм приму!
Совсем не плохо одному.

Я в силах. Всё — путём. Неплохо.
Себе позволить и посметь
Я всё могу. Начнём с подлога:
Я тоже буду — чья-то смерть!..

Кто смерть примет за меня?
Последнюю рубашку гладит?
Пей. Неча зеркалу пенять.
Жену отдали, милый, дяде...

(Он знает: он мой персонаж.
Ему позволено напиться.
Уже — не мой. Уже — не наш.
Чуть бледный — как цареубийца.)

Я рядом. Как и ты — боюсь.
Честь требует — и всё такое —
Хемингуэем а ля русс
Отведать порцию покоя.

Хлебни чего-нибудь покрепче.
Где будешь? Лучше — там, в углу.
И не дрожи. Ну что ты шепчешь?
И на пластинку ставь иглу.

Закон обратной перспективы
(Не отвлекайся, не бубни):
Приклад. Цевьё — курок ретивый.
И пальцы белые ступни.

Не на миру — но смерть красна,
Как пойло красное в стакане...
“Полёт шмеля”. Полёт жакана.
Астрономически: весна.

Конец. Не надо — в суть вещей.
Но лишь — за красной нитью боли...
И пуговица — ни пришей,
Ни пристегни — чего же боле.

Он Вас любил. (Там, по сюжету,
И выбора-то не осталось.)
Нет, очень жёсткие манжеты.
Вот, пуговица разболталась...

Убил? Ужом, рождённым ползать
По строчкам, тихо отползай.
Ток отключи. Закрой глаза,
И от стишков бывает польза...

Ну вот и всё. Не надо света.
Плывёт ночная сигарета.

На кухню — шлёп-пошлёп — босой:
Жри плоть седьмой коровы тучной,
Пей, брат. И закуси научно
Немецкой скучной колбасой.

Пей, брат. Не думай: что потом.
Ты брав ещё и не дурак ты.
И пуговицы все пришьём.
Всё переме... Всё будет как-то.
Облуплена стена с ружьём,
Не выстрелившим в третьем акте...
Осел и покосился дом.

1998

Видение истока.

Экое брюшко. Макушка с прольсиной.
Прямо из ванной — в мохнатое сари.
Гостя под душем — браво-брависсимо —
Всё-то гусарим!

Всё-то в лото, — по-научному, крестики,
Всё по системе.
Всё-то в тычинки играешь и пестики...
Помнишь, волос была тьма, была темень? —
Стало просвечивать темя.

Всё за невиданным денежным кушем.
Всё-то пизанские хреновы башни.
(Эх, помирать, так хоть с музыкой! Страшно.
Но и не скучно.)

...Только лишь в сдвоенном зеркале, только —
Искоса, через плечо
(Где-то под ложечкой встали иголки!
И — ни прической, ни стрижкой — что толку!.. —
Кожей обратной шагреновой, в колких,
Кротких волосиках: значит — недолго? —
Первым звонком, бледной, малою толикой,
Ходом попятным — в замедленном ролике —
К лону (но в детстве помедлим слегка) —
В суть ярлыка: “Грудничок”.
В сон грудника.
Эмбрионову дольку.
Слизь. Цитоплазмы росток.
Квантов блошиный скачок —
Перепад:
Шариков-роликов
Сдвоенный мутный волчок.
В метку!
Распад!
Пузырение ноликов.
Жизни исток!..) —
Родничок.

1998

Река.
(Повествование)

Помнишь, был сенцами встречен,
Сложной выставкой корыт
(Был — ага! — не только вечной
Стол клеёнкою накрыт...),

Скрипом крашенных полов,
Их босым прикосновеньем,
Деревянного строения
Тихим воздухом углов...

Неизбывных комаров
“Си” занудного роенья...

В сон вплетающейся, в сон
Из фрагментов и осколков,
В сов его шуршащих сонм:
Вечер. Вой далёких псов.
Час собаки. Ночь. Час волка...

...Никогда (ещё бы малость...)
Не зевалось так до слёз.
Не лежалось, не валялось.
И так сладко не спалось.

Заволакивать за бором
Принялось. Но в тёплых жилках —
Туч кисель. Но под забором —
Черви-козыри! — наживка.

Выползай из-под перин,
Тюкай умывальник древний.
Куртку, удочки бери:
Утро. Новый день в деревне.

Ведь совсем тому недолго —
Всё б как дурь — как марь — отверг:
Плёт. Лесок в России волглой
После дождичка в четверг...

Это всё — за твой язык,
Длинный телефонный провод.
За “привычку свыше”, бзик.
За железный новый довод.

Эта глушь, тьмутаракань —
За невылет на Мальорку.
Недовыпитый стакан,
Недонюханная корка, —

Потому что... Погоди!
Повело, похоже, донку.
(Тихо, плохо перепонкам.
Непривычно. Ты один.)

Блеском не прельстись блесны —
Здесь пребудь честным и чётным —
Ни дождем июльским пресным,
Духом сумрачным лесным,

Ни глухим — как на духу! —
Всплеском: блин, сорвался! — Жерех!
(Кто орудует вверху,
В облаках? Да, этот, — Рерих.)

Зачерпни последней горстью
Дым рыбацкого костра.
Рай, четверг! — просторно, просто.
И дуга во имя Ра!..

Но, пока часы в кармане,
Не теряй живую нить:
Заводьями не сманить,
Понизовьями в тумане,

Пеплами прощальных красок
Над тишайшею водой,
Ниже рыб печальных плясок,
Ни оконною слюдой

Изб окраины смиренной...
Под удилица смывком,
Под темнеющей Вселенной —
Ни душистейшим “бычком”
В сумерках ленивых тленным...

Не смотри, не слушай, прочь!
Не польстись — себе дороже.
Даже если это: ночь,
Устюжна, река Ворожа.

1998

Бобыль.

Всё. Квартиру прибрал.
Чистота и порядок.
Зря вчера перебрал
(Но тарелочки — кряду.
И готовы к параду.)

Из любых, всё равно —
И из нежных — оков:
Прочь! Проветрен давно
Тёплый запах духов.

Так свободу свою
И поставил на кон!
В поле воин? — воюй:
Постирушкой балкон
Парусит на ветру.

Дрянь шуршит по двору.

.....
Всё темней поутру.

.....
Дождь бубнит по всару...

Чисто стопку протру.
Я ведь знаю закон.

1998

Ныне отпускаеши.

Я вырвусь. Я вывихнусь. Я — заусенец.
Я в координатной треноге
Повязан. Не важно: а был ли младенец, —
Ждать, как Симеон в синагоге?

Прошу отпустить мне грехи — полкило:
Затмения. Страсть. Ум за разум. —
Бывает. (Дай Бог, чтоб и дальше везло.)
Прошу опустить... Но не сразу.

Прошу отпустить тормоза, командир.
Поехала крыша — ту-ту-ушки! —
По Питерской вдоль. Чёткий ориентир.
Звенит малохольчик под дужкой.

Прошу отпустить мой народ на луга.
На травку, на мак, на поправку.
Пусть жили б, как левая хочет нога.
Прошу из диспансера справку.

В бородку, что сам я себе отпустил,
Вплести разноцветные нити
Прошу — и оставить её так расти.
Не велено? Жаль. Извините.

Прошу отпустить за грудиной тиски
Тоски, когда детские снимки
Свои достаю: не поправить носки.
Детсад. Обезьяньи ужимки...

Прошу отпустить мою руку, мадам.
Куда на ладони прямая
Ведёт, не гадайте, не надо, не дам.
Прошу... Да я сам понимаю.

Край.

“Хорошо в краю родном...”
(Фольклор)

По усам, по подбородку,
На ветру, всему назло:
От отечественной водки —
И погоду развезло.

Да, в питейной партитуре
Лишь сумбур, но на пари...
Под закуску... Нет, в натуре,
Ну куда еще курить!

Сон простора. Пожни сивы.
Пятна стылых водоёмов.
Жалко, право: сжаты нивы
Горизонтом, окоёмом.

И до пьяных слёз, до боли,
Смех сквозь трезвый — благодать:
Грустно. Пусто. Чисто поле.
Далеко тебя видать...

1998

Портрет художницы с картинками.

Ире Сильвестровой и ужасно
милым картинкам

Скорей ре-минор, чем с-dur.
Мир, где “домино” — род одежды.
Костяшки? Кто против. Но сомкнуты вежды,
Но, как в полусне, всё тесней, на листе
белоснежном,
Но шаткою башней над профилем нежным —
Кошмар парикмахера (но: се ля тур) —

Из марципана (а помнишь — картонные?) —
Свинки, сердечки ли, гномики,
Тяжеловатые домики...
Только жужжанье в ушах монотонное.
Что: голова?

Отопление?

Откуда?

Тихою сапой: колени...

Ноги бетонные.

Температура. Простуда.

Пухнут шары: тот особенно — синий,

Но не хватает росточка

Сну. Храповая трясётся ангина,

ангинит трясына...

Взвизгнет адаптера жало осиное —

И, заедая, в Нью-Йорк приезжает кузина...

Дремлет зверье под грибочком...

Там,

у пылающего апельсина

Свернись клубочком.

1998

Я тебя, суку, — уйди! — ненавижу,

Не доводи до греха! —

Крашенную на ура, полурыжую,

Тощую, злующую, чем-то обиженную

(Чем?!), безоглядную, нежно-бесстыжую

(Помнишь: наощупь?) Как я униженно...

(Нет! — За пределом стиха!).

Как я тебя ненавижу сейчас, —

Словом единым не лгу!

Всё, надоело. Рубить — так с плеча.

Может, чего я не так сгоряча...

Я без тебя не могу.

1999

(Из серии “Дым отечества”.)

Мой Кёльн.

Всего-то: две пары да я, безлошадный.
Поели, попили — закончен пролог.
Подружки, оставленные беспощадно,
Пусть толстый листают себе каталог.

И сядем мы плотно на кухне втроём.
Заначке хозяин своею рукою
Закрутку свернёт. И нам дело какое
Кто завтра..., кому... “Куй железо...” — Куём.
И на обстоятельства дела плюём.

И песнями нежными душу врачуем.
Я — дома, я братьев по разуму чую!
И спорим, и сладкую водочку пьём.
И всё философствуем. Снова поём.
И в доброе старое время кочуем.
И гневно его недостатки бичуем...
“О, Русская земле!”

Дым.

Дым — окоём...

Давайте-ка я у вас переночую.

1999

Что с Крымом? Что скифы? Покой ещё снится?
И мы в Коктебеле когда-то бывали.
И будем (Наверное. Может. Едва ли.).
В руках трепыхалась удача синицей:

Когда же — скорее! — в бреду эпилога
Сквозной синеватый увидеть проём?!
Цикады во времени скором своём
Стрекочут секунды — будильники Бога.
Всё аглицким блохам подковки куём?

Воздухоплавательный подъём.
Палимой полынью и пылью — дорога...
Жара. Голова полыхает. Лишь тога
Простынная выручит — римский заём...
Но зною спящему не до подлога,

Ни морю блеснувшему — помнишь? — в Крыму.
Блистающему лишь тебе одному.
И иже с тобою — для всех, — для кого-то.
Разбег — уже с криком! Мгновенное фото:
Блаженство нырка и — всех денег дороже —
В раю под водою как лыбятся рожи...

Когда это было?
Почём?
Почему?

Другая земля. Лет двенадцать тому.

1999

Город.

Это — средние века:
Строго. Без альтернативы.
Лёгок, косоват слегка
Стиль обратной перспективы,

Простотой невзрачной губит
Соль невинного обмана:
В небольшом прозрачном кубе
Театрального романа

Из напёрстков — только смолот —
Кофе пьют в двенадцать клерки.
Твой стеклянный старый город
В музыкальной табакерке

Выверен по старым меркам:
С долгим боем, под заводом,
С тусклым платиновым верхом —
Серебристым небосводом.

Лихо звякает пружина.
Дверь открылась на “сезам”.
Тихо вальс звенит машина.
Разбегаются глаза.

Тихо, не тревожа пыли,
Мимо залов ротозеи
В тапках войлочных поплыли
И служители музея, —

По паркетинам вощёным —
За библиотечной книгой,
Вдоль по улочке, мощённой
Старой стоптанной булыгой, —

Да по кнайпам, вдоль границы
(Здесь вот — рюмку и — хорош),
За которую клубится —
Что — уже не разберешь.

Сам плывешь — и парходик.
Всё качается слегка.
Воздух маятником ходит.
Неподвижная река —

Гравировкою хрустальной.
Человечек? Это — ты.
И — внимательно, нейтрально —
Сам же смотришь с высоты.

1999

Молящийся.

Твой Бог состоит из букв. Звуков и знаков сплава.
Блаженного взрыва глухого меж верхней и нижней губой.
Невыразимой всеу Слова слепящей славы.
Бездны, глотающей глыбы. Бешеной силы слепой.

Твой прок состоит из рая. Утерянного Израиля.
Нездешнего Ерусалима, обещанного никем.
Там родина наша вторая — нигде, на заветном файле —
Купиною неопалимой, тяжёлой водою в реке...

Твой Босх состоит из ада: шипящих, дурашливых гадов.
Кренящихся ориентиров — чаш страшных, скрипящих весов.
Наивного неба-детсада, из верб вертограда, из сада.
Да воющих ветров эфира — досады ручного Руссо.

Твой слог означает: “Logos!”, “Бог”. Голос звучит твой глухо.
В ладонях, составленных плугом,

В щели меж пальцев больших:

“Во имя Отца и Сына, во имя Святого Духа...”

(Ужели и “Матери, Дщери”?)

И, может: “Во имя Души?..”

Твой Бог состоит из слога, зеркального краткому вздоху...
Что, в ужас пришедши, бездумно ты называешь своим,
Со всхлипом ты мечешь, со смехом, — то собиралось по крохам...
Но — поздно. Относится эхом. И множится: “Элохим!..”

Сквозь Троицы координаты — трёхмерный, трёхликий, понятный —
(Все эти тихие трансы, раденья, запекшийся рот —
Зачем? Песнопения наши — порывисто, дико, невнятно?) —
Он слышит Моленье о Чаше, но только — наоборот.

В собраниях сводчатых, гулких, в закраинах, круглые сутки
К прямому эфиру готовых, с печальной акустикой мест,
Свечой освещаемый скудной, ты, в здравии полном, рассудке,
Всерьёз, как суфлёр из будки, шепчешь наверх — Его Текст.

Сеть слов — но не для человекoв; ловец не людей — бери выше!,
Что ты плетёшь там с надеждой, мукою на лице?..
А он ничего не слышит.
А он берёт выше. Всё выше!
На очень высокой ноте.
Вот-вот перейдёт в фальцет.

1999

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА. (Концептуализм и замкнутые круги)

“В одном случае из ста тот или иной вопрос обсуждается потому, что он действительно тёмный; в остальных девяносто девяти он становится тёмным потому, что усиленно обсуждается.”
(Э. По.)

Часть I.

1. Круг чтения.

Литература — вся концептуализм.

К универсалиям¹ уходит она от реалий.

Всё далее уходит она, всё быстрее (да так, что в последнее время знаменитый принцип неопределённости² микромира может быть отнесён и к этому явлению — псевдомира).

Она то хихикает над всём, что находится за пределами листа, тихонько в кулачок.

То делает вид, что в этом листе сокрыта, таится сокровенно истина о жизни — т.е. претендует на права всезнайки-смерти.

То, будто бы в святом неведении, тяготеет, будто бы, к самой жизни, простой и сермяжной.

Да что же это такое — эта “литература”, эта наша вторая реальность?

Реальность? Полноте, по Сеньке ли шапка. В ней, в литературе, может таиться (если таится) лишь только зачаток того описания вещей, их концепции, концепта, которого мы взыскуем. Отнюдь не сам объект. Что нам вещи, что нам реалии? Мы ведь даже не знаем, правильно ли мы их видим, слышим, правильно ли понимаем.

Хотя понимаем, как хотим — т.е. правильно.

И пусть “вещи в себе” существуют независимо от понятий о них. Пусть себе. Хотя чёрт его знает, может и зависимо.

“Нет!” — кричит концептуалист страшным голосом.

“Нет!” — гонясь за литератором с бритвою Оккама³ в руке. Как сумасшедший с бритвою в руке. Как судьба.

С чего же начиналось всё это — осознание литературой себя — реалией, участницей жизни? С кого?

А вот он, Абеляр⁴ — главнейший, опаснейший развратитель умов, не дающий покоя мёртвому Гессе. Вконец всё запутавший. Началось с него

— вконец всё запутавшего. Отделившего общие понятия о предметах — универсалии — от самих предметов. Концепты от объектов. Литературу от описываемого ею. (Почему ещё — не собственную систематику от реального положения вещей?)

В результате этого деления, этой корректировки Божьего промысла, отнятия у Него Слова и зародилась отдельная реальность, новая жизнь. Слово, литература, концепты — зажили своей собственной жизнью, отделившиеся и самостоятельные. Да и сам Абеляр из живого человека стал понятием. Не умер — как должно. Живёт. Существует в виде слова, символа. Остался жить как концепт, избежав общей участи. Он знал, он всё знал. И не надо нам про Элоизу. (Элоизина попка!.. Было, всё было... Забыть. Оставить в виде книги). Ему ли не справиться с этим?

Ему, умнице, книжнику, монаху на седьмом десятке, властителю дум; ему, парящему в ореоле прижизненных персональных проклятий двух (!) Соборов Святой Церкви?!

И пошло, и пошло — Гессе, Борхес, Умберто Эко...

Семантика, семиотика, поэтика⁵...

О чём это они?

Что это — жизнь? Литература!

Круг чтения. Замкнутый круг.

Может, и хорошо, что замкнутый. “Не тронь моих кругов!..”

С чего же всё-таки всё начиналось? С умницы Аристотеля?

Нет, пожалуй⁶.

Утро мира было прекрасно, величаво и безыскусно, как сама природа. Но нас же интересуют явления вторичные, умышленные? Вот, казалось бы, гордость Европы — классицизм. Живые страсти выше пояса. Любовь, ревность, месть, поединки... Единство места, времени и действия. Единство места, времени и действия. Единство места, времени и действия. Стоп, стоп — дурной сон. Единство места, времени и действия. Как выбраться из единства места, времени и действия? Всё вязнет в единстве места, времени и действия, в этой чёрной дыре. Хотя “чёрная дыра” — тоже понятие. Всё вязнет в этих понятиях. Кто тот Орфей, который смеет оглянуться? Кто попробует понять и объяснить: зачем нам этот замкнутый круг, эта лента Мёбиуса, этот знак. Что он означает?

Не надо тыкать пальцами в Бродского. Ему и так досталось, подопытному. Не надо тыкать.

Сначала на этом свете его заразили “нормальным” классицизмом⁷. Потом, на новом свете, ему взрезал сердце американский житель.

(“И уголь, пылающий огнем...⁸”). И всё же...

Оставим его, он и сам всё знает.

Он и вправду хороший стилист.
Что досталось ему до всех премий?
Что ему осталось?

Два классических чуда⁹: звёздное небо над ним и императив хорошего стиля — в нём, внутри. Вот это — главное. Главное — нереальные, непознанные, предполагаемые звёзды над нами. И реальные, существующие (!) императивные понятия — внутри нас.

И кто это нам обещал, что они должны соответствовать т.н. “природе вещей”¹⁰? Природе вещей пусть соответствует музыка.

Надо только не выходить из замкнутого круга.

Где бы, на какой земле ты его ни начертил.

Как бы ни ухало, ни выло, ни хохотало снаружи.

Не выходить из замкнутого круга.

До третьих петухов, до бледного коня.

Мы остаёмся здесь.

2. Семейный круг.

А концептуалисты — дети.

Играют себе в специально отведённых для этого местах — сложившимися понятиями, концептами — хорошо отполированными игрушками. Такими, которые живут своей особой жизнью, отдельной от вещей.

Любимая забава, кубики.

Балуются, смешные такие¹¹.

Поэты, писатели — взрослые. Тяжело, рискованно, упорно на авось работающие.

“Писать, брат, трудно.”¹²

Долбят и долбят огромное, монолитное, страшного чёрного металла ядро реальности. Глухо, не добиться ничего. Яростно царапают перьями поверхность. Царапины мелкие эти тут же и затягиваются, затягиваются плёнкой, как в опытах с алюминием. На этом месте у кого появится ржавчина, ржавый след, изгадивший сам объект исследования. У кого-то — получится, покроется с годами благородной патиной. Не позволяющей, правда, ясно рассмотреть объект, но самой уже являющейся гордостью коллекционера.

И первое (ржавчина), и второе (патина) — всё это — песочницы для игр концептуалистов, их семантические детские площадки.

Ну и славно. Пусть себе щебечут свои считалочки, пусть пищут на заборах своё невинное “Кака”, пусть их. Пусть не знают, куда плывёт, качаясь, лодочка. Незачем им, рано. Потом. Не надо пока об этом. Им об этом — нельзя.

Ещё не перегнулись они за ограждение.

Ещё не замерло сердце их над глубинами.

Ещё не глянули туда, не почувствовали глазами, всей кожей внимательный взгляд Моби Дика. Ещё не опрокинулось дикое, валяющееся небо.

Ничего. Всё хорошо, ребята. Мы вам потом объясним.

3. Ненаписанный стих.

Какой был дивный плач!

Как рычал, как рыдал молодой ещё Вознесенский о двух ненаписанных поэмах! Молодой ишо, молодой. Вот и рыдал.

А мне, грех сказать, — в такие годы. Что же мне делать с моим ненаписанным стихом. Кому мы нужны, кому он нужен, кроме меня. Да ещё и ненаписанный. Всё сразу. Скажешь кому, о чём жалеешь, — засмеют.

Податься, что ли, в концептуалисты — сам всех засмею. Глядишь, полечает.

Возьмёшь, примером, сложившееся суждение, привычную мысль, обваляешь его в муке, или ещё в чём и — жарь во всю ивановскую, пеки концептуальные пироги. Частная жизнь. Даёшь бисер!

Но только поздно, наверное. Концептов этих — не раз, два — и обчёлся, да и знать их всех надо. И ещё — много чего. Как говорил великий В.И.А.: “Концептуалистом можно стать только тогда...”

Мне никогда не стать концептуалистом.

Или женщиной, например. Сколько ни расти.

Моя область, мои заповедные места — там, где знать много не надо. Вернее, надо, но — не поможет. Моя тайна. Тайная сфера моих полётов — во сне и наяву. Сфера Вернадского. Сфера — ноосфера. Заполненная не одними домами и дымами, не одними отходами. Но и доходами. Но и — мыслями, идеями. Результатом развития последнего зверя — человека. Мыслями и идеями.

Мастер точных наук и тайных знаний, Вернадский, успокоил, окутал всех тёплой сферой, улыбнулся, в ней растворяясь. Сфера сомкнулась, круг замкнулся.

Охранен ли это круг или род петли? А, может, если петлю незаметно сужать, можно поймать, как силком, ненаписанную мысль? Предложение. Даже стих? (Тот самый?) Главное — самому не попасть, вовремя выскочить. Эка! “Уж лучше посох да сума!”¹³ Хотя последние два предмета, пожалуй, и без того — носить мне — не переносить.

Всё, всё в ней остаётся, в этой сфере: Библия (“Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”; Гегель (“Абсолютная идея”); материалисты (“Абсолютная материя”); концептуалисты (“Вещи, материя — отдельно; концепты, идея вещи — отдельно”). Идея. Название вещи. Слово. (“Оно вначале было у Бога”) — Библия.

Всё, круг замкнулся. Сфера завершилась. Развитие проходит не по спирали, а — по замкнутому кругу.

Развитие — замкнутый круг. Род петли. Развитие — род петли. Эдакий репортаж с петлёй на шее. С Анной на шее. С изящным колье. С воротничком. И подворотничком. С галстуком на шее. Символом на шее. Концепты — на шее.

“Галстук, молодой человек, обязателен”.

К чёрту галстук! К чёрту символы! И воротничок! И подворотничок! И орден!

— А штаны, — слабо?

— А штаны? Штаны... Штаны — слабо. Слабо, слабо.

Но в стихах...

Там — всё. Там — без штанов. Там ты у себя. Дома.

Там, если очень прижмёт, можно тоненько подвыть мёртвому Крученых: “Мизюнь!” Или заверещать, как живой Пригов. Или лечь на пол и сучить ногами. И рыдать.

Правда, когда вернёшься — к ним, надо объяснить это всё. По-научному, по-честному, концептуально.¹⁴ Составить докладную записку. Так, мол, и так. Или ещё как. Но это потом. А пока — стихи навзрыд! Стих на меня нашёл! Привет тебе, свободная стихия! Вот оно! Вот оно. Оно-то вот, да если бы...

Никто меня не нашёл. Ничто на меня не нашло.

Где мой ненаписанный стих? О чем я плачу?

Нам чужого не надо. Но и своего не отдадим.

Замкнутый круг, род кольца.

Род кольца. Начала нет и нет конца.

А у докладной записки есть.

И он неизбежен.

Вот он.

Кончаю.

Но — нет покоя. Покой нам только снится.

Такое чувство, что что-то происходит, что-то начинается. Что-то произойдет. Результат зачатия? Как это объясняют ученые люди? Или не надо ничего объяснять. Кроме сферы Вернадского, есть их ещё великое множество.

Надо только настроиться в резонанс.
Что-то там было о музыке сфер¹⁵.
В одной из них... Надо только — в резонанс...
Да... В одной из них — он.
Мой ненаписанный стих.

Часть II.

1. Возвращение ветра.

“Идёт ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги своя”.

Откуда это так дует, так пронизывающе сквозит?

От слов. Космический ветер, занёсший тебя сюда, в это уютное, тёплое светлое, единственно возможное место, унёсся смерчем дальше. Но он возвратится, возвратится, ты это знаешь. Тогда....

Что будет тогда? Как это произойдёт? Где — защита?

Холодок в животе. Беспокойное ожидание.

Успокойте меня, кто-нибудь, сейчас, утешьте!

Успокоить, утешить, не совершать ничего, ничего. Не двигаться, никакого подвига, движения. Только слова. Тихие, спокойные.

Скажи мне доброе слово. Добрый человек.

Словом успокаивается библейский ветер, превращается в тёплый сквозняк.

Становится тише. Легче на душе.

Приятно, любо.

Защитная оболочка, тёплая, тонкая, прочная стенка — слова.

Сядь уютно напротив, подмигни грустно, скажи, мне, успокой. Язык, речь — дом¹⁶. В нём живём мы — понимающие друг друга.

Защитный круг языка, оберег.

Каким метеоритом всколыхнулся впервые первобытный Океан, где тот центр, от которого кругами стали расходиться волны — наречия — речь?

Интерференция речевых волн, расширяющаяся Вселенная слов, цепная реакция. Интерференция языков; взаимопроникновение, взаимовлияние, исчезновение....

Говорят: исчезло племя, народность, нация.

Неправда, эти люди живы, их предки не были убиты, живо потомство, генофонд. Тот же цвет волос, разрез глаз, темперамент.

Но — исчезло племя.

Люди — живы. Бытие прекратилось.

Язык — умер. Попал не в фазу со временем. В результате Великой Интерференции — раздроблен, растворён в результирующей волне, прекратил существование. Народ прекратился, цивилизация ушла в песок. Порвалась связь времён.

История цивилизации — история языка.

История мысли.

Мысль формирует образ первого Слова — и его владельца.

Опять — круг замкнулся, опять.

Но интерференция... У неё свои возможности.

Их использовал человек. Создатель, творец, коллективный демиург. Житель своего — концептуального — мира. “Мы наш, мы новый мир построим!” “Нарушается принцип “ex nihilo nihil”, из ничего создаётся микрокосм, стройный микрокосм концептов. Это и есть то, что дозволено Юпитеру, что доступно только демиургу, — право создателя.

Извечен, незыблем закон сохранения массы и энергии. Его нарушает образователь и носитель собственного мира — из ничего.

Не фунт изюму — быть носителем языка, нелегко человеку, ответственно.

А тут ещё путаются под ногами его беспокойные дети — концептуалисты; дразнилки друг вперёд друга выкрикивают.

Ничего, подрастут — время своё возьмёт.

Пока же пусть всему удивляются, всякую игрушку потрошат, проказничают. Роль удивления в стремлении к познанию настолько велика, что мелкие шалости — и простить можно.¹⁷

Им ведь не понятно: “А зачем?”

Непонятно, неясно, темновато. Дети боятся сумерек. Хотя для взрослых вечером — самый роздых.

Как говорил дедушка Гегель? “Сова Минервы начинает свой полёт с наступлением сумерек”.

Надо только научиться различать два момента в непонятном: ещё не понятное и — не доступное пониманию.

Не то будешь вечно — как концептуалист — с открытым ртом ходить. А это утомляет.

И всё-таки, всё-таки, почему всё, чем занимаются концептуалисты, все их попытки разомкнуть знаковое пространство, создать — свой новый мир заканчиваются подобно построению квадратуры круга?

Всё теми же разработками внутри прежней, очерченной, ограниченной зоны.

Построения — всё более сложные, всё более мелкие, бисерные, а результат — тот же, что и у древнего художника, рисующего антилопу.

Да, да — и даже буквально: стоит взглянуть на все их умышленно примитивные картины.

Весь авангард рисует всё ту же антилопу!

Но и это неплохо. Всё-таки существуют заповедные места, законы сохранения — замкнутый, неразрушимый круг свойств вещей и концептов. Зачем это расщеплять, использовать в искусстве средства повышенной радиоактивности? Зачем переступать порог, пробивать бреши, ломать границы? Тот, кто переступал порог, возвращался потом назад (если возвращался) минимум — с отрезанным ухом. Спасите ваши уши!

Ясно, что учение концептуалистов всесильно потому, что оно верно. Разве кто спорит?

Правда, если уж честно: до сих. пор было верно. От сих — до сих. Осмысление человеком себя в окружающем мире оказывалось возможным, лишь если окружающее это удавалось свести к категориям, доступным человеческому восприятию. (А если не удавалось?)

Ну а насчёт объективной реальности, данной нам в наших ощущениях, это уж творец “Синей тетради” — загнул. Это скорее — про интимные органы. Не то. Нет, нет. Мы ведь догадываемся, знаем про — другое. Многое такое, что и не снилось нашим мудрецам. Недоступное. Неисповедимое.

Лукоморье. Зыбучие пески...

И только поэзия — с очаровательной беспечностью — залетает в запретные зоны, поверх барьеров.

Почему так мил, так повторяем про себя “Кузнечик” Хлебникова? Автор кто: сумасшедший бедолага или Поэт — без всяких оговорок?

Местами — и то, и — другое.

Пробуйте стихи на вкус!

Пишущий, долгое время пытавшийся расшифровать некие тёмные места у Мандельштама, как-то наткнулся на строчки, которые кое-что объясняют:

“Значенье — суета, и слово — только шум,

Когда фонетика — служанка серафима.”

Да, да... Но это для тех — кому шестикрылый являлся.

Так что вернёмся-ка лучше к нашему доброму, верному концептуализму.

Означает ли это, что концептуалисту возможно играть только на своём поле — на семантическом? Увы.

А неужто ещё какие — замкнутые невидимые — поля существуют?

Увы и увы...

Клиника? Летающие тарелки, “мракобесие”?

Сколько очарованных странников пытались выбраться дальше, чем за три моря! А оказывается — всего-то — вокруг света ходили.

Послушаем лучше, что умные люди говорят. (Как писали в благородные времена: “западные идеологи саморазоблачаются”.)

Тот же, кибернетики покойный папаша Винер, утверждал, что замкнутый круг нашей фантазии не годится в соперники действительности. К сожалению. Просто противоречие между безграничным разнообразием мира и ограниченностью, конечностью мозга как материальной системы — не в нашу пользу.

И уж на что фантазёр был Эйнштейн в верёвочных подтяжках, по какому только древу мыслями не лазил, а и тот угомонился. Человеческое, мол, сознание “может проникнуть лишь в отдельные проявления организующей силы”, существующие во Вселенной.¹⁸

Подглядывать опасно: надвигающееся, бесконечное, ужасное Великолепие.

Концептам дальше делать нечего. Полная пустота.

Такое зазеркалье, что ни одной Алисе не снилось.

Так что уж давайте, того, потихоньку, не выступая, не переступая наш магический, одними лишь словами очерченный круг. Пока есть понятия — понятно. Дальше — жуть. Воюющие ветры эфира.

Там, где ни Слова, ни Бога, ни понятия никакого нет, — я туда не ездец. Хорошенько замкните пространство — дует.

Расскажите, как “Маша ела кашу”, чтобы мне не было так страшно и темно...

2. Лёгкий сквозняк.

Думать одно, говорить другое, подразумевать третье, делать четвёртое; объяснять свой поступок как хотелось бы; быть понятым другими с точностью до наоборот...

Сколько душевной энергии тратится на каждый чих! И в результате? “Мысль изречённая есть ложь”. Стоило ли огород городить?

Но вот (всё-таки, всё-таки) что-то делается; делается — именно так, а не иначе.

Действие! Единственное, в чём можно быть до конца уверенным.

Будет ли оно доделано, какая цель — сейчас не важно, потом. Совершается конкретное, его можно пощупать.

А ну-ка, вот... пощупали. Ещё пощупаем. Всё. Дальше — опять — думать, говорить, подразумевать, объяснять...

Круг замкнулся.

Трудно разобраться...

Что привело к конкретному, какие импульсы, когда они возникли, зачем? Как концептуальная энергия превращается в кинетическую? И

наоборот: почему не всегда можно всё сформулировать, выразить; или можно, но как-то странно.

И странное это, порой, — странно, но — нравится.

Ни слова в простоте:

“И зацветет миндаль; и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс.”

О Крыме это, о весне? О Коктебеле?

Нет — о смерти. Экклезиаст.

Что означают наши слова? Какие мысли их вызвали? Какие инстинкты стояли за ними? Какой жизненный опыт откорректировал эти инстинкты? Какое всё это имеет отношение к искусству концептуализма?

На последний вопрос ответ один: самое прямое.

С другими вопросами — посложнее. И поосторожнее. Даже простое изучение их, даже попытки этого изучения, даже слабые сведения об этих попытках, оказывается, влияют на рассматриваемый объект. Сказываются.

Не без последствий методика.

Концептуализм в изящных искусствах — оттуда — от попыток разобраться, разобрать игрушку, развинтить, чего не привинчивал. Порождение мысли о мыслях.

Турусы на колёсах...

Попробуем перечислить основные из таких попыток. Это будет скучно.

Вот Декарт. Тот самый, который изобрёл систему координат и захопнул нас в трех измерениях.

Мало того, ещё и изнутри запер: впервые высказал идею замкнутого круга рефлекса.

Фрейд. Тот: ещё один замочек — щёлк!

Оказывается, кругов этих много и расположены они, как круги ада, чистилища и рая, — один над другим.

Фрейд — как Александр Македонский — разрубил этот гордиев узелок; взял — и разделил их на две большие группы. Первая — условные рефлексы. Наиболее сложные. Это — влияние социума, область коры, “супер-Эго”, концепты, наконец. Глубже лежат безусловные рефлексы, базовые инстинкты, подкорка, “Оно”. Древний, сидящий глубоко, неподдавленный зверь.

Кто вы по гороскопу?

От борьбы “Оно” и “супер-Эго”, “Оно” и сверх-Я“, их взаимодействия и сожителства и формируется конкретная личность, индивидуум.¹⁹

“Оно” добивается своего брутальными, порой мерзкими средствами. Самые мягкие из них — эмоциональная окраска концептов.

Ну да Бог с ними со всеми, разберутся. Кто у нас следующий?

Анфан террибль этой странной братии, верный ученик Фрейда Юнг. Он же с Фрейдом и разругался, а своими новыми работами начал, прямо-таки, плевать ему в бороду. Юнга, видите ли, занимает вопрос коллективного бессознательного, архетипов. Архетипы (проще говоря — наиболее общие схемы человеческого поведения и мышления) находят своё выражение в символических образах, обнаруживаются в мифах, религиях, фольклоре, художественном творчестве, сновидениях, неврозах и пр. Поведение людей, по Юнгу, зависит уже не так от суммы творческой и инстинктивной деятельности каждого, как от сложившихся архетипов. Существование делается бесплотным, выпадает плоть. Происходит деперсонализация психики.

Это значит, что сей Прометей со знаком минус отнял человека у Бога и отдал... коллективу.

Ещё бы ничего. Он ведь отнял его даже и у папы Фрейда: какое уж там либидо у толпы? Разве что — стремление к смерти.

Нравится?

Уж больно этот Юнг бесцеремонный!

Есть, правда, и похлеще.

Например, пишущие о своём отношении к вещам, о которых мало осведомлены.

Ну да это дело частное, потому и продолжаем.

Что же у тех ребят получилось? Наворотили, наворотили: “супер-Эго” — на “Эго”, сверху архетипов навалили и — померли... Теперь чего? Знать-то новенькое знаем; знаем, что существуют эти знания, что вкусили уже отравы. Наука сия, сама по себе — не нейтральна, действует, как минимум — опосредованно. Куда ж её теперь? Если бы ещё это помогало решать проблемы высшей психической деятельности! Или хотя бы — лечить психические заболевания. (Ой, доживем ли?)

А, может, и действительно помогает, чем чёрт...

Увидит человек белый халат:

— Были ли конфликты у родителей?

— Были.

И уже легче станет.

Легче? Ну и ладушки...

Если честно: взаимодействие огромных, сцепленных друг с другом кругов психики, их взаимовлияние — настолько сложно, причудливо, неожиданно по результатам, что разобраться в этом никакому прикладнику-психоаналитику, на самом деле, не под силу. (А уж тем более — пишущему, который — что-то где-то — всё понасышке да по верхам).

Ни черта там у них не разобрать: архетипы какие-то... Не лучше ли последовать совету великого комбинатора: “Плюньте, Шура, на всё это!

— Как это?
— Слюной.”

И правда: тьфу ва вас! Чума на оба ваших дома, психи — аналитики!

Как теперь собрать себя? Все свои “эго”. От которых только это слабое: “Ау-у, где я-а-а?..”

Нет, на Восток, на Восток, братья, обратим лицо наше на Восток, откуда Солнце восходит. И оттуда уже, за ним пойдём на Запад. Помедитируем братья. Покажите мне мандалу, я примерно знаю, как она выглядит. Может, мы достигнем нирваны, может, вырвемся из сансары — замкнутого круга рождений и смертей.

А то вертись в них, как белка в колесе, а прилежные, организованные люди уже в нирване располагаются.

Вот она, мандала, дхармачакра, буддийское “колесо мира”. Это — диск, разделённый сложным геометрическим узором на секции. В замкнутый круг вписаны фигурки людей, животных, персонажей буддийского пантеона, изображения бытовых предметов, объединённых в сцены, расположенных в определённом порядке.

Говорят, что для тренированного созерцателя достаточно одного взгляда на такой диск, чтобы впасть в транс.

Буддийская символика немудрена, доступна. Она наглядно убеждает — посвящённого — что видимый мир призрачен, лишён смысла.

Он и вправду лишён смысла. Это мы — находим его, делим его на понятия, концепты, придаём миру смысл — как Бог — словом. Убери концепты — и останутся лишённые смысла, призрачные вещи в себе. Существующие в бессмысленном мире.

И тут, конечно, как сказал великий В.И.А.: “Важнейшим из искусств для нас является концептуализм.” И это ясно. “И это хорошо”.

Только вот насчёт экспериментов. Братья — “исты”, концептуалисты ненаглядные! Вы уж, пожалуйста, того, дорогие. Козлятушки-ребятушки. Не замастурбируйте наши полуживые понятия, не захихикайте, остановитесь, милые. Так ведь до смерти можно. Великий Карл чего говорил? “Человечество расстается со своей жизнью смеясь.” Дохихикавшись.

Рано вам ещё.

Вырастете, будете — по-настоящему.

Вон, учёные как — спокойно, солидно, как взрослые. Существует ли вещественный, материальный, мир — им ещё неизвестно, не доказано. Наука об этом ничего не говорит. Зато очень много говорит, спорит, кипятится — насчёт понятий. И особенно — по поводу понятия этих

понятий. Знаменитое Декартово “*cogito ergo sum*” — мыслю, значит существую (в общем-то не изменившееся за века, несмотря на все премии, полученные учёными людьми), положение это — о чем? О жизни, о способе существования белковых тел? Да нет, о совсем другом способе существования. О способе существования — единственном, — в котором только и возможна самоидентификация. Знаменитое “*ergo sum*” — о мире концептуальном.

А чего там Энгельс белковый пишет — это уж его дело.

Так что — осторожно с “домом бытия”.

Народное достояние.

Ключ от дома у вас, у каждого концептуалиста есть, входите.

Можете проветрить.

Так, лёгкий сквознячок. Замкнутые помещения тоже надо регулярно проветривать.

Только обязательно соблюдать меру.

Не выстуживать ледяным “свежим воздухом”, монотонными, всепроницающими, сводящими с ума сквозняками. Не выдувать до конца жилой дух.

Не для того строили.

3. Пока оно крутится.

Искривлённое, подобно ленте Мёбиуса, замкнутое на себя пространство, торжественно исчисленное не так давно учёными людьми... Думает ли об этом нормальный человек?

Да ни в жисть!

Чувствует, ли это, чувствовал ли?

Да. Всегда.

Как нечто внешнее. Живущее своей отдельной далёкой жизнью.

Чувство замкнутого, самодостаточного пространства. Замкнутого. Самодостаточного. Вечное, безуспешное, подсознательное желание расширить место, создать свою нишу, разорвать замкнутый круг, включиться в него органически — как будто так и было — и замкнуть на себя! Жить — участвовать.

Но как? Возможна ли манипуляция с системой координат — ограничившей, огранившей традиционное существование? Чем вырезать печать на алмазе?

— Алмазом!

Создать свой алмазный, замкнутый круг, спасательный, позволяющий не тонуть в уплывающем из-под ног времени, недвижимом, вяжущем ноги пространстве, почувствовать себя уверенно, закрепившимся; начать

отсчёт. Но как, чем, от чего? Что это может быть? Какое оно то, не знаю что? То, что расположится здесь, в нашей нише, и найдёт в ней столько места (а где его найти на этом пятачке?), чтобы двигаться. Полностью свободно, неограниченно — в пространстве, времени.²⁰

Найти новое, четвёртое, измерение и расположить в нём род вечно-го двигателя...

Неправда, что это было только колесо.

А кольца в уключинах, а циферблат, простой обруч бочки, гайка, конвейер, вальцы, шарики да ролики — всего не назовёшь, не перечислишь. Что это — всё это?

Да вот, знакомый, уютный концепт замкнутого круга.

Интуитивное, невыразимое поначалу понятие — ставшее впоследствии миром привычных вещей. Оттуда всё, *ab ovo*?²¹

Колесо. Замкнутый круг.

Долгое, долгое существование — до начала...

Привычный, оседлый мир человека (занятого параллельно какими-то своими мыслями) ограничивается одним дневным переходом от родной околицы. Замкнутый круг. Генетически — тоже замкнутый: в жёны брали из своих, из дальней родни. Представление о деревне, расположенной за сотню-другую километров, было такое же, как и о Китае. Ехать за невестой? А вдруг там живут — песьеглавы?²²

Да и куда суетиться. Время... Как вяжуще, медленно течёт, ничего не меняется. Возвращается на круги своя. Сначала весна — пахота, сев. Потом — лето: косьба, сено. Осень — уборка, вино. Потом зима — чёрт-те что за время года. Всякому времени — свои праздники. Лунный цикл. Солнцевороты. Жизнь зависит от всего этого. Более открыта Космосу. Медленно, медленно, естественным ходом идёт по кругу. Измеряется — естественным измерением. Не только четвёртым.

И вдруг — как взрыв! — Покатилось колесо...

Мир стал доступен до линии горизонта. Замкнутый круг расширился. Покатилось...

Эх, прокачу!.. Лошадь под седлом — удовольствие дорогое. Да и удовольствие ли — сутки без передыху — в седле мотаться? А вот в телегу посадишь всех, да ещё в дороге спутника подберёшь — умные разговоры послушать, умишка поднабраться. Пусть себе крутятся — все четыре.

Колесо. Концепт, принёсший пользу. Замкнутый круг, расширивший другой, большой замкнутый круг, и в нём, в новом измерении, пребывающий. Давший реальную возможность, шанс оглядеться, остановиться (в то же время — передвигаясь), давший время обдумывающему.

Время — в четвёртом измерении. В пути. Который заканчивается возвращением — прибытием в точку отъезда.

Зазеркалье.

Неподвижно колесо по отношению к сидящему внутри. Удобно сидящему. Доверившемуся.

Крутится колесо! Наматывает пространство, пропускает его огромные массивы вокруг седока и мимо. Рвёт унылый, медленно-медленно изменяющейся тональности, звон времени²³, собирает его элементарные ноты — в аккорды, упорядочивает, изменяет музыку сфер.

Музыку заказывает хозяин. Это соответствует природе вещей.

Благодаря колесу появилась цивилизация.

Лишь благодаря понятию замкнутого круга — концепту — появилось колесо.

Концепт замкнутого круга. — Колесо. — Цивилизация.

Которая и породила новую чёртову тучу своих — новых — концептов. И так далее. И — так далее... Ну как тут не завестись концептуалистам?

А как же, а как же — не преминули.

Ну! Ну!!

И — ничего такого... Даже освежает. Особенно — концепты. (А от них наша жизнь — ой как зависит!)

Санитары.

Как бактерии в желудке, без которых мы не можем. Иначе — несварение и тухлые ветры. Не паразиты, не сапрофиты, а — симбионты. Включённые органически в замкнутый цикл (извините за горькую правду) нашего пищеварения.

Плодитесь и размножайтесь. Вам позволено.

Пока крутится колесо.

Пока всё крутится.

Примечания.

Любите ли вы примечания? Любите ли эти пастбища для ленивых, но любопытных? Это бессистемное, вкуснейшее, высококалорийное блюдо, солянку сборную, ассорти на закуску? Я тоже. Обожаю сноски, занимающие место, едва ли не больше собственно текста, исторические анекдоты на последних страницах, любопытные факты там же, иногда совсем не по делу: весь этот джаз.

Попробовать, что ли, собственные Примечания?

Правда, многое из нижепримеченного — сам узнал не так давно. Но тем приятнее поделиться новеньким, свеженьким, ещё тёпленьким. Даже если новенькое это было известно ещё древним. А уж тем более — читающему. Что ж? В таком случае это поможет ему ощутить всю ширь и превосходство своего крутозора, концептуального диапазона — по отношению к другим читающим. (Ещё более сообразительному — почувствовать приближение неизбежных спутников этого состояния: старости и... чем там ещё кончатся жизнь?²⁴). “Многия знания — многия печали...”

Ну да ладно, к делу, к делу. Примечания²⁵.

- 1 *Универсалии* (от лат. Universalis — общий) — общие понятия. Одна из проблем в истории философии: существуют ли универсалии “до вещей”, как их вечные идеальные прообразы (платонизм, крайний реализм), “в вещах” (аристотелизм, умеренный реализм), “после вещей”, в человеческом мышлении (номинализм, концептуализм).
- 2 *Принцип неопределённости* — фундаментальное положение квантовой теории, утверждающее, что для квантовых частиц нельзя — одновременно — точно определить некоторые физические параметры (например, координаты и импульс). Отражает двойственную корпускулярно-волновую теорию мира.
(Ну не тяжело ли жить в таком мире, где сам не знаешь, где в данный момент находится то, из чего ты состоишь?! Т.е., получается, что существуешь-то реально только в виде понятия, концепта, а то, из чего состоит твоё тело (твоё “реальное” содержание), не имеет точных координат — не до конца известно! Ещё: когда мы встречаем знакомца, которого не видели полгода, на его лице не остаётся ни одной молекулы, составлявшей оное при последней встрече полгода назад.
К тому же, всему этому — материальному — миру грозит энтропия — неизбежная тепловая смерть Вселенной...
От науки Weltschmerz, от науки диавольской: “Юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться!” (Это — из мнимого Козьмы Пруткова. Вернее — существующего. “Который наг. // На коем фрак. “Вернее — недорезанного бритвой Оккама).
- 3 *Оккам Уильям* (ок. 1285—1349) — английский философ-схоласт, логик и церковно-политический писатель, главный представитель номинализма XIV века, французсканец. Согласно принципу “бритвы Оккама”, понятия, не сводимые к интуитивному и опытному знанию, должны отсекаются, удаляться из науки.
(Номиналисты, концептуалисты — одна шайка. Этот, Оккам, — из авторитетов).
- 4 *Абеляр Пьер* (1079—1142) — французский философ, теолог и поэт. Родоначальник концептуализма. Учение Абеляра было осуждено церковными Соборами 1121 и 1140 гг. Трагическая история любви к Элоизе описана в автобиографической “Истории моих бедствий”.

(Он. Всё он. Выживший, переживший смерть плоти. Перед вынужденным пострижением в монахи пославший свою юную жену в монастырь, что она и выполнила беспрекословно, и только письма, письма остались на всю жизнь). Слова, понятия, эпистолярная деятельность. Вот где место Абеяра, вот его местопребывание, его действительность. Пусть не быть с живой Элоизой, прелестной, молодой, состоящей из реальных округлостей и капризов... До этого ли ему? Основавшему Сорбонну, переманившего в свою школу удивительными, дивными лекциями всех сколько-нибудь толковых парижских студентов и возбудившему этим дикую зависть и ненависть других магистров, и даже самого — всеильного — Бернара Клервосского, Святого Бернара, огромного Сен-Бернара. Отсидевшему за длинный язык в узилище и вынужденному прилюдно бросить свою книгу в огонь. В минуту отчаяния подумывавшему о бегстве в мусульманскую Испанию. И оставшемуся. Предпочёвшему искалеченную жизнь и монастырь. Стол, чернила, чистый лист бумаги...

Так он и сидит там, очерченный магическим кругом, освещённый скудным светом — то ли снаружи, то ли изнутри.

Вечность.

Есть ли это способ существования белковых тел? Нет.

Есть ли это жизнь? Да. Правда, другая, тления избежавшая. И даже — не только тления — чего там не горит? Рукописи не горят.

И ничего не изменится: стол, бумага — всё на своих местах.

Соблазн. Искушение.

Прав был Сен-Бернар. Искушение.

Вот чистый лист. Говори. Никто не мешает. Знаешь о чём? Надеешься, что это хотя бы одному человеку, хотя бы кому-нибудь будет необходимо? Садись и пиши. Надейся, что и к тебе — через 800 лет — будут серьёзно относиться умные люди.

А как же?! — Только так. И не иначе.

Иначе — порча воздуха: переводится бумага, деревья, биосфера, ноосфера. Как в хирургии: или помощь нуждающемуся человеку, или — горе родным. Tertium non datur!

Никак не покровительственно относиться к этим допотопным мыслителям, замкнутым в кругу своего времени, в тёмных веках живущим самоучкам, а — с почтением, с превеликим, согласно правилам старинной вежливости, почтением! Как странно — по кругу — происходит развитие мысли. И даже эмоциональное отношение к её результатам.

Попробуем произнести известное слово:

“Схоластика”.

Ну и как?

Да, что-то такое... в каком виде куда его не приставь — какая-то чепуха получается. Негатив.

А вот другое:

“Концептуализм”.

Что чувствуем?

О-о, это уже что-то... более серьёзное. Научное. Позитив. Хотя, какой-то неопределённый.

Концептуалист Абеляр предвосхитил появление схоластики; собственно, сам и был одним из ранних схоластов.

Вещи — отдельно, понятия — отдельно.

Но значит ли это, что они враждебны друг другу? Разве мешает вере в Бога стремление (только лишь стремление!) понять Его посредством разума, строгой логики? Рассудить, объяснить, классифицировать — как устроен божий мир.

Схоластика — метод.

Но именно за метод, за метод критиковал Абеяра великий мистик св. Бернар; и гнал его Сен-Бернар, и преследовал, и — в той жизни — загнал в угол.

Мистики спорят со схоластами!

Чёрт-те что у них там в средневековье творится. А уже лет через сто после Абеяра, глядь, все — схоласты! Метод привился. Победа, ура, торжество справедливости! Триумф Фомы Аквинского, привставшего на цыпочки на плечах Аристотеля. Правда, о первоисточниках и о составных частях Заветного, отрезавшего почти тертуллианским *sicredo quia absurdum*. Не правда ли — что-то напоминает?

Тем более, что примеры из жизни верующего Фомы — ну просто так и просятся, так и вписываются в замкнутый круг серии “Пламенные революционеры”.

Богатая, приличная семья. Заботливые, переживающие за сына родители. Здоровые, весёлые братья отлавливают ушедшего к нищим доминиканцам монаха Фому, приводят в родной замок и запирают с покладистой и аппетитной девой, поведения и нрава легкого.

Первое время за дверями тихо. Дальше непонятные шум, крик. Приходится отпереть. Там чёрт-те что: испуганно одевающаяся, ничего не понимающая дама и Фома — с горящим поленом из камина, в позе всех Павликов — от Морозова до Корчагина: не выпустите — я ваше чёртово гнездо подожду и замок ваш ненавистный спаяю!

Ну и — хрен с ним!

Ещё — цветочки.

Альберт Великий, кёльнский мыслитель, Doctor Universalis, изобрел говорящее устройство. Ну, так получилось, — раньше времени. Больно умный. Испуганный его ученик Фома — тут как тут со своей дубиной: уничтожим, мол, дьявольские игрушки — хрясь!

Ну и всё, ку-ку. Жаль, сейчас бы мы его голос в записи слушали. А оригинальные фонограммы “Сотбис” продавала бы американцам и японцам — очень им всегда такое нужно.

Ну да не случилось. Тяжёлая у Фомы дубина.

Горячее сердце, холодная голова, чистые руки.

За что и вызван был в Рим, кинут на идеологию. Партздание: помирить христианскую доктрину с прущим изо всех источников будущего Возрождения аристотелизмом. Восстановить порвавшуюся нить, связь времён, замкнутый круг. Будет сделано! И — на совесть.

Сменим подозрительный концептуализм на адаптированного Аристотеля! А пишущему вот больше Абеляр нравится. Во-первых, как отец красивого учения. А во-вторых, в силу авторской необъективности. Тот любить не побоялся. Ему было что, в отличие от нищенствующего премудрого доминиканца, терять. Жертвовать чем-то — ради чего-то.

И тоже ведь был пламенный. Да не такой стерильный.

Обоих жалко. Как они там сейчас?

О чём они спорили, чего надрывались?..

Но ведь круг-то ещё не завершился. Не завершился.

Поворот кривой. Новое время.

Как пишут в учебниках для средних школ: “Точное измерение, математические формулы, опыт, эксперимент — вот что стало в Новое время главным способом получения знаний. Теперь тонкие рассуждения средневековых схоластов стали казаться учёным просто смешными. Именно тогда схоластика приобрела свою нынешнюю репутацию”.

Ну конечно: поздний схоласт с его унылым “Magister dixi...”, “унылый наборщик готового смысла” — по выражению Мандельштама, или — Гальвани с лягушкой?!

И опять — кривая плавно поворачивает. Оказывается, если препарировать лягушку до конца, до логического конца, до конца жизни, за которым начинаются молекулы, атомы, элементарные частицы, кванты и волны, то происходят — странные вещи; становится непонятным, как всё это вообще существует, как мы вообще существуем. Экспериментом можно определить мировые константы, виды взаимодействий. Но выяснить, почему они именно такие, — “а кто его знает?” Об этом предпочитают не говорить (примеров уже — более чем достаточно). И более того, существуют заповедные зоны, в которых опыт невозможен. Вернее — бесполезен: здесь наблюдатель сможет узнать лишь только то невятное, что он — наблюдатель (принцип неопределённости в микромире; относительности — в макро).

О бесконечности Вселенной уже и не говорим. Хотя помним, помним...

Вот такие опять проблемы у нашего, более нового времени, у времени — Новейшего.

Здесь точка, где круг замыкается. Где схоластика, а заодно и её противоположность — мистика, да и их богатая тётушка — метафизика — опять актуальны (а, может, мы этого и хотим?) Где приходится пользоваться не только опытами и экспериментами (наука), но и ограничившими их аксиомами, гипотезами, фундаментальными понятиями (вера).

Тут вот — верую (ибо абсурдно); тут вот — рассуждаю логически (ибо понять можно).

Абеляр, всё тот же Абеляр. Теперь ты победил, Абеляр, где твоя Элоиза? И ещё. Говоря об Абеляре и его учении, мы говорим о европейском пути. Не трогаем здесь тему Востока. Как заметил один хороший мертвый актёр: “Восток — дело тонкое”. Ну да мы туда с нашими отвёртками и “ключом на двадцать два” и не суеться. Даже высшее проявление концептуализма — кибернетика — с её тупым двоичным кодом (“понятие соответствует — не соответствует”, “да — нет”, — даже кибернетика может ли определить, зачем это в летний день над прудом “ловит, ловит стрекоза собственную тень”? Нашим ли Абелярам в этой посудной лавке, лавке тончайшего фарфора, хозяйничать?

Древний Китай... Япония... Свет с Востока... Высочайший взлёт эстетизма среди мычащего первобытного океана. До других цивилизаций — когда ещё докричишься. Концептуальный диапазон расширен, сдвинут в область не ощутимых для европейского уха колебаний. Приём и передача сплошь и рядом — на другой частоте. Основа концептуализма — слово — работает, но как-то не так. Систематика не всегда удается, но ещё чаще оказывается ненужной. Результаты удивительны, но об удивительности их часто забываешь, просто любишься прекрасным.

Пример? Чего стоят только японские соревнования калиграфов!

То есть, сначала — ничего удивительного. Концепт вещи строится из слов. Слова составляют из иероглифов. И тут кончается европейское воображение. Каждый иероглиф, оказывается, сам по себе тоже что-то означает, представляет собой параллельный концепт. Не забыть ещё, что он является и нотой — в соответствующем контексте. (От высоты тона, от модуляции зависит и конкретный смысл сказанного). Кроме того, иероглиф ещё — маленькая картинка, визуальный объект. Удары кистью стремительны и изящны.

В соревнованиях калиграфов иероглиф приобретает некое высокое, сакральное значение, известное судьям и участникам.

Четвёртое измерение.

Игра в бисер.

Традиция — и неопределённость.

Восточное мироощущение настолько целостно, настолько — удивительно для нас — целостно, что включает в себя и подобные концептуальные забавы безо всякого ущерба, убытка, без нарушения симметрии и гармонии. Скорее наоборот. Великое изобретение древнего Востока — Инь и Ян — прекрасно сосуществуют и описываются замкнутым кругом. Как нам соотносить всё это с европейской знаковой системой?

Наша буква. Наше слово. Похоже, что наше буквальное слово — состоящее из букв — вторично. Буквы и иероглифы. Отношение прекрасной, но двухмерной картинке — к самому пейзажу. Концепта мирового пространства — к самой Вселенной.

Всё бисерней и бисерней.

А надо ли?

Иероглифы. Как понять и перевести эти многомерные письмена. Этот многоплановый смысловой, музыкальный, визуальный концепт, коротенькие стихи, вмещающие в себя мир — вместе с автором и читающим? Невозможно. Разве что — исключения. Хокку в переводе Веры Марковой. Ну да хватит об иероглифе. О нём ещё можно говорить и говорить. Тем более автору примечаний, тому, кто сам в их чтении ничего не смыслит. Да, а вот есть, правда, и у старушки Европы тоже кой-чего в закромах. Тем, кто ждёт света с Востока, приходится мириться с мыслью, что юмору-то в тех краях — не густо.

Европейский юмор! Основа европейского юмора — парадокс. Радостное узнавание мира, смелая схематизация его, подтрунивание над иным, над тем, что не в обойме. Смех над невероятным, чудачеством, чудом, парадоксом, над клоунами Инь и Ян. Хохот над ненормальным.

Экое молодое жеребчество!

Всё бы хиханьки да хаханьки.

Всё бы Бахтину карнавалы устраивать.

Восток же умеет только отстранённо улыбаться. Что ему парадокс! Он давно уже вписан двумя нессливающимися каплями а замкнутый круг. Является необходимым компонентом. Одной из составляющих. И никакой такой сложной — европейской — диалектики.

Нормальная, обычная, повседневная Мировая Гармония.

Ан только вот что интересно. Куда он пропадает, этот железный вектор: эстетика — этика. Казалось бы: Древний Китай, Япония, высочайший взлёт эстетического чувства... Японский ребёнок, кроме семи цветов радуги, должен знать полторы сотни оттенков. И вдруг — гекатомбы, сад пыток, отрубание голов, пальцев музыкантам. Самурайский дух, камикадзе, грубые, отрывистые команды. Откуда эта беда? От стихов Босе и Дуфу, от знаменитых туманов на пейзажах, от шести нефритовых шаров, вырезанных один в одном?

Да нет. В том-то всё и дело, что эстетика — как необходимость — удел редких, частных лиц. И этика, безразличное отношение к злу, от неё произрастающее, есть поэтому тяжкий крест немногих. Существование в этом замкнутом кругу, в сфере культуры не так уж легко. Да и народ обижается. (Помните: “Страшно далеки они от народа”?)

И устраивает культурную революцию.

Или — поп-культуру.

(С последней, кстати, не всё так просто. Откуда джаз? Откуда “Битлз”? А, собственно, театр? Опера?)

Т.е. — кому что нравится. Запад есть Запад. Восток есть Восток.

Бедная Элоиза!

Ладно, перейдем к следующему. Что ещё примечательно?

5 а) *Семiotics* (от греч. *Semeion* — знак, признак) — наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем в человеческом обществе (главным

образом — естественные и искусственные языки, а также явления культуры), в природе (коммуникация в мире животных) или в самом человеке (зрительное и слуховое восприятие и др.)

В медицине — учение о признаках болезней (симптомах) и характерных их сочетаниях (синдромах).

- б) *Семантика* (от греч. *Semantikos*) — обозначает и изучает значение единиц языка, прежде всего — слов. Является разделом семиотики.
- в) *Поэтика* — является и изучает систему меняющихся правил, средств выражения в литературе. В широком смысле совпадает с теорией литературы. В узком — с её, литературы, исследованием.

5а, 5б, 5в — подробнее см. “Докладную записку” сначала.

- б) Желание у него было другое: познать первичное, Движитель Первого Порядка. Не анатомировать, не расцеплять суть на вещи и идеи. Этим пусть занимаются физики — в период между двумя мировыми войнами. У метафизики задачи шире. Что же касается вещей вторичных — литературы, выдумки, психики — тоже — “ещё не”, рановато. Античная история и мифология (а к её общему знаменателю, порой не зная, откуда ветер дует, мы, часто подсознательно, приводим все события и поступки; концептуальное словечко — “архетипизируем”) ещё не вступили во взаимодействие с христианской этикой. И от этого мезальянса пока не родилось нелепое дитя — Европа, мы, цивилизация Новейшего времени — со всеми её проблемами. В том числе — концептуальными.

Время Аристотеля.

Время, которое младше гения.

История ещё продолжается. Какая уж тут “Поэтика”, когда воспитаник и любимый ученик уже сдает грызущего удила Буцефала. Да и литература пока ещё не научилась любоваться сама собой. История Нарцисса пока — предание — не ставшее концептом. Время, когда основной двигатель науки — не необходимость, а — любопытство и любознательность. (И вот она — червоточинка концептуализма, уже появилась!)

Эпикур учит, что здоровье тела должно сопровождаться здоровьем духа. С целью не какой-нибудь — теоретической, нет — меркантильной. Для освобождения от страха смерти. Лишь познание, по Эпикуру, является таким освободителем. Познать — через понятие — суть вещи, чтобы освободиться от страха, от неизвестности. Назвать всё своими именами — чтобы не бояться. Это потом (когда ещё!) новую штучку — психоанализ — станут величать революцией. А имя Эпикура останется связанным лишь с веселым эпитетом “эпикурейский”. Максимум — с поэмой “О природе вещей”. В ней Тит Лукреций Кар, последовательный эпикуреец, поэтически воспроизводит взгляды учителя на физические явления, структуру мира.

Но ведь это только половина мировоззрения современника Аристотеля. Такое впечатление, что концептуалисты всё ещё пишут вторую часть этой поэмы: “О природе понятий”.

Природа вещей — природа понятий.

Сущее — суть.

Берегите природу (-ды)!

И вообще: берегите друг друга.

Эпикур для тех, кому это тяжело, нисколько не настаивает на схеме “понять всё до конца — чтобы не бояться”. Мыслитель, так тепло говоривший о простых, естественных наслаждениях, вполне сознательно (вот уж кому человек дороже истины) печётся о душевном спокойствии близких и далёких: “В самом деле, лучше уж верить басням о богах, чем покоряться судьбе, выдуманной физиками, — басни дают надежду умилиستивить богов почитанием, в судьбе же заключена неумолимая неизбежность”.

Спасибо. Очень человечно.

Хороший стиль, юмор.

Непростой дядя — Эпикур.

С тем его и оставим.

Литература античности — ещё не проснувшаяся, не осознавшая себя, не заговорившая о себе как об участнице и созидательнице происходящего. Да и откуда ещё? Рано. Только-только. “Нам не дано предугадать”.

Это сейчас — кое что уже известно.

Лагарп, учитель малолетнего Александра I, находил, что “Александр Македонский опустошил Азию и совершил столько ужасов единственно из желания подражать героям Гомера, подобно тому, как Юлий Цезарь из подражания этому самому Александру Македонскому совершил преступление, сокрушив свободу своего отечества”.

Цепочка великих и ужасных дел, протянувшаяся от фантазий некоего слепого поэта! Наполеон, подражающий Цезарю, готовящий поход на Индию. Далее — везде:

Гомер — и Жириновский.

Звучит? Да. Как название главы в “Золотом телёнке”. Но существование литературы, слова, как самостоятельной (хотя и мнимой) реальности, как явления первичного, более того, как Движителя Первого Порядка — порождающего настоящую, реальную Реальность, допускает и не такие казусы.

У католиков в средние века существовал довольно долгий период, когда Библия была недоступна для чтения всем, кроме служителей церкви.

Спецхран.

А что?

Что как каждый, неподготовленный, начнет поступать по-писанному, начнёт ориентироваться на деяния апостолов, святых, на Слово? —

Всё пойдёт прахом:

Белые одежды и коллективные песнопения.

А где колбаски купить?

Слова — опасны.

Да и Гомера лучше читать от бессонницы. Засыпая на середине списка кораблей...

Средиземноморье. Утро мира. Среди-Земно-Морье. Ещё на античных мифах, записанных людьми, ходившими без штанов, не объяснил свои теории, не напридумывал нам болезни доктор Фрейд. Но он ещё родится. Он обратится к античности.

И замкнёт круг.

7 “Я заражён нормальным классицизмом,

А Вы, мой друг, заражены сарказмом...”

8 Болезнь сердца — “...дважды бывал распорот” (И. Бродский).

9 “Категорический императив”.

“Есть только два чуда: звёздное небо над нами и моральный закон — внутри нас”, — так, кажется, у Канта.

Примечание не совсем по делу, не о литературе.

Но: “О жизни, о жизни — и только о ней!..”

Если перевести кантовскую “Критику чистого разума” на простой язык, описать одной фразой, то она будет звучать, как орган: “Бессмысленно пытаться объяснить чудесное”.

Попросту бесполезно. Методологически неверно.

Разум, концепты здесь ни при чём.

Не надо опускаться до толкования чуда.

А уж тем более — до доказательства его существования.

Что слова, что числа? Что “богословие”?

Чудо — видимо; видимо невооруженным глазом.

Достаточно взглянуть на звёзды.

Мы толкуем чудесное нашими малопригодными средствами, средствами нормальной логики — словами, числами...

Видел ли кто число вообще, даже не иррациональное?..

При помощи таких вот псевдоуниверсальных костылей-концептов — слов, чисел там, ещё всякой зауми — мы пытаемся объяснить величайшее, существующее всегда, необъяснимое: Мировые Законы и Константы, мир Элементарных Частиц, виды Взаимодействий, рождение и строение Вселенной. (И ещё самонадеянно считаем это нуждающимся в нашем объяснении!) Другое дело, что подобная — сосредоточенная — возня, некие важные исследования в носу приносят иногда конкретные практические плоды — в виде различных удобств, благ. Или чего-нибудь страшенького для врагов. Но не этого мы взыскуем. Мало, видать, старушке звания столбовой дворянки, манит, прельщает её в рыбнадзор перейти, в “Главрыбу”. Тщетно! Разноцветные, пестрые науки, все эти физики, химии, математики, гены и общие биологии, всё это — лишь узоры на покрывале Майи; всего этого мама Природа не знает. Она — проста, чудесна и ужасна!

И что же тогда остаётся человеку, маленькому, существующему в уникально малом диапазоне физических, химических и пр. координат, — как не поверить алгеброй гармонию. Правда, к истине это не больно приблизит, да и всеобъемлющей науки — не нам создать, и всё же...

Попав в кувшин с молоком, можно, барахтаясь сколько хватит сил, попытаться сбить масло — чтобы не утонуть. А уж потом доискиваться, кому принадлежит кувшин.

Да и масло пригодится!

Ну а пока же стоит иногда воспринимать окружающее как чудо.

Это освежает.

Тому, кто слышит (по-секрету, шёпотом): всё окружающее несёт в себе божественное начало. Спиноза, Спиноза, шлифовщик алмазов, так намекнул. Я только повторяю.

(NB! По-нашенски, “божественное начало” переводится как “Идея”, современному — “концепт”. Ну да: концепт, слово — тоже несёт божественное начало! Тому — кто слышит.)

И насчёт вопроса о принадлежности кувшина: поиски Бога, теория Единого Поля...

Вотще искать Бога — он повсюду. Не ищи суетно, не моли громко. Останови себя, закрой глаза. Ты готов, давно готов к ЭТОМУ. Не мешай ему, “И виждь и внемли”. То, что искал так долго, — здесь.

Музыка сфер.

Зенон, кажется, утверждал, что знает гораздо меньше своих современников. Для объяснения он чертил две неравные окружности. Получались два замкнутых круга — малый и большой. Малый, мол, это область знаний человека, не обременённого изучением теорий. Рядового. Большой — скромно — область знаний самого Зенона. Вокруг этих замкнутых кругов — бесконечная область незнания.

А теперь посмотрите, — говорил Зенон, — кто сталкивается с большим массивом незнания, с тем, что обступило круг, — я или простой — счастливый — человек? Т.е. чем больше знания, тем больше вокруг непонятного, чудного. Необъяснимого — по периметру большого круга.

Так что от понятия необъяснимого в ближайшие пару миллиардов лет никуда не деться. Кто может сказать лучше Тертуллиана: “Credo quia absurdum!” — верю ибо абсурдно. Пусть, пусть у каждого будет своя вера — всё равно до истины далеко. Только не попрекали бы нашей верой других. Не понуждали бы в неё верить. Не изводили бы тех, кто не с нами. Иначе — Апокалипсис, битва абсурдов, (потому что битва вер) — абсурд в квадрате. Математически чистый. Хотя и все попытки вырваться “за-”, “за горизонт”, все забегания вперёд Батшки, бываюи тоже довольно смешны.

Ещё чаще — небезопасны.

А мы пока здесь осмотримся.

Приятно вспомнить, что горизонт — это всё-таки замкнутый круг. Иначе как-то неуютно,

10 Спор И. Бродского с В. Гавелом.

В сущности, всё о том же — кантианском — категорическом императиве: соответствует ли и должна ли соответствовать наша этика т.н. “природе

вещей”. И наоборот. Т.е. — спор о соответствии объектов концептуальных вещам действительным.

- 11 А мы все, нормальные люди, далёкие от всяческих искусов и искусств, мы разве не играем? А что наша “большая”, наша социальная жизнь? Игра? Флаг, гимн, территория, ордена, знаки различия и (ужо позволю себе — как лисица про виноград), и — страшно подумать! — Деньги. Всё это — Святые Конкретные Понятия? Или так: Абсолютно Абстрактные Концепты? В природе аналогов не имеющие. Правда, в других странах, или шире, по-научному, — в ноосфере — сколько угодно.

К чему это я?

А к тому, что если приглядеться, то выходит: наше социальное существование, наше *alter ego*, — не менее концептуально, чем литература.

Да это и хорошо.

А то что бы было, не ограждай нас наша бедная тонкая кора, наша корочка — замкнутыми кругами условностей, культуры (пусть даже в виде “комплексов”) — от окружающей тьмы подсознания, от инстинктов, от тёплого, дымящегося, желанного мяса канибализма? Что бы тогда, а братья-концептуалисты? Посмеивающиеся над задеревенелыми, превратившимися в кору, в устойчивое (устойчивое!) второе “Я” понятиями. Теми, что дают чувство меры, золотое сечение, понимание, постепенное понятие смысла происходящего. Как, кем заложено в нас — и. развито нами — это понятие?

“Концепт” — по-новому, “душа” — по старорежимному.

“Слово” — по Библии.

Чувство меры.

Это вам не бритвой Оккама махать!

- 12 Любимое выражение в кругу “Серапионовых братьев”.
- 13 “Не дай мне Бог сойти с ума,
Уж лучше посох да сума!” (А.С. Пушкин)
- 14 Концептуально — т.е. понятно. (“Концепт” — понятие).
- 15 Новалис (Фридрих фон Харденберг), (1772—1801), немецкий поэт и философ. Высказывал идеи интуитивистской диалектики, всеобщего символизма природы, полярности и взаимоперехода всех вещей (“магический идеализм”) Умер 28-ми лет:
...“вас приветствует с небес
Музы́ки сфер таинственная...”
- 16 Не совсем образное выражение, но — буквальное. Немецкий философ Мартин Хайдегер (1889—1976) центральным для своих работ избрал вопрос о смысле бытия. В его творческой биографии, после первоначального увлечения экзистенциализмом, когда жизнь уже хорошо перевалила за середину, появляется удивительное, красивое учение о языке, как о “доме бытия”. Язык — “дом бытия”. Как красиво.

И просто.

Что же привело Хайдеггера к этому? К разрыву с субъективным, с экзистенциальной заботой.

Здесь уместно привести цитату из сказанного лет этак за две тысячи до Хайдеггера. “Упанишады”: “Если бы не было речи, то не были бы известны ни добро, ни зло, ни истина и ни ложь, ни удовлетворение и ни разочарование. Речь делает возможным понимание — всего этого. Размышляйте над речью”.

Вот он и размышлял. На то и мыслитель.

Есть в “доме бытия” нечто от Юнга, от его архетипов? Есть. Но насколько мягче, недетерминированней, романтичней. Человечней, скажем.

Юнг — тоже человек неплохой. Да вот беда — психиатр. Ему по должности надо болезню искать. Такой у него архетип. Найти и объяснить отход от нормы. Кто и на какой почве свихнулся. (Принц Гамлет, вот; на датской). Кстати, у человека искусства, у художника, наоборот, задача другая: расширить диапазон нормы до грани возможного, отнять у психоаналитиков рабочее пространство, почву под ногами. Без почвы эта братва не держится — “летать не может” — сразу в тартарары! Со всеми архетипами. И тут концептуалисты — первые друзья человека.

Охраняют “дом бытия”.

Хотя иногда и кусают кого попало.

Ну да ладно об этом. Мощный аккорд:

“От всего человека вам остается часть

речи. Часть речи вообще. Часть речи.” —

И. Бродский. Классик русской и мировой поэзии? Слишком громоздко.

Поэт — навсегда.

- 17 По Аристотелю, схема такова: вначале человек удивляется чему-то. Это побуждает его размышлять о предмете, непосредственно вызвавшем недоумение. Мало-помалу, продвигаясь далее, он задаётся вопросами о более значительном. И т.д.

Роль удивления — побудительная. Позволим себе кощунственное: в психической деятельности выдающихся мыслителей (тех же греков и римлян) удивление — Движитель Первого Порядка.

В механике, по Аристотелю, это — Бог.

- 18 Кто ещё чего — по этому поводу?

Пуанкаре: “Не только наука не может открыть нам природу вещей; ничто не в силах открыть нам её”.

Бертран Рассел: “Всё человеческое знание — недостоверно, неточно и частично”.

Поппер: подтверждения фундаментальных, гипотез — вообще на существов. То что мы привыкли считать истинным знанием, представляет собой лишь совокупность гипотез, до поры до времени выдерживающих попытки их опровергнуть.

Ж. Ренан: “Учёный — это человек, который в чём-то почти уверен”.

Ой, товарищи учёные, доценты с кандидатами! Лучше уж чего-нибудь конкретного... Не учите нас жить, лучше помогите материально. Мыслящий тростник Паскаль вот — тачку изобрёл, его долго в Воркуте не забудут...

Мы-то им верим, что они там чем-то таким... занимаются...

А всего этого-то — и нет!

Древний грек Горгий, тот вообще, написал труд “О несуществующем, или О природе”.

Стоило ли стараться, Горгий?! Раз такое дело.

Кто ещё не пал духом? Кто ещё способен не лететь кулём с колокольни и орать, а — изящно спланировать? Использовать пространство, воздух, любовью шанс.

Ну-ка. Вот, вот — чего-то забрезжило.

Практичный, неунывающий кантианец, немецкий философ Ханс Файхингер. В главном своем труде “Философия как если бы” развивал концепцию, согласно которой научные и теологические понятия являются фикциями (ну это мы уже где-то слышали), но — важны для нас практически. Могут быть использованы в деле.

Умно?

У него действительность, как она есть “на самом деле”, конечно же, непознаваема, познанию доступны только ощущения. Но жить-то как-то надо? и вот, в силу практической полезности, мы пользуемся общими понятиями. “Как если бы” они были истинными.

Как дети играют в больницу, в дочки-матери.

Во лафа концептуалистам: иди в искусство, делай, чё хочешь, строй себе новые миры, гуляй, Ваня, Бога нет!

Всё равно всё — неправда. “Как если бы”.

19 Не упоминаем всеу “Эго” (оно же — “Я”).

Иначе вся наша наука, имеющая много гитик, Вавилонская наша башня, карточный домик рассуждений — разваливается, — остаётся только развести руками!

То, что по Фрейдю является самостоятельной единицей, третьей судьёй между “Сверх-Я” и “Оно”, то, что он называл “Эго”, — главенствующим в спорах между спинным мозгом и корой — и, как всякий судья, вершащим суд независимо от влияний... И даже так: выносящим вердикты согласно неким, записанным где-то, неукоснительным — императивным (ау, герр Иммануил!) — законам! Того самого “Эго” в науке психиатрии, науке изучающей Психехо, душевные заболевания, просто быть не может!

Иначе — какая же это наука? — Вера!

Старая добрая Вера, сестра Надежды и Любви. Дочь Мудрости.

Ведь если “Я”, если это “Эго” действительно существует, то при чём тут Зигмунд Фрейд? Это, отдельно существующее “Я” (по-латыни — “Эго”) и есть, простите, та самая совесть! По-вашему — “душа”.

Кто там стучится? Чего тебе надобно, старче?

- Ты не прав, Сигизмунд!
 Займись неврозам.
- Об их причинах — потом.
- 20 Утешимся пока Паскалем: “Всё наше достоинство заключено в мысли. Не пространство, не время, которых мы не можем заполнить, возвышают нас, а именно она, наша мысль.”
 Высокопарно? Но — утешительно.
- 21 Ab ovo (лат.) — изначально (буквально — “из яйца”).
- 22 Ещё не так давно (из того же школьного учебника по истории средних веков): “Когда деревенская голытьба отправилась по призыву папы Урбана II в Крестовый поход, воинство при виде каждого появлявшегося вдалеке городка или замка начинало возбужденно спрашивать: “Уж не Иерусалим ли это?”
- 23 Время. — Концепт. — Колесо.
 Представление о замкнутом движении лежит в глубинах сознания — как самородок в тёмных недрах. Слово “время” восходит к древнерусскому “воремья” и общеславянскому “вермя”; смыкается с индоевропейской основой санскритского “vartman”, что значит — “колея”, “след от колеса”. В этимологическом словаре указывается на близость слова “время” словам “вертеть”, “воротить”, определяется исходный его смысл — “вращение”, “коловращение”.
- 24 Знаменитый разговор.
 В “органах”:
 — Бродский, вы плохо кончите!
 — А вы замечали вообще, чем обычно кончается жизнь?
- 25 Цитаты, возможно, не точны, даты приблизительны. Широкий диапазон отсебятины: стилизация — вольный стиль — графомания — клиника.
 Но верить можно.
 Верить всему можно. Летают же самолетами Аэрофлота.
 И долетают же целиком.
 Но лучше не всему верить.
 (Кто-то же не целиком долетает).
 Только за это и ручаюсь.
 О чём и имел честь доложить в сей записке.

Д.Ф. VII.94

Первая помощь.

Если Вы, прогуливаясь, услышали в парке рык сбежавшего льва, поймите правильно: ни больничный лист, ни предписание врача почаще дышать свежим воздухом — тут не поможет.

Если вы, увлечённо загорая, начинаете падать в обморок от солнечного удара, поймите правильно: ружьё с усыпляющими пулями тут не поможет.

Если вы, — при панаме и солнцезащитных очках — заболели трихомонозом, поймите правильно: крем от загара тут не поможет.

Если вы, предохраняясь кондомом, купили компьютерную программу с вирусом, поймите правильно: и второй кондом тут не поможет.

Если немолодая, несимпатичная начальница выжидательно смотрит на вас, поймите правильно: знание языка “Си ++” продвижению по службе тут не поможет.

Если вам приходится чистить засорившийся унитаз, поймите правильно: воспоминание о последнем любовном приключении тут тоже не поможет.

Если-в это время на кухне начало выкипать молоко и вы прибежали, — остановитесь на секундочку, подумайте, поймите правильно: туалетный ёрш тут, в общем, уже не поможет.

Если вы имеете всё: больничный лист, зашитый в подкладку пиджака, панаму и солнцезащитные очки, если на плече ружье, а, где надо, — два телескопически одетых кондома, если на штанах молоко не обсохло, а на туалетном ерше...

(Выкинь его вообще к чёрту!)

И всё это смазано густо кремом от загара и обеспечено программным обеспечением — с плохо залеченным вирусом...

Если, при всём при том, вас ещё тянет стихи писать, рука тянется к перу, перо — к бумаге, посмотрите на себя внимательно. Осмотритесь. Может, что с ружьём не в порядке? Или с больничным. Не отчаивайтесь.

Может, как-то всё рассосется. Само собой.

Потому, что всё вышеуказанное, возможно, тут не поможет.

1995

Архетипы.

1. Если на вопрос: “Почему обосрался?”, отвечаешь: “Я человек и ничто человеческое мне не чуждо”, значит, ты — философ.
2. Если на вопрос: “Почему обосрался?”, отвечаешь: “И правильно сделал!”, значит, ты — мужчина с твёрдым характером.
3. Если на вопрос: “Почему обосрался?”, отвечаешь: “Ну ты, жидовская морда!”, значит, ты — патриот.
4. Если на вопрос: “Почему обосрался?”, спрашиваешь: “А ты кто такой?”, значит, ты — бдительный.
5. Если на вопрос: “Почему обосрался?”, отвечаешь: “Попробуем ещё раз и — вместе!”, значит, ты — вождь и учитель.
6. Если на вопрос: “Почему обосрался?”, кто-то добрый, пьяный и в тельнике отвечает: “Дык, ведь!..” — он не обязательно участник движения митьков.
7. Если на вопрос: “Почему обосрался?”, начинаешь цитировать Апокалипсис, значит, ты в душе — поэт, а возможно, и — пророк.

1995

Saint James Hospital — blues.

Ладно, расслабимся, подождём. Пенка когда-нибудь осядет. Или не осядет. Она вечна. Как на голографическом рисунке. Неподвластна энтропии.

Хорошо: Пиво. Рояль. Джаз.

“Блюз больницы Святого Джеймса...”

Вечно бы так сидел. Было бы как в сказке — собрал бы все три желания в одно и загадал бы: вечно так сидеть.

Где они взяли этого пианиста? Абсолютного дьявола.

Блюз...

Не выходить на улицу. Тут уютно. Ну несите пергамент. Я продаю душу.

“Я, такой-то, такой-то, остаюсь здесь навсегда.” Подпись.

Ну — всё, ну не мешайте.

Не надо нам новеньких.

Кто-то сейчас забрёл сюда с улицы, случайно. Первые секунды. Чувствует себя чужим, о чём-то перешёптывается с баркипером. потом при- молкает, садится, растворяется в дымке неперемного “Мальборо”...

Жизнь приобретает смысл и порядок.

Но темы ему никогда уже не узнать.

Импровизация...

Конец клавиатуры теряется в сигаретном тумане, в темноте. Пианист ищет пределы клавишного ряда, пытается вернуться к теме! Как-кие-то сумасшедшие попытки!

О, я не выдержу!

Я — с пенкой.

Там рояль бьётся в истерике!

Бьётся в поисках выхода!

Наконец счастливо рыдает.

Выход в основную тему...

Поставить на столик так, чтобы не звякнуло... Сидеть тихо...

Saint James Hospital — blues...

Ритм Вселенной...

Всё качается.

Пива мне, пива.

В стол.

Чем плохо писать в стол? (Прошу заметить ударение).

Ну чем плохо? Наоборот — очень даже хорошо.

Хорошо быть хвалимым, но ещё не напечатавшимся. Первое, как понимается, — соответствует, — второе... — ? Ну конечно, конечно...

Ощущение — в общем приятное. Перерастающее в блаженное. Далее — близкое к интимному.

Тебя ласкают. Балуют, как кота.

И — в любое время можно спрыгнуть с колен. Прекратить писание.

Поматросил — и бросил.

“Талантливый самоучка” — звучит. Солидно, по-мужски. Хотя и в женском роде, (“Талантливая самоучка — (?) чёрт-те что, какой-то утончённый цинический иронизм. Или иронический цинизм.

Скажи такое простое деревенской девушке, — получишь: “А чего тогда он обзывается?!”

Да и то сказать: среди дам — Кулибиных не густо. Каковое наблюдение как раз не содержит в себе ничего такого отрицательного. Ни Боже мой! Но и — не комплимент вроде. Такая констатация — с одной “н” — природного факта. Нет, ну какой женщине, с какого похмелья, придёт в голову мысль сейчас же все дела — бросить и затеять мастерить яйцо-будильник?!).

Можно ли научить писать стихи матёрого мужчину? Настоящего.

А “развращённого городом”?

А с портретом на первой страничке?

Молодёнького.

Хорошенькая (в каком это году?) получилась фотография.

А — губки подретушировать?

А трубочку в губки?

Здравствуйте, Серёжа!

— Вы сейчас летите, в звёзды врезываясь, с трубочкой такой. Нет, нет, я — на одну минуту, не задержу. Я читатель, чёрный, так сказать, человек, тёмный. Хочу только спросить: Вы зачем столько безмятежной херни, Сережа, напечатали?

Ленивая Вы душа.

А ведь — неглупый, от природы талантливый. Самоучка,

Ну не нашли Вы ещё своего образа: то сапожок смазной мелькнёт, то — европейский котелок. То — сапожок, то — котелок... Ну ничего, ничего страшного. Это всё — возрастное, гормональное. Подождите. Само пройдёт, уляжется, установится.

“Как жену чужую обнимал березку”? Ну, жену чужую, это — дело такое, житейское, нам всем понятное. Чего уж там, — Айседору там, барышень, дев литературных всяких — “Вор, пьяница, гусар!”

А печатается что? Местами — вдохновенно, по наитию, трогательно, иногда — на равных с великими. Местами — такой нарочитый “а’ля рюсс”!.. Не “загубленный талант” — “губит людей не пиво” — нетерпение! Прыщавое юношеское нетерпение поиметь успех. Ну стойте, подождите. Зачем же Вы это делаете? Зачем такой мутноватый рязанский узвар продаёте — сомнительной очистки. “Шушуны ветхие” ...Народно, конечно. Нет, правда, во всём этом — самого главного: доброй, взрослой души! Слишком много “а’ля”...

И берёзку зачем — как жену чужую — Серёжа?

Не надо берёзку. Стыдно.

— Что? Сами теперь знаете, давно знаете? Сами перед собой в ответе: мой стыд — моё дело? Спáсу нет от этих читателей? И теперь уже — до конца? До — Страшного?

А зачем печатали? Что? “...но можно рукопись продать”?

Знаем, знаем, конечно. Помните, когда рукопись продавали; — чем-то красным расписывались? И запашок такой — серный? Это — редактор. пожилой человек, питается чёрт знает чем. Ничего. Да.

Вы уже напечатаны, Серёжа. Печать на Вас.

Летите. Трубочку вот, трубочку..

Да я ведь это — так... Сам пописываю.

Сам себе и читатель. Пока. Пока ещё.

Ещё, можно расторгнуть помолвку.

Но вот — начинается.

Сначала похваляют, потом — наедине с редактором. Это — интимное, брачный танец. Потом тебя подписывают, кое-где подправляют; короткий миг — и! — страшное совершилось, — выдавливают из твоей души кровоточащие знаки, переводят в двухмерное пространство, расфасовывают на страницы, выставляют всё это на улицу. Чтобы всем было видно, что ты уже не тот, кем был, что уже — напечатавшийся.

Раздаются весёлые подначки. Все пьют, произнося шуточные здравицы; пьяные гости довольны.

Всё хорошо и — непоправимо.

Неужели теперь никто не узнает, не догадается, что я — не то хотел сказать, больше..., большее хотел выразить, что неправильно понял! Всё, Теперь ясно, что — не то.

Как же это... Может — топором попробовать? Теперь — оправдывайся... Знать бы перед кем. Где? Как?

А, вот уже. Уже тут как тут.

Вот он — читатель.

Он берёт тебя за грудь, подгребает лацканы и шепчет тебе горячо в брезгливо напрягшееся ухо (временами доносится запах чужого рта): “Знаете, Вы прямо вот моими словами говорите. Знаете, вот прямо, если бы кто мои мысли подслушивал, мы с Вами — мыслим одинаково! Ты и я — мы с тобой одной крови. И меня только равный убьёт!”

“— Да, да”, — отвечаешь кисло. (Поскорее бы.)

Но — ноблес облич — ты ведь уже вышел в тираж. Ты в тираже, ты — всехний. Ты уже — отпечатанный, оттиснутый, отдаленный. Ты уже — после правки, с утра поправившись. Пошла судьба по кочкам! На её куски имеет право (свою паевую долю) каждый, приобретающий книжку.

Поздно, Маша, пить боржоми! Герман пришёл, читатель. И — как отвязаться: он ведь невидимый! Мнимый. Такой у него псевдоним.

Вот он вопрошает, рагорячился: а почему у Вас там-то и там-то похоже на того-то и того-то?

— Ну, это-то — просто: тот-то, скажем, и тот-то “стояли на плечах гигантов”. А мы, трам-то, тарарам-то, — у них, здесь, внизу, по ногам и по мозолям топчемся. Иногда кой-какие звуки и извлекаются. Записываем. Случается — сами накладываются на запись...

Но этот всё не унимается. Горячится, требует: “Ну, ладно, ладно, — всё это частности, накладочки, техническое. А почему ты — вообще так пишешь? Дай ответ.”

Не даю ответа.

Ещё спросите, “куда несёшься ты?”

Я вам такое отвечу!..

Какой русский не любит ТАКОЕ ответить?

Тем более еврейский. По пятому пункту, это у нас в паспорте стояло. Теперь не стоит.

А — всё такое? Тьфу-тьфу-тьфу, слава Богу, — только паспорт поменялся. Но не об этом сейчас, а — о документах, удостоверяющих личность.

Где, в каком паспорте, каком аусвайсе, записано, что я — “слуга”? Слуга любителей изящной словесности. “Инженер человеческих душ”, “слуга народа”... И — в каком паспорте, какому читателю приписаны в собственность, во владение — поэты, эссеисты, романисты? Или, пусть даже, — фельетонисты? Куплетисты. Прочие велосипедисты (которые во всём и виноваты)?

Да никакой я не — слуга народа! Даже своего. И тебе, мой дружок, читатель. И служить не рад, и прислуживаться тоже. Поэтому — и справедливо — никогда заслуженным народным не буду. И не исповедываюсь тебе, дружок, а использую — как помощь оплаченного, — в данном случае; этим безумием над чистым листом, ночами напролёт, до серого света, — оплаченного этим заранее, квалифицированного (мною) психоаналитика.

Отношения, кстати, довольно, равноправные.

Предполагающие взаимоуважение.

Чтобы после такого — в слуги?!!

Помните гениального дыду Маяковского, счастливого любовника, злого остроумца? Превращённого в симпатичного увальня, пляшущего неуклюже под общественную дуду площадного медведя. Уже без ценного груза, с одним дубликатом.

В такого и пальцем не надо тыкать — большой, издали видно позорище!

Много ещё у тебя, читатель, грехов, много тяжких, не отмолишь...

Ну, ладно. Пока помиримся, мой выход:

— Весь вечер!

На манеже!

Любимец публики!.. Несравненный!..

— Почтеннейшая публика!!

Ха-ха-ха-ха-а!

А вот и — я!

Дума про Обломова.

Да и не дума (слово-то, какое большое, государственное), а так — думка. В переводе — мысль, мыслишка. К тому же — такая расплывчатая. Расплывающаяся. Потому что веки слипаются.

Что там. была за думка?.. Думка, подушечка такая.

Очень характерное в плане этимологии слово.

Единственное (единственное!) во всем бедном могучем русском языке — конкретно указанное — приспособление для мыслителя. Даже голова как-то по-другому называется. То есть — головой. Тем, что с возрастом становится голым; тем, чем в футболе гол забивают... Но к процессу мышления, или, как говорил наш головастый трибун, мѣшления (т.е. такого мышления, — при котором аж все мышцы напрягаются!) — к такому процессу ни одна часть тела, ни одна, в том числе и та в которой находится входное отверстие кишечных трубок, этимологически, то есть исторически, — не причислена.

А что причислено?

Думка!

“Думать” — мечтать, лёжа на диване.

Именно — мечтать, именно — лёжа — на удобной, совершенной “думке”. Потому, что решать что-нибудь не понарошку, по-настоящему — при разбивке ли парка, постройке ли крепкого дома, в науке, в хозяйстве, это — с карандашом в руке, сидя за столом, сконцентрировавшись, сосредоточившись, отключившись от всего. Для решения возникшей проблемы.

Ну а если — не убежит? А если — подождёт?

Вот тут — диван. Тут — роман. Гончаров — автор.

Ну-ка её, где она там? — под голову.

Ну-ка, что там хорошего? Отобразил автор или не отобразил?

Пока не заснули.

Так, заглянем в концец. Да-а, нехорошо.

Теперь — в серединку. Ну, что ж, живо всё, узнаваемо.

Даже в медицине, кажется, есть такой “синдром Обломова”. Причём, что характерно, — в психиатрии. Вылечить — не вылечат, но порассуждать — сколько угодно.

Ох, мягко, сладко, голове удобно...

Ох, не из головы Обломов, не из литературы...

А из него, из мыслительного приспособления. Из думки. Превращённой в жизнь.

Мы рождены, чтоб думку сделать былью!.

Тысячи и тысячи, тьмы и тьмы, десятками поколений, веками, не жились чуть взмокшими в послеобеденной духоте и испарине затылками — на этом маленьком пуховом чуде. И, в результате такого слияния, со временем, в одной из яйцеклеток большой этимологической матки — генетическим последствием — и зародилась инструкция (в одно слово) использования сей удобной подушечки.

Слово — то самое — произнесено!

Идейный базис подведен. “Под голову, братец, — вот так. Так уютно”. О Господи, как зевается... Вы видели когда-нибудь думку? Нет? Ну вот, посмотрите, там их на диване ещё две должно быть. А я тут пока часок, — того... Да и вы там тоже — не стесняйтесь, устраивайтесь, Снимайте туфли.

Добрые, раздобревшие люди (ну разве худой — во всех смыслах — человек, достоин предмета с таким названием?!), жизненным предназначением которых было не ремеслом баловаться, не пахать-сеять, а мыслить-решать, работать головой, создавая конкретные результаты, — люди управления и обустройства, не торопясь, со знанием дела, пухлой ручкой, до совершенной, воздушной нежности, взбивали — эту, ну-ка! — думочку и, с приятностью на лице, с неизменным “ох-хо-хох”, глядишь, и сами перемещались в горизонтальное положение...

— Никакой ни геноцид, никакие ни большевики-жидо-массоны, не идея, требующая поступков, не крамольная мысль, не революционная, не мысль вообще — думка!

Такая вот мысль — подушечка. Мечтательная вещь. Думка — мечта. Мечта о подушечке. О которой так долго мечтали большевики (т.е. большая часть действующих в октябрьском перевороте персонажей.) “Которое тут Временное, слазь...” Дай и нам полежать!

Но... что-то не получается, не получается, чепуха какая-то, чехарда, суматоха.

Ну, я же говорил?!.. Худые люди, беспокойные. Суетливые, егзливые.

А потому, кстати, и те, прежние, кажутся симпатичнее: на думках лежали, пухленькие такие, розовенькие. Содержать себя умели в пристойности.

Уж и не знаешь, что и хотел сказать об Илье Обломове — хорошее ли, плохое? Вот он посапывает мирно, слегка утонув щекой в вышитом наперничке. И его посвистывающим рыльцем — не персонаж, не “типичный представитель”, — а дышит почва и судьба.

Спи, раб Божий.

И здесь, как говорит поэт, кончается литература, искусство. Хочется вздремнуть (как при чтении Ремарка — выпить); да вот она, моя маленькая!

Спи спокойно и ты, дорогой Илья.

Память о твоей думке вечно будет жить в наших сердцах.

1996

Lebenslauf*.

А помнишь: “Счастливы, мол, все одинаково, а несчастлив, мол, всяк по-своему”?

Правильно, — Толстой. Этот — глаз-алмаз — как в зеркало глядел. Его и прозвали так: “зеркало” — чего-то там.

С какой стати Льва Николаевича потревожил: нужда возникла. Надо одну штуку понять: Как. Это. У всех. Устроено?

“Это” — значит реальная жизнь.

Знаешь, как достаёт: “Что-то ты совсем перестал жить реальной жизнью, совсем с катушек спрыгнул. Протри, милый, глаза! Вернись на землю. Посмотри, как люди живут!”

“Вернись к реальной жизни”... А какая она — реальная живннь, была ли она? Где она осталась? Не замечал, не чувствовал: всё большие куски твоей жизни (не “прожитой”, а вообще — твоей жизни!) выпадают, становятся нереальными?

Как нереально твоё ползунковое детство.

Как нереальны теперь твои выпавшие молочные зубы. Да и пропавшие постоянные.

* Lebenslauf (нем.) 1) жизнь; 2) биография.

Состриженные волосы, бывшие твоими.

Как нереален первый акт любви (а как было страшно, как было сладко!), как нереальны, нереальны и другие — и только женские имена остались — о, Боже, за что?!

Как нереальны все оставленные тобой жилища: пустые комнаты, голые стены...

Как нереальным становишься после сорока и ты сам.

Не хочешь быть нереальным!

Хочешь — как все.

Мучительно хочешь, чтобы всё было правильно.

Счастливым и несчастливым — как все.

Обрести чувство реальности, равновесия, гомеостаза. Использовать бумагу — как все! Что писать? Кому? Читай, — уже всё написано!

И обращаюсь я к источнику чистому и светлому: “Скажи, свет мой, зеркальце, скажи. Всю правду про меня скажи. А то все пугают, а мне не страшно. А тебе и — подавно. А в голове такой сумбур вместо музыки...”

А чего — зеркало? Зеркало отражает. Зеркало чего есть подсказывает: счастье, вот, мол, известно, — на всех одно; разве что только маленько опроститься (не “опростаться”, не путать!) и — всё путём. Даже и писать скучно: “Благорастворение в воздухах и благолепие во человецех”. И просветленные лики. И все — на один аршин.

А вот с несчастьем, с несчастьем, мол, покруче будет. Оно тебе не фунт изюму. С гепатитом. Пострашнее, мол, дитя моё. Поезда, мол, хоть кукольный и мчится в чистом поле, но не спрашивай, по ком звонит вокзальный колокол. Знаешь — по ком он звонит. По ком звонил в романе. По ком звонил в 910-ом. По ком зазвонит непременно. Знаешь.

— И-их, батя-я, знаем! Знаем.

Разве ж кто против?

Кто против?

Воздержался?

Согласны. Мы тоже — пахали. С несчастьем-то всё как раз и ясно. Несчастье — что? Несчастье, это когда ты не с той частью. Не с той частью — избранных (вариант: богатых, вариант: беспечных; вариант: здоровых, перспективных, удачливых, весёлых, молодых) — людей, а,...

Не с той частью!

Не — с — частью.

Не с избранными. А — как все.

На миру и смерть...

И в этом даже — какое-то отвратительное удовольствие, какое-то подозрительное счастье.

Наука есть такая — этимология. Определять на слух слова — откуда. Как раньше слухачи на подводных лодках: откуда, мол, — доносится?

— “Да это ж — Ниагарский водопад!”

Редкая, умершая профессия: балансировали в толще воды, в темноте и — прислушивались...

На слух, на мой лично слух, “несчастье” воспринимается не так трагично, не так непоправимо, коль скоро уж без него не обойтись, а — более мягко, приемлемо, адаптированно: “нещастье”.

Не — щас...

Не щас, так — потом.

Потом — богатым, потом — беспечным, потом — здоровым, потом — весёлым, потом — перспективным. Удачливым. Молодым. Не щас.

“Нещастье”.

Такое — нестрашное. Такое домашнее. Не как у людей.

И, самое интересное, самое смешное, что иногда это “потом” — и вправду наступает. Ну, пусть не совсем как мечталось, не журавль в небе, пусть недолго.

Но — некие счастливые моменты, синица в руке...

Да, только есть и тут заковыка: и счастлив-то ведь... как-то так... — по-своему. Тоже не так, как у всех.

Ну вон глянь-ка. Вот вроде и — мужик не без рук.

Хотя, с другой стороны, — почему-то — “левша”. Или глянь: вроде и ничего никому плохого не сделал, а, всё-таки, не при людях будь сказано, что — да, то — да, — еврей.

Дом строил. Кому-то. В каком-то “стройотряде”.

Дети. Также имеются. Не у меня. Хотя — мои.

Дерево... Сажал, сажал... На каком-то “субботнике”. Не под своим окном, конечно. Своего нет. Да они, кажется, и вообще не принялись. Да и вообще это никому и не было нужно!

Женат. Правда — второй раз. Но с женой, правда, живу в мире и согласии. В разных странах.

Всё не как у людей. Хотя — стараешься, стараешься...

“Поэтом можешь ты не быть...” Ну слава Богу. Ну, хоть это-то, слава Богу, хоть это-то. А то уж я — пыжился, расшеперивался... Как лягушка на лугу: “...и ну пыхтеть и раздуваться!”

Так что, в основном — Гражданин.

Совсем уж — третьей страны. Где родился. Хотя, чей язык мне родным не является. Да и живу я не там. Не пригодился.

А родным язык мне является той страны, в которой я хоть и не живу, зато все тонкости его чувствую, чёрт их подери.

Вот взять, хотя бы: “не тужи” — и “не тужись”.

Между ними такая тонкость, что “не тужи”, это как бы: “А ну-ка, взялись! Вперёд и — с песней! Глаза страшатся, а руки делают!”; а “не тужись” — это уже для тех, кто в это “не тужи” взял и поверил. Типа: “Не напрягайся, братан. Расслабься. Ничего тут у тебя не получится. А если и получится, то будет пахнуть не совсем так, как ты это себе представляешь. И знаешь — как оно называется?!”

Такая она вот — тонкость языка. Всего — один звук. Где тонко, там и...

Усёк? “Счастья в жизни нет, а есть...” Ну, ну, — чего?

Только между такими тонкостями и держу, и пытаюсь обрести равновесие.

Какое-то — шаткое равновесие. Потому что нет корней. Балансирую.

Корни, говоришь, в Истории?

Вот она, История: Тора, Библия.

История Еврейского Народа.

На русском языке!

Равновесие — на кончике языка.

Что означает “крыша поехала”?

— Идиома!

Как, спрашивается, удержаться — в таком шатком равновесии. Как...

Ого!..

Осторожно!. Под ноги не смотреть!

Ну-ка, спокойно. Тихонько...Обрести равновесие...

Это не крыша поехала, это — сам не удержался.

Как удержаться, спрашивается?!

Русским языком спрашивается.

Человеком с фамилией звучащей по немецки.

Всё не как у людей.

Аморальное землетрясение. Попытка проповеди.

Посвящается каналу
теленовостей Euronews

Есть ли что-то аморальное в землетрясении?

Нет, не так: есть ли что-то аморальное в землетрясении для человека глубоко верующего?

Не очень ли грандиозными масштабами беспокоимся?

Это — что, сейчас ещё выше, брат, воспарим!

Скажем: “Если землетрясение происходит, значит, это выгодно (сами знаете кому...)” Именно “выгодно” — никакой опечатки! Это потом уже “угодно”.

“Угодно”: никому ничего не надо объяснять.

Столько мерзостей — никаких объяснений не хватит.

Значит, так — Богу угодно. Землетрясение — дело богоугодное. Хотя даже самый ревностный, самый непреклонный исполнитель небесной дисциплины, плотно прикрывший, наподобие трёх китайских обезьянок, все слизистые отверстия от возможной заразы сомнением, — даже такой стойкий оловянный — задним-то умом понимает: это самое, ускользающее от объяснений “угодно” — как раз и проистекает от не-тактичного, как пуканье в ЗАГСе, неприятного “выгодно”. (И только уже в таком — приемлемом — виде, вполне может нести печать и любовной почтительности и, вместе с тем, — старинных, тёплых, почти родственных отношений:

— “Не угодно ли чайку, молодой барин?”

— “Ступай, ступай, позову, когда понадобится!”

Оному человеку, несущему в сердце веру о бескорыстности Господина, насчёт выгоды не говори — расстраивается. И от огорчения бывает тяжёл на руку, и ушибить может не одним только словом... Тем самым открыв отверстия.

Другое дело — “угодно”: Хозяину-то ведь не “выгодно”, а — ”угодно”; что-то вроде ильфпетровского “высочайше повелеть соизволил”.

Вот угодно, любо батьке, и — выходи, стройся!

Но ведь Сила-то — разумная (РАЗУМНАЯ)? Всё — не просто так?.. Может, попробовать параллельный путь? Может быть, надо постараться правильно уловить акценты в одном из последних аргументов защиты:

“Пути Господни неисповедимы”?

Это что — объяснение для астрофизика?

Какого-нибудь специалиста в области квантовой механики — адепта Гейзенберга?

Или — стыдливое объяснение для своих, для соратников, для идущих к одной цели; оправдание средств — для посвященных?

Да ведь эти... — ну, ну?! Ведь это же слова, прямо указывающие (или, соотнесясь торжественностью стиля: “указующие”) на — этические, моральные (и ещё раз: прежде всего — на этические, они же моральные!), — а не на познавательные аспекты присутствия неотвратимой — Разумной — Силы. Познавательные же моменты для вопрошающего не “как”, но “почему” — так, — загадка, второго эшелона, катализатор споров неумных технарей и запойных лириков. Для ВОПРОШАЮЩЕГО все, якобы неисповедимые, ужасы и беды, весь этот невнятный, порой жуткий и кровавый ком — доколе, о Катилина, или кто там у вас?! — весь этот, пожирающий своих детей, метеорологически непредсказуемый абсурд, всё это — в конце концов — оказывается лишь простым сложением сил, лишь некоей равнодействующей побудительных мотивов (и тут грамматически правильно ставится вопрос: “Мотивов кого?”, и — робкий жест пальцем в небо).

И не надо ничего усложнять. При этом — никаких чертей, никаких расписок кровью, никто не покупает твою душу, не торгуется, не спрашивает (жирно было бы, размечтался), попросту прибирает её к себе — подальше от греха!

“Нечеловеческая сила в одной давилъне всех калеча...”

Даже не эгоизм: ломящая бездушность бронепоезда, ни о каких запасных путях и не помышлявшего.

Ежели расшифровать, перевести высказывание о всех страшных проявлениях Разумной Силы с высокого штиля на язык интеллигентных людей (“Послушайте, Дима, мы же ведь с вами интеллигентные люди!”), точнее было бы сказать так: “Нам не угадать, осуждает ли Он свои беспримерные мерзости и злодейства — как глобальные так и локальные — но давайте тактично этого не замечать”. Давайте придумаем какое-нибудь приличное высказывание — что-то насчёт неисповедимости (как если бы речь шла о недееспособном, или о гадливом подростке).

И давайте не будем осуждать и передразнивать тех, взыскующих Высшего Разума, ищущих покровительства и защиты у Отца небесного.

Они не могут иначе.

Когда-то ещё мудрый Эпикур — мягко, необидно — простил им эту слабость: им нельзя видеть лицо Фобоса и Деймоса — Страх и Ужас — двух спутников конечной истины.

Им нельзя знать правду!

Они не перенесут нечеловеческих законов термодинамики, разъедающего материя рака энтропии, неотвратно надвигающейся тепловой смерти Вселенной...

Им надо знать, что след останется.

Они закрывают глаза: “С нами Бог!”

Да, да, Бог с вами. Бог с вами, люди добрые. Хороши все, любые способы поступать порядочно. Ничего, всё будет хорошо. Всё в порядке. Пути неисповедимы.

А сами будем жить трудно, но достойно, по нашим заповедям, непременно любя хотя бы нескольких ближних, хотя бы родных и, по возможности, мучительно страдая от нарушения главной ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ заповеди: “Не убий”.

1996

К вопросу.
(Голоса).

Голос относящийся:

— И пишут, и пишут, и пишут...

Про концлагеря, про распятия...

Жалуются. Обиженные!

Книжки тысячелетиями публикуют... Крест придумали изображать — напоминание.

Свидетели? — Они, в основном.

А про газкамеры? Всё те же!

Всё перекрутят, переврут, запутают — следов не найдёшь! Они тебе напишут: получится, что Богородица наша, пресвятая дева Мария, — чуть ли не в синагогу ходила молиться, и Его туда относила; и десять заповедей справа налево переписуют, перекрутят, и саму Библию... Всё к себе гребут, ничего нет святого. Всё исконное, народное, веками освящённое — по-своему переврут, переиграют. (Неизвестно ещё или переводы соответствуют.) — И доколе же!

Решать, решать надо вопрос!

Ну-ка поищем — как там в истории:

Про концлагеря, про распятия...

Голос доносящийся:

— Вам — новые земли, нам — старые камни.

Вам мощь и сила добытчика, нам — спокойная сила отчаяния.

Вам — скидывать руку к виску, или от себя — с указующим перстом, или вытянутой дланью вперёд (чёрная тень от неё пядь за пядью поедает пространство).

Нам качать и качать головой.

Вы храните Место, мы — Слово.

Вам — Отчизна, нам — Идея.

У вас — Хлеб, у нас — Книга.

Но если не вы, то кому же передать?

Но если не к вам, то — куда же?

Но если не с вами, то — зачем?

И это так. Мы пришли.

Культурное мероприятие.

Тут некое культурное мероприятие намечается. В смысле — юбилей. До него, правда, далеко ещё, года с три, но уже — разговоров!..

Тут — дожить бы...

Ну что ж, поговорить можно.

Начнём с главного. С того, что, если говорить строго, имеют место быть два фактора.

Первый — христианский. Связан с обстоятельствами места и действия и с конкретным событием. Второй же — не христианский (значит, как бы — языческий) фактор; связан с обстоятельствами времени. С неопределённым — нехристианским — никаким — абстрактным — временем, прошедшим с момента конкретного события.

Но не будем долго ходить вокруг да около, как кот учёный, — всё очень просто.

Событие же, которое отмечается, это — Рождество, привычный для людей домашний праздник, только — дата уж очень круглая. А вот почему дата эта такая круглая, такая вот юбилейная, — и объясняется языческим, нехристианским (вернее, — вне христианской морали), зодиакально-маниакальным — нашим вращением.

“В кругу расчисленных светил”: “Полдень”. “День”. “Неделя”. “Месяц”. “Год”. “Десятилетие”. “Ревущие сороковые”. “Смутные девяностые”. “Век”. “Тысячелетие”. Второе.

— Которое у нас, милые, нынче на дворе?

— Конец Второго, скоро — Третье.

Юбилей, значит. Со дня рождения.

(Растянувшегося, заметим, на полмесяца и отмечаемого в году три раза: одной конфессией — за неделю *до*, другой — *после*, а астрономами — аккуратно посередке двухнедельного срока.* Были и другие попытки,

* Маленькое открытие.

Новый год (“Год такой-то от Р.Х.” От Рождения Христова. От начала Эры Христовой.) — наступает всегда на восьмой день от самого этого “Р.Х.”

Всегда. Как в римской так и в православной традиции.

Два дня рожденья?

Где второе — строго на восьмой день?

но вращением расчисленных, светил и всем прогрессивным человечеством таковые — оказались исторически отвергнуты).

Итак, рождение (отмеченное и другими чудесами) — произошло.

Далее, как говорил знаменитый пахарь и сапожник: “Детство”. “Отрочество”. “Юность”...

И вот, уже в зрелом возрасте, в возрасте, так сказать — попытаемся закаламбурить тавтологию — Христа и произошли события, определившие близящийся двухтысячелетний юбилей — как культурное мероприятие.

Культурное — в том смысле, что наша культура — ой как генетически с событиями в тех захолустных местечках связана! И не всеми ещё до конца эта связь прочувствована, пропущена через себя. Хотя читали ведь — все, всё это было не однажды пересказано, прокомментировано и даже — четырьмя разными людьми, свидетелями — были составлены такие письменные показания, такие — протоколы.

Один читает это как “детективу”, другой — как “лябовь”...

Для них-то, для вторых, для других, — и Культурное Мероприятие:

Две тысячи лет со дня рождения Христа, Бога Живаго (это не фамилия такая, нет) и всего, что за этим воспоследовало.

Воспоследовало, как помнится, не мало.

Но, для человека без конфессиональной прописки, или, как говорят, для “Ивана, родства не помнящего”, то, что воспоследовало, все поступки Христа, все четыре Евангелия — протоколы четырёх мудрецов, гораздо менее — не так — значимы, как то, *что* он проповедовал.

В некотором смысле — да.

От Луки, глава 2-я:

“По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать Младенца, дали ему имя Иисус... принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был бы посвящён Господу... родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд”.

Восьмой день.

Начало Нового года. 1 января. 14 января.

День обряда обрезания.

День посвящения Богу, день Рождения в Боге.

Начало.

В котором не Слово, но — дело: строгое следование закону отцов, закону Отца.

Именно: *что* проповедовал, а не *как*.

А проповедовал он — учение Иоанна, своего крёстного и родственника по матери. Страстно, увлечённо, храбро! В проповедовании Иоанновых послулатов ученик намного превзошёл своего учителя — человека глубоко несчастного, добряка, энтузиаста, первого кибудника, неудачника. Вообще, фигура Иоанна Крестителя (хотя он никого на кресте не распинал, а, наоборот — принимал в члены своего простого братства, погружая в воды Иордана, поближе к рыбе, там, где обретается рыба — загадочный тотем христианства, там, где тело начинает терять тяжесть, где кончаются земные дела, а воды темны и прохладны) — фигура Ивана Купалы, по-моему, в литературе ещё не раскрыта. В библеистике — да, в теологии — конечно (под видом предтечи христианства, учения Христа). Но — в литературе, в искусстве... Вспоминается: как только Креститель, — так, сразу, заслоняя его своими ягодицами, — и замелькали пляшущие Саломея с Иродиадой!

И тут же — головотяпство, — знаменитое, непоправимое.

Ну, сгубили две бабы Ивана, сгубили, было дело, дело известное.

Но ведь Купала-то — сложнее, больше этого — последнего — эпизода!

Купала — Учитель.

Может, он и недостоин развязывать шнуровку на чьих-то сандалиях...

Чего уж там. Недостоин, так недостоин.

Достоин — большего:

Называться Учителем, творцом Новой Этики.

Возникшей чёрт те когда, в страшненькие, смутненькие, беспросветненькие, какие-то проваленные времена.

Новой этики! Новой как откровение.

Слегка мазохистской, потому как — еврейской; как и всё еврейское, откорректированной опытом жизни среди ненавидящего окружения.

Ненависть — как понятное, человеческое, биологическое, воспринимаемое почти с пониманием, почти без укоризны, с легким вздохом адептами Ивана, его кибудниками, потерявшими часть земного веса в водах Иордани и — ещё до Шагаловских времён — уже парящих, уже унесённых ветром, носимых ветром, и — уже после Шагала — возвращающихся на круги своя...

Эти новые и новые попытки — пролетать поверх барьеров, над ненавистью, закрыв глаза, — и пусть нам будет хуже! — подготовили Иванов малый народ к восприятию чего-то необычного, чего-то невероятного, определенного впоследствии калининградским жителем

(пророчески наречённым Иммануилом) как чудо. Чудо, в котором легкий мазохизм, добровольная отдача первородства, потеря патриотической ориентации, все эти необъяснимые вещи — в перегретой солнцем и ползущей вверх, как ртуть в термометре, ненависти — всё это отходит куда-то на задний план перед явлением космическим: явлением Новой Поэтики.

Новой морали, поэтики сумасшедших, чокнутых, поэтики подставляющих левую щеку, поэтики, несмотря ни на что любивших, любящих ближнего. Не буддийской — поэтической — отстраненности, а Поэтики-поэзии, в чистом, концентрированном виде. Поэтики-этики, новозаветного содержания, высокого смысла, который как “огонь мерцающий в сосуде”, в красивой древнегреческой амфоре — форме и подготовил, и определил возникновение, развитие — и даже существование того, что называется нашей культурой, нашей цивилизацией.

Мерцание, освещающее конторку пишущего “Шинель” Гоголя... И хорошая вышла шинель, тёплая, русского покроя.

А мерцание, свет, — с Востока.

Все мы — из этой шинели, не надо даже вспоминать какого-то там Андрея Жидовина (кто его, кстати, назвал Первозванным? Это на крест его косою звали — да!), везде были свои истории, свои святые. Начнём вспоминать — так и до Купалы снова дойдем. От него это всё идет.

Всё, что мерцает в сосуде.

Драгоценная эссенция.

Заветная квинтэссенция — в амфоре. Аромат едва уловимый (но — не заменить никакими синтетическими благоуханиями). Аромат двухтысячелетней культуры. Попытка создать цивилизацию, подобно мудрому Фрейду мирящую биологическое в людях с этическим.

Подкорка, устремлённая ввысь!

Высокая готика, пронизанная мягкими лучами. Воздушные замки искусства: светская литература, выросшая из библейской, из Ивановых проповедей (в адаптации распятого в цветущем возрасте его адепта).

И в этом же ключе развившееся изобразительное искусство. И их различные комбинации: кино, театр. И — обратная связь — сформированные всем этим архетипы, твёрдые, установившиеся, руководящие нашей психикой, живущие в ней ассоциации. Живущие даже где-то вне нас — мистически — независимо от существования отдельных личностей. И только — музыка... Музыка — куда её ни приставь! Музыка —

не нуждающаяся в этике! Музыка — существующая отдельно от Слова! ** Музыка, существовавшая как Гармония — до Слова! А уж тем более до Ивана — Иордана.

Что там говорил Гегель об Абсолюте?

Но не о музыке речь.

У нас тут культурное мероприятие. Литературный юбилей.

Две тысячи лет новому литературному направлению.

И неплохо было бы отметить его в ночь на Ивана Купала.

Можно и с музыкой. Что? Танцы — будут.

1996

** Иногда и вместе.

“До”. “Ре”. “Ми”. “Фа”. “Соль”. “Ля”. “Си”. Особенно “Си”.

Не только о кострах и цветущих папоротниках. Но и о нотах. Связанных с Купалой. “Всё смешалось...”? Нет, лучше: всё перепелось — в венке на Иванову ночь.

Вот молитва певцов о предохранении их голосов от хрипоты. Молитва (XI в.?, XIII в.?), обращенная к св. Иоанну Крестителю (особенностью её мелодии является постепенное повышение тона на начальном слоге первой строки):

*“Ut queant laxis
Resonare libris
Mira gestorum
Famuli tuorum
Solke poluti
Labbii reatum
Sankte Iohannes”*

Монах-бенедектинец Гвидо Д’Ареуцо (Гвидо Аретинский), взяв за основу этот гимн, осуществляет реформу музыкальной нотации. Впоследствии “Ut было заменено на “До”. В Европе появляется современное нотное письмо.

Музыка и слово: связаны знаком.

Каждая гамма, которую пикирует школьник — гимн Ивану Купале!

Каждый урок сольфеджио — молитва Крестителю, гимн св. Иоанну!

“Летят самолёты — привет Мальчишу!”

Аминь.

Наука побеждать.

1. С бесчестностью надо бороться всеми доступными средствами и способами. Тогда есть шанс.
2. Со смертью надо бороться до конца. Тогда есть шанс.
3. С курением надо бороться не переводя дыхания. Тогда есть шанс.
4. С невозможностью надо бороться даже если она абсолютна. Тогда есть шанс.
5. С необъятностью надо бороться при помощи тактики малых дел. Тогда есть шанс.
6. С бесчеловечностью надо бороться, не обращая внимания на нытьё ближних и прочих. Тогда есть шанс.
7. С неотвратимостью надо бороться, как если бы это было в последний раз. Тогда есть шанс.
8. С безумием надо бороться сознательно и последовательно. Тогда есть шанс.
9. С бессонницей надо бороться днём. А ночью — спать. Тогда есть шанс.
10. С невыразимостью надо бороться, разъясняя населению это и уговаривая понять. Тогда есть шанс.
11. С изменениями климата надо бороться собственной безупречностью. Тогда есть шанс.
12. С шурушанием в кинозалах надо бороться внезапным (вариант: последовательным) включением освещения. Тогда есть шанс.
13. С оголтелостью надо бороться изо всех сил, забыв обо всём на свете. Тогда есть шанс.
14. С кислотными дождями надо бороться при помощи засахаривания водоёмов. Тогда есть шанс.

15. С преждевременными родами надо бороться методом поощрения и принуждения. Тогда есть шанс.
16. С телесными наказаниями надо бороться не торопясь, с оттяжкой, наверняка. Тогда есть шанс,
17. С бесконечностью надо бороться терпением, терпением и ещё раз терпением. Тогда есть шанс.
18. С подростковой преступностью надо бороться пропагандой противозачаточных средств. Тогда есть шанс.
19. С преждевременной эякуляцией надо бороться не покладая рук. Тогда есть шанс.
20. С искривлением пространства надо бороться прямохождением на данном участке. Тогда есть шанс.
21. С будничной суетой и запаркой надо бороться величавостью телодвижений. Тогда есть шанс.
22. С ранним наступлением сумерек надо бороться самодисциплиной и личным примером. Тогда есть шанс.
23. С уродливостью жизни надо бороться посредством убеждения. Тогда есть шанс.
24. С разбеганием Вселенной надо бороться, оставаясь в известных рамках приличия. Плюс — ежедневно — душ и бритьё. Тогда есть шанс.
25. С молчанием Бога надо бороться посредством раскачивания у стены и просовывания записок. Тогда есть шанс.
26. С душевной тошнотой надо бороться сосанием карамелек. Тогда есть шанс.

Болотные огоньки.

Я знаю.

Стихи должны быть крепкими и прозрачными.

Как прозрачен алкоголь.

Темы — известными.

Построены классически, никакой притянутой сложности: размеры, формы, рифма... Никакой натужной вычурности.

Натужной — т.е. видимой читающему, демаскированной. Грубой. (Можно ли сказать: “Грубая вычурность”?) Грубой — как агрессивная шизофреническая фантазия:

Сердце Данко!

У которого никогда уже не будет инфаркта.

Липкие систолы и диастолы в стиснутых руках!.. — вспышки света в голове. Мелькания вспышек, мерцанья, выхватывающие лица сгрудившихся вокруг. Вокруг данковых кровавых, судорожно сжатых пальцев!.. — Как след от сварки в закрытых глазах... Как охваченный ужасом первый лазер первой технодискотеки...

Изогнулись в причудливых позах.

Пали двое-трое припадочных.

Забились кликуши.

Голосят и визжат бабы. На неких одухотворенных лицах закатились глаза. Тускло поблёскивая белёсыми белками, запрокинутыми ликами — в мутное ночное небо — двинулось!

Двинулись народные массы — за Данко.

Он в замке король!

А?! Вот это — поэтический образ! Горький образ. Горько-сладкий.

На пари: не из-за пояса рвёт пистолет, а из пазухи — сердце! Да — вот так!

И пари стоит мессы — зауспокойной песни о Данко!

Хочешь так?

Хочешь, чтоб — в замке король?

Чтоб — с вырванным сердцем?!

Чтоб песня рвала душу — орлёнок, орлёнок! — встают дыбом волосы на руках! Хочешь Гренаду? Свою?

Не хо...? Замечательного бифштекса с кровью: повар большой выдумщик, любитель причуд и изысков... Не твой стиль?

Натужно и вычурно-грубо: “Кто ещё хочет царского тела?!” Грубый сощурялизм? “Вождь-светоч?”

Да ведь вот я и говорю:

Лампочки, — говорю. Светофоры. Дорожные знаки! — Поэзия! Поэтика света — расставленного вешками вдоль тёмной улицы.

“Вдоль табора улицы тёмной.” И не надо никакой кровавой... Не надо никакой оголённо-мышечной динамомашини. Никаких сломяных рёбер, рваных артерий, игр на разрыв аорты! — Остановите ночную экскурсию! Соблюдайте правила дорожного движения! Повторяйте про себя строчки детских стихов. Видите: повело — там, вдали — медленный, мертвенный дуговой пламень — там, где шли трамваи...

Следуйте за мной. Я проинструктирую.

Прошу без меня в Зону не входить: якобы честные городские фонарики могут оказаться болотными огнями. На первый взгляд, выстроенные правильным порядком, они — уличное освещение, продолжение городской планировки, “перспективы”... На первый взгляд.

Пока не попали в темноте — светящимися бусинами. Непонятными сигналами. Дробящейся аурой, тёмным смыслом твоего вымысла.. “Рой за роём”.

Да, да, рой за роём.

Я помню, знаю.

Знаю, что надо делать.

Всё происходит само.

В сокровенном, укромном месте.

Пассы, определённые движения правой рукой. Над белым листом, под шевелящимися губами. Передатчик, медиум, сакральный инструмент — зажатый в руке её тотем — изображение, синоним, символ — ручка.

Воздух сгущается. Дрожит. Нетерпеливо вибрирует, ходит ходуном; дрожь в руке вот-вот передастся невидимому столу.

Приближаются... Концентрируются... Излучают в невозможных диапазонах...

Слабо светящиеся объекты выстраиваются в парад планет!

Катарсис!

Исход!

Материализация!

Бесы разны — ночные, всё больше — женщины, — тёмная стихия твоего вымысла — из рёбер и головы — с воем и стоном, и сладким стенианием — красными вспышками под закрытыми веками — закружило, закрутило, жалобно поют, — гибнут! Оставляя страшный след — на лилейном листе — чёрным по белому.

Бесы разны выводятся из головы и рёбер, выводятся на бумаге — буквами, словами, строфами!

Потихоньку, полегоньку перестаёт бить и трясти.

И тогда стихии стихают: природа стихий переходит в природу стиха. Тёмное, неосязаемое, непроглядное становится — крепким и прозрачным.

Зазеркалье становится зеркалом.

.....
 Говорят, можно и без этого шаманства.

Без этого врождённого умения, этого безумия.

Без этого метода тыка, этой убогой эмпирики. Можно просто и ясно: по науке. Научиться можно. Есть даже такой — Литературный — институт. То есть, как бы — ненастоящий. Как бы — литературный. Сказочный. Находится в тридевятом царстве. Не в первейшем, стало быть, поскольку — бедное, населяют его бедные люди. И вот, закончив этот Научно-фантастический институт, превзойдя все науки и сдав поэтические экзамены, усваиваешь простые и ясные правила. И вот ты — стихотворец.

И вот мы с Вами — поэты. Вот мы — беседуем. И вот я говорю:

Стихи должны трогать чувством, должны брать захлёбом, дрожью, неким родом трезвого опьянения, явной убеждённостью в праве благовествовать, пусть даже несколько опрометчиво, в лоб.

Не должно избегать простоватого понятия: “сердечность”.

Но — не более. Никаких отчаянных полостных операций, взрезаний, органа в руках санитар...

И всё это (слышите? — условие обязательное!) — при непременно наличии “школы”. Слышите?

Да?

И всё это — наживка...

Обманка. Читай в Большом толковом:

“Демьянка (обл., диал.) — обманка”.

Тот путь, который леший знает.

Увлечь стихом — дело нехитрое. Дальше — хитрее. Дальше — дело нечистой силы: читай, читай, разбирайся...

Чтобы только к середине почувствовать, что здесь — что-то не то.

Что-то не туда. Какая-то неэвклидовость, относительность. Какая-то гнильца, чреваточина, зародыш. Какие-то вспучивания под полотном дороги!

А вот и молодой бамбук попёр вверх! Лианы — локонами. Джунгли поглощают здания. Спальный район постигла участь Лаокоона — он и не проснулся...

Антенны становятся частью леса.

Гармония градостроительства не отрицается: поглощается гармонией фотосинтеза. Странного фотосинтеза: под искусственными лунами.

Энергетика стиха — энергетика болотных огоньков.

Нам ли не знать: такие — и только такие! — огни — явление природы.

Редкое.

Не всякому глазу доступное.

Книга вторая
Обучение сну

Тот свет.

“...ночью в столпе огненном, света им...”
“... двинулся и столп облачный (...) и стал позади их...”
(Исх. гл. 13 [21]; гл. 14 [19])

Столп огненный! Столп огненный! Столп огненный!
Столп света, ночью, за окном зашторенным.
Свет оголённый, бег карандаша ускоренный. —
От колесниц — дневных — по дну — исход отмоленный, —
За вами, братья, переписчики и когены!

За вами, братья, переводчики, начётчики! —
В огонь Агнона, Шульца, Зингера и Корчака.
Душа трепещет, рвётся по ветру, полощется
и корчится.
Душа насажена на древко позвоночника.

Скорей, скорее! — пока гул и гонг слогов рифмованный;
Сбой — вразной — дорогу бьющих, кованных
Слов; строчек столб и оголённых строф — обломанных,
Обмолвленных! — Столп огненный!

Потом — столб позвоночный, ртутный, атмосферный.
Потом столп облачный, расплывчатый, обиденный.
Тяжёлый стол потом — не письменный, дневной уже, обеденный.
Потом — день злой, завистливый, сварливый, суевёрный. —

За вами, братья, — в то солёное дрожащее, —
Среди нависших, непроглядных бездн беды!
Я помню: шёл по дну, где стлы стены тёмные воды.
А вдалеке — так, мелочь, — фараона колесницы. —
Столп облачный, простёртая десница...
(Что это было впереди: Завет горящий,
На то, что выразить никак не мог, — Ответ,

Столп огненный, в огне куст говорящий?!)
Как страшно здесь, как далеко рассвет...

Столбом встань, вслушивайся, опусти ресницы. —
Покоя нет тебе, покой пусть и не снится. —
Всё отложи, всё — на потом, оставь свои семь бед.
Здесь твой предел, здесь — грань, земли и вод граница.
Смотри: он близится. Объял тебя! Струится!
И — вот он, явлен. Не покой, но — Свет.

02.2000

Первый снег вечером.

Это сначала — как радость: пора!
Хвойная эра, смолистость распила.
Это — с утра ещё: мама — ура!
Это — такая пора наступила.

Жадно вдыхать: за стеклом, за окном!
(Смутно: колени — печёт — батарея.)
Это уже — об одном, об одном;
Шарф, рукавички — скорее, скорее!..

Взвесь его, белое божье дерьмо:
Запах — не запах: как свежестью вроде
Дышится. Чуешь — собою само —
Робость в движении, радость в народе.

Холодно, холодно. Падает с неба
Золото белое. Золотоноши —
Носят и лепят. Всегда — на потребу —
Помнишь: на валенках толстых галоши?

Катят шары — скарабеи, жуки,
Питера Брейгеля Старшего дети.
Тропы наметим. Подобье строки.
Образы старшего Брейгеля Пети.

Быстро темнеет. Всё катишь его,
Ком небольшой. Застревающий в горле.
Вспомнил что? Разволновался чего?
Даже не выразить: радость ли, горе ли?

Катят дары свои, катят волхвы
Детских считалок. И дело пустое
Смысл объяснять им мудрёный (увы)
Тропов протора — увы и увы.
Тропы темны под Луною-звездой.

Лёгким — младенца летающим сном —
Пар от дыхания. То же — из хлеба.
Светлая справа, тёмная слева —
Там она, Снежная Королева.
Ковш её. Белых арбузов вино.
Бег карапузов.
Вовсе темно.

2000

Ночь на 23 июля*

Плыл круг вращения годовой.
Темнело. Чёрною листвою
Шумели в сумерках шумерских
Стволы. Решётки оголя,

Оскалившийся, чуть живой,
В листве — как в страхе, низкий твой
Балкон — что от щедрот имперских —
Плыл, всё на верх и низ деля.

Ночь — как орган над головой.
Как нож. Над дестью меловой
Когда магнитные поля
Июля — как разряд сухого —
Пойдёт притягивать земля,
Ну, от чего ты застрахован?!

Как дальней медью листовой
Сверкнёт и жажнет! В дрожь листва!
Все чувства, все твои слова —
Где, спешный стрелок переводчик?
Вновь, август кесарю суля,
Бьёт полночь. Стрелка-часовой
Сошлась с минутной в знаке Льва:
Тебя, тебя, ночной начётчик,
Соображающий едва,
Тебя поставили на счётчик,
Где лишь копейки — с нуля!
Где тьмы заведена петля.
Дрожат, кривляются камни.

Смотри, как, тени шевеля,
На чёрном вывести умея
Чернил и туши вензеля,
Наводят сложный объектив
На мелкий бисер Птолемея,
Как на сетчатке негатив
Перепечатки белой
Тебе оставят.

Жернова

Над сонной улицей кривой
Путь Млечный мелют...

Ты — зева-а...

Листок. Слипаются слова.
За бархатной портьерой лета,
Во мгле, с трудом прочтёшь... Опять:
“Мистерии”. Цена билета.
Балкон. Ряд. Место: 45.

2000

* 23 июля — день рождения.

Парк

Скамью, прогретую за день,
Потёмки спрячут.
В темь — как в перчатку — кисть продень:
Уже иначе

На ней все линии судьбы
Твоей полночной
В разброд пошли. Для ворожбы —
И час урочный.

Так парк пропитан колдовством,
Так смысл близок,
Так гнуто веток естество —
Японский изыск,

Так тёмным белое вино
Твоё плеснётся —
Что грех не выпить заодно,
А то взгрустнётся.

А то хоть вовсе не живи:
Во тьме, на лавке, —
Хоть ворот, что ли, разорви! —
Свою удавку.

И будут пьяный взгляд волочь
Деревьев корчи.
Полнеба. Городская ночь. —
Парча и порча.

2000

* * *

Алексею Парицкову

Стих белый — белою вороной?
Куда уж хуже (сто потов
Сойдёт, чтобы не проворонить) —
Тот, чёрный, шайкою котов,

Что лишь, брезгливо-аккуратно,
В взлохмаченный порядок слов
Войдёт, — всё симметрично, кратно, —
Беда! И снова жди посллов.

Те — стайкою кордебалетной,
Те снова — по цепи крутами...
Лишь в книге с клиникой скелетной
Их сокрушают сапогами.

А дальше — лязгом, чётким близким, —
До ломоты в висках, “тройчатки” —
И не мяуканьем английским —
Германской сумрачной брусчаткой, —

Он за метафору зашёл.
Он смыслу намертво обучен.
Как шрифт готический закручен.
Как викинга ладья тяжёл.

Атлантика — как Атлантида
Обратная — встаёт из вод:
Стеклянные кариатиды
Пока подержат небосвод.

В Европе что, на курьих ножках,
В курной (а всё ж родной) избе, —
Помазано? Ну, — на дорожку!
Здесь, парень, не сносить тебе

Тяжеловатой головы
Патриция времён упадка...
Компьютер — как киот вдовы,
Как длинная рука Москвы, —
В углу мерцающий лампадкой.

2000. Кёльн

Летние конькобежцы.

Какими судьбами, как здесь оказался, на Фюлингер-зее?*
Со старым ржавеющим вело... Что за территория?
Уже ни добро, ни зерно, ни разумное — пепел лишь сея,
Плевелы, — вдоль трассы движения, вдоль траекторий

Скользящих (“Стар трэк”), обтекаемых: шлемы — хоть в космос, —
Вдоль Фюлингер-зее, — с жужжаньем: раз — левой, раз — правой
(Толчковой), — вперёд! — в одиночку, гуськом и оравой,
С суставами в сбруе: сверчки, богомолы, кузнечики, космо-

политы. А ты, в кузов пуза еды и воды уложивший,
А ты, — колобком, с ветерком, на своём лисапедe,
До белых волос на груди, до любовниц под сорок доживший,
Всё не забывающий о предстоящем обеде,

А ты, кому книги одни подавай, житель библиотеки,
А ты, кто разрядником впрыгивал в ринг лет тому двадцать восемь,
Кто через два раунда боя, фингалы и кровоподтёки,
В нокаут укладывал точно таких вот, таких же — коньки лишь отбросим,

А ты всё быстрее — вдоль электроопор, в тишине напряжённо жужжащей,
Вдоль мёртвой воды, вдоль асфальта чужого, озёр, конькобежцев согбенных,
Летающей сквозь сон, однорукой, упорно молчащей
Когорты. А ты, начинающий соображать постепенно,

Что эта, — дыханья уже не хватает, — твоя, за стеклом духоты,
Что жизнь параллельная эта — под током. По краю предгрозя!
Что ветер внезапен как подлый сквозняк. Что кусты, камышины, колосья —
Врасплох! Начинает сгущаться, темнеть начинает, а ты

Среди — над асфальтом — скользящих, как в съёмке замедленной, мчишь:
Восьмёрку отметь колеса (вот-вот перевернёмся),
Что шёпотом песню — такую... — в обратном порядке — мычишь
(Там было ещё, что мол, вроде, обратно вернёмся)...

В воде обнажённой деревьев и едущих ног — чередой — отраженья
И согнутых спин. Там, внизу — мы попробуем — там уже осень.
Где всё продолжается — понял? — всё не прекратится движенье
На той, на другой, на твоей стороне перекрученной “8”.

2000

* Фюлингер-зее — расположенная на севере Кёльна система озёр и гребного канала. Мосты, мостики, развязки. Идеальные условия для иналайнскейтинга; сезон — с весны по осень. Зимой конькобежцев не бывает — нет льда.

Венгерское вино.

Неким летом — за пыльным, за тёмным окном,
Ощущаемым чутким затылком,
В N-ном городе (грамотней будет: “в одном”),
Пьяным. Красным. Сухим. В меру тёрпким вином —
За столом, за второю бутылкой

(И с чего, не упомнишь, завёлся?) — сполна
День откупится, чашей полночной.
Час паслёновых, волчий: дурман, белена... —
Царство тёмное. Рейс одиночный:

За стеклянную зеленью крепкою, за
Почти чёрною кровью медведя,
Наливаемой всклянь — и уже — ни аза...
Ни аза, но лишь — буки и веда,

Лишь морзянкой, тамтамом — глаголь и добро, —
Не словами, не звуком, не зевом —
Робким стуком условленным беса в ребро, —
С переборами, в пятое слева!

И за этим ли снова тебя понесло?
Здесь бывшее здоровье — в рассрочку,
Здесь и печень... ты знаешь, что не пронесло.
Ты считаешь, что крупно тебе повезло:
Двадцать две — тёмно-красные — строчки.

2000.

Протирание зеркала.

Я живу. И со мной моё зеркало Ху*.
И оно ещё дышит.
То — бессвязная исповедь, как на духу.
То вжимается в нишу.

То, нахальное, пошлое, потное, визг
Учиняет — а толку-то, проку?
Протираешь уродца больного — верх-низ —
С сердцем справа, врождённым пороком.

Он с тобой, господин из династии Янь,
Вообще-то — до гроба:
“Мы с тобой — ты ведь знаешь уже? — ты да я”.
Отвертеться? Попробуй.

Кто с тобой — и за комой твоей, запятой — до конца,
Ярких красок былых усыхания,
До потери — двойной (Инь и Янус) — лица,
Кто — последним дыханьем...

Губы вытяни: отпотевания гаммы
Иногда — вразнобой.
Поднебесной — с окном — амальгамы
Переходы разводов вверху.
Плохо: трещины сбой...
Всё твоё носит некто с собой.

Ты один. И с тобой твоё верное Ху.
Ху с тобой.

2000

* Who (англ.)

* * *

Отдайся власти простыни,
 Поползновеньям одеяла.
 Чтоб тишь да гладь вокруг стояла,
 Когда, лишь руку протяни —

И тень протянутой руки
 Сольётся с темноты затоном,
 Где полка книжная — легки,
 Ночным планируют планктоном —

За книгой (тихою волной) —
 От книжной полки над кроватью,
 За тенью книги — за стенной,
 Простынной тенью — лень вставать — и

Когда не падают, а плавают
 Пылинки в жерле ночника;
 Над вязким воздухом пока,
 Над тёплой и прозрачной лавою

Всё это виснет и плывёт,
 На полусомкнутых ресницах
 Каким-то полусном слывёт.
 И вмиг сгущается. И снится.

И длится. Тянется. Туннель —
 Угрюмый, всемогущий, убогий
 (Как там, за пазухой у Бога?) —
 Лишь фонаря мелькнёт шпинель.

А воздух вязок, как вода.
 И тёмен свод. И жалко эхо —
 От стен из меха, изо льда —
 И плача ватного и смеха.

А это жизнь была твоя.
 А это было всё да сплыло:
 Брусковое скользнуло мыло.
 А это облачён был я

Ruhr.

Вокзал поплыл — всего и дел.
И то, и это проглядел.
И поезда пёр как паровоз.
И разве только не гудел.
Пейзаж был прост.
Pros't!

Визжал состав на полустанке, —
Всё зря: он гол стоял и пуст.
В шпал перебранке и болтанке —
Не спи, не всё коту сметанка.
И стыли октября останки.
Кровавил куст.

И лес в оцип попал как кур.
И плыли русские берёзки.
И плыли рурские отрезки.
И плыли веси, трубы-тёзки.
Совсем уж по-российски бур —
Как уголь, гневен как буй-тур,
Ревел на каждом перекрёстке
Оленем Рур!

2000

Итальянское вино.

... Сломанный зонт отряхни. Итальянцы
Сделали чудо. За зябкость, за ветер,
Мрачность погоды (ужо тебе, Петер*):
“Просим, синьора! Сюда, мои дети!” —
Кельнер медовый — Марио Ланца.
Все тут под крышей — в уютнейших нетях:
Раз — иностранец, два иностранца.

Там — хоть потоп, что ли, — всё заодно;
Эту ведь кару мою, миа кара,
Днём, выходных ускользящим дном,
Красным моим, твоим белым вином —
Мы прокутим, прогуляем напару.
Всё об одном я. А ты — об ином...

Наискосок, в лёгком гуле хмельном,
Теплятся свечи — почти без нагара.
Нам — рiапо, рiапо, а там — Ниагара.
Тёмную воду метёт за окном...

Не прекращайте, не дайте распасться!
Осень вот-вот закружит ресторанчик.
И над бокалом, над узким запястьем —
Твой одуванчик.

2000

Петер — св. Пётр. Отвечает за погоду.

* * *

Горбик — верблюжий, заплечный, с кармашком
Ранец — лопаток крылатых не ранит?
Всё-то там носишь вприпрыжку, как ранее,
Детские книжки, стишки, — первоклашка.

Ну осторожней же, что ты, слепая?
Видишь: трамвай твой, не стой слишком близко!..
Только и вспомнишь потом, засыпая.
Детское, сладкое слово: ириска.

2000

Рыжее солнце.

Рыжее солнышко, скромно гори.
Город затеплит тебе фонари:
Вспыхнули жёлтого цвета шары.
Мёдом в розетках тяжёлых щедры,
Это — кофейни, с дарами лари.
Это — кофейник разводит пары,
Рыжее солнышко, видишь? Смотри:

Сброшена шкуркой — за шкирку, за шиворот
Шубка с овчинку — на вырост, навыворот...
Здесь так приятно, достойно, неброско.
Хочешь, для форсу зажги папироску...
Так и запомнится этот папирус
Древнеегипетский. Радужки — ирис.

Тёплое, мягко мерцает оно,
Рыжее солнце, золотое руно.

2000

Сказочница, дающая советы.

Пророчица, провидица слепая,
Не в бровь, но в глаз — в недрёмно око — метко,
Накаркала: лежу, не засыпаю!
Так что ты там болтала о таблетках?

И о статье в газете позабытой:
С ланцетом врач куда — туда и конь с копытом?
Конь-горбунок, по имени Пегаска.
Раскальвайся: сочиняешь? Пишешь сказки?

Об этом: беги, — пегаёт всё, пегаёт.
О луже-Ипокрене под телегою.
("Телега жизни" — помнишь Пушкина ли, классика?)
Так что же, всё — пером? . . . Всё больше ластиком?

И то — поддела. После — не зазорно:
Сам-семь начнёт всходить твоё пшено.
Как в день седьмой: "Ну что ж, не лишено".
Не чудище. Не обло. Но — озорно:

О луже (Миргород, Касриловка), ишшо:
О сусликах, о школьниках весёлых,
Роялях, попугаях, псах-боксёрах...
Ну всё, я сплю. И это — хорошо.

2000

* * *

Не нетерпенье, — другое; но ты, предположим права.
Если слепая судьба, — это — долго, наощупь. И вправду слепая.
Сохнет зарёванный двор и листву в забалконье сыпает.
Спрятала рожки улиточка, что ты, дитя дорогое: просто слова

(Времени прежде, — я чувствовал, видел, я знал!)
Эти — ещё невозможны, непроизносимы...
В креслах легчайших на тёмном балконе висим мы...
Лишь — невесомость, неловкость, молчанье, пустая казна.

Только: висок — осторожно, губами — где жилочки жалкой оттенки.
Только — гусиную лапку морщинок (смеются глаза).
Узкую кисть... Там, где линия жизни... И дальше нельзя.
И никогда — про коленки.

Вот и опять! Я наказан. А всё же, что чувствует плед?
Даже когда ты ушла: сохранится тепло и останется след.

2000

Душа рюмочки.

“Упали и разбились,
Разбилась жизнь моя.
(Нар. песня
“Маруся отравилась”)

Гранёных дедов внучкой:
Прозрачность, непритворность.
В углу — блестящей кучкой —
Вся хрупкая покорность.

Душа твоя хрустальна,
Невинна и чиста.
Теперь уже сусальные,
Нездешние уста,

К которым — от осколочков —
Воздымут, вознесут,
Пригубят чуть: вот столечко...
И весишь ты нисколечко,
И таешь на весу.

Ни цель твоя — нетрезвость
(Глоток по-рыбьи глух), —
Ни эта резь и резкость,
Ни в перехвате дух,

А вспомнится, некстати,
Мягчайших губ кармин.
Полёт. Последний санти-
метр (-мент ?) Sapienti sat и —
Вот, разве, — на помин...

К трёхдневной твоей дате,
Со спиритусом санкти,
Эх, рюмочка, аминь!

2000

Начинающий.

Я вам собрался тут сказать...
— “Ты нам собрался тут сказать?
Во всю тетрадку?!”
Нет, я хотел лишь доказать...
— “Кишка тонка! Двух слов связать
И слушать гадко!”

Но я хотел лишь показать...
— “Послушай, гордость и краса
Седьмой квартиры,
Будь проще. Можно — как проза-
ик. Или вытяни туза:
Займись сатирой!”

Молчу. Ни звука. Ни аза.
Сдаюсь. Беру слова назад.
— “Ну, вот и ладно.
А только...

Что там было за...
Бесстыжие твои глаза!
И врешь ты складно”.

2000

Пара фраз (1)

Словесность бывает изящной
Только от жизни ледащей*.
Только от жизни, от жизни ледащей
Словесность бывает ваще.

2000

Пара фраз (2)

Тихо, тихо ползи
Улыбка по склону Фудзи...

2000

* Варианты:
1. гулящей.
2. пропащей.

Чеченский ночлег.

Час мрачной масти вороной:
Злой, гладкоствольной, нарезной.
Меч-полумесяц. Янычаром,
Белея в дрожи коренной.
Вдыхай под деревом-анчаром
Тот запах. И умри — весной.

2000

* * *

Как ветру позднему ни подбираешь метр,
Он веткой машет, налагает вето.
У ритма межсезонья свой размер.
Что может здесь линейный геометр?
Тетради квадратура в круте света...

Но хлещет дождь. И только хорошо,
Что крепок чай — кирпичного свеченья.
Что только — терпкий, сладостный ожог, —
Ни сигарет, ни мёду, ни печенья. —

Поскольку — не волнуйся — масть пошла,
Пока тебе везёт — как ты просил — и
Пока в тебя — где лист?! — опять вошла
Припадочная, знахарская сила:

Ночь напролёт (какого слова ради?).
Жизнь, уходящая с дыханьем из хоан...
Темнеет в комнате — в каком-то славном граде.
Свет лампы. По углам теней косые пряди
И мои прадеды: Давид, Арон, Григорий, Иоанн.

2000

Песнь.

Как воробей в пыли — купаясь в языке,
Пригоршней хобота обмахиваясь пылью —
Как слон, вздыхай: была и книга былью.
Язык был илом. Сказ плыл по реке —
В корзинке, на картинке, налегке.

И кто внимал и зрил, тот — зрел и был:
Из праха — в прах. Из книги — в пыль. И в ил
Дождями смывает весь мусор бытовой,
В разбухший, оплодотворённый Нил,
Сюда донёсший признак родовой

Прибрежных тростников. Рассудочным их гамом
Кто удостоен был, кто разложил на гаммы
Гуденье ветра и, золовым силком
И речью, словно речкою, влеком,
Кто глупо всё смешал? И этим самым
Папирус осквернил пером-каламом
И дудочку — буквально — языком.

2001

Зима 1958-го.

Над толстым затылком в папахе — зима, — и громоздкие знатные “ЗИМ’ы”,
Ползущие мимо заветных заимок снабженческих, с инеем водок,
Директорских девок и банек, детсадовских санок, заснеженных сводок,
Морозных каракулей воротников поздних пятидесятых... Вестимо:

И лег через десять — всё то же. Плюс тёмный сим-сим — мёрзлый кинотеатр,
Плюс новый Азимов в натопленной библиотеке: попался!
Охочий в мороз до прожилок, до детских припухших желёз педиатр.
Плюс счастье в куче-мале — первом свальном грехе. Обморожены пальцы.

И плюс — минус 20 (в школу не надо). И плюс — за 40 (в школу не надо):
Спросонья все цифры — клубами печного тепла и напольного холода.
Уже поддевятого. Утро. Восходит — в сиреневой дымке зари —
Калёная белая стынь над домами. Холодная плазма горит.

Стрый, XII. 2001

Лечи невроз посредством речи
Взахлёб. На ор переходи! Кричи!
Строчи письмо, графит калеча
Карандаша... Дыши с трудом. Молчи

С трудом, захлебываясь от обиды
Неслыханной. На стол швыряй ключи.
В упор, в зеркало, в коридор корриды
С собой — взгляни: узри себя. Учти:

Ни с кем! Ни в жисть! Твой мозг створожен
Уже. Предрадиоактивен фон.
Так жить нельзя. Так... Осторожно
К виску приставлен телефон.
Щелчок... И, вздрогнув: “Свету можно?”

2001

Что Бог послал.

Всё брешут лисицы: как в “Слове”, так — в деле.
Нет, баста, ты, милая, не проворонишь,
Скорее — проглотишь, скорей — похоронишь
В душе, в птичьем теле (нет сил!, на пределе!

А хохот ведь — кич) — улыбнёшься; одарит
(Сегодня ты в форме, сегодня — в ударе)
Губ твоих, вежливо сложенных рыбкой
Искренний, как улыбанья обет,
Поддельный, как нежная Элизабет
Тейлор, — душевной улыбки
Хорошо ретушированный клавир:
“Сы-и-ир! Сы-и-ир!”

2001

Адриатика.

Стаканчик — вот, в другой — бутылка:
Какие шаткие весы;
Застыли чашечки. В затылке
Легко. Неспешные часы

Твои темны, их ход неверен
Здесь — как дорожки луноход
Качаем. Но размер строки —
Как гад морских подводный ход —

Он лёгок. Лёгкие легки,
Вдох лёгок. И глоток умерен.
На ощупь плеск волны проверен.
Причал касанием руки

Раскачивается, как катер.
Над колыбелью катеров,
Над тёмным морем стелит скатерть
Хмельной и добрый Ностер Патер.
И тянешься: “Ну, будь здоров!..”

Молчание. Не в том мы ранге.
Кто тут со мной? Давай ещё.
На правом — чёрт. На левом — ангел...
Похоже — пререпутал, чёрт!

А тот и лёгок на помине —
С усмешкою: “Не опоздал?”
Во мгле. В мартини на полыни...
А ночь в чернилах чёрно-синих. —
И Лютера б не увидал.

2001 Остров Крк.

Всё прожито, — всё впереди:
Не думать, не знать и не видеть.
Лишь сладкой поддаться обиде,
Когда остаёшься один:
Не думать, не знать и не видеть.

А только спастись в обнимку.
Но жизнь сквозь вязаный свитер —
Как слабый, умеренный ветер...
Не думать, не знать и не видеть,

Как жизнь выплывает на снимке —
С тобою в тускнеющей свите.
Сейчас — червоточиной в лете,
В ночной духоте, в жалком виде —
В постели, белея со сна,
Не думать, не видеть, не знать, —
Не думать, не знать и не видеть,
Какой ты... — избитый? испытый?
С височною веною витой.
Невыспанный, тщательно бритый, —
Когда от бессонниц слегка
Светлеет, стареет рука.
И пепел — вот-вот — с сигареты.
И жизни осталось — с вот это.
И руки-то нечем занять.
И в час меж собакой и волком, —
Что толку, о ужас, что толку —
Что думать, что видеть, что знать?!

2001

Вот лопнула жилка — и я идиот.
Я этого даже не знаю.
И время стоит. Потом быстро идёт,
А ноги... А ночи без сна и

Без времени... И циферблата блесна,
И цифры — что всё это значит:
Зачем?... На картинке, я знаю, — “сосна”.
С игрушками — как-то иначе.

Пронзило, — укол! Ни с того ни с сего.
Мне больно. Что это такое?
В покое. Оставьте меня одного.
Не надо. Оставьте в покое.

Что хочет сестричка весьма юных лет,
Меня тормоша, словно Будду?
Тут дома не все. И меня дома нет.
На знаю, когда дома буду.

Что голосом бодрым пытаются меня?
Что кошечка трётся, бодает? —
Но как бы сквозь сон всё. Пытаюсь понять:
Кто тут? Как попал вдруг сюда я?
И глухо мычу, и рыдаю.

Стихаю, в обиде упрямо молчу.
Зачем это страшное снится?
Что должен ответить я дяде-врачу?
Зачем незнакомые лица?

Я помню, что — понял. Что — снова забыл.
Зачем всё, немислимый Боже?!
Но, если б вернулось всё... Бы да кабы.
Не помню, что понял я. Что же?..

Я знаю, где дом. Но не знаю — зачем.
Там памяти звук потакает.
И в памяти звякает связка ключей.
Зачем она связка такая?

Там снег на балконе. Что “немцу — беда”?
Что “русский заметит едва ли”?
Кто в доме — хорошая — мёрзла? Когда?
Как — мёрзла, хорошая, — звали?

Я бедный, упитанный твой червячок.
Я куколка, кокон с начинкой.
Вздохнув, ты уложишь меня на бочок,
Я тихую буду личинкой.

Я зрею. Из тушки, в которой живу,
Я бабочкой выйду бездомной.
Огромной. Порою, почти наяву,
Я рук твоих помню... Не помню.

Что пупс перемазанный просит меня,
Хрипя леденцовым дыханьем
На ухо, что требует? Кошка подня
Мурлычет, бормочет, кемаря, муру.
По кругу, в такт пульсу, порханье.
Так просто! Я понял: когда я умру, ...

2001

Дрёма

Всего лишь спички чирк (недолго было ярко)
Рембрандта, оцени какого,
Воссоздаёт — раденьем кисточки огарка —
Горячей, рдяной, колонковой.

В миру — зима. Под фонарём летает манна.
Затеplился и заалел
Впотьмах огонь — неугасимо, неустанно,
Литературно — на столе.

Диван давно — род люльки, мягкого кювета:
Не выпасть. Над свечою белой
(До слёз кто выдумал зеванье?..)
Вьёт пламя нить: за точечкой слезящей света
Темнеют тёплые зиянья,
Обозначаются пробелы.

И спать-то лень. Между ресниц, пока неплотно
Полуприкрытых в полудрёме,
Лучи плывут лениво, смутные полотна —
Соцветья сонного синдрома:

Когда огонь над парафином безутешным
Вьёт нить, ткёт ткань. Двойным свечным свеченьем свиты
Вещей двоения потешных...
Имён их пуганая свита...

Смысл свит из пут, моток запутан, — на попятный:
Не имена, но только — вещи.
Жужжаньем наименований непонятных —
Названий сонм, как в польской речи,

Ничьей. И там-то, за плутанием приятным,
Дыханьем вслух, Шопеном в Польше,
Сопением, — в лесах, садах, в кустах припрятан
Рояль. Где чёрных клавиш — больше...

2001

Вечеринка на работе.

В хоромах бывших (год — в графу),
Под хламом тары
Век XIX в шкафу —
Скелет гитары.

По чашкам, поровну, — вино
(А что, — посуда).
За коченеющим окном —
Ночное вуду.

Лишь водки оптика права
И кровь кагора:
Дом скошен. Улица крива.
Ввысь тянет город.

Там сладки — в россыпь, в холод, в дур —
Надежд остатки, —
Зодиакальный календарь:
Львы, куропатки...

Се — Город Львов, Страна Чудес,
Мираж, где — летом,
В закатах, на холсте небес —
Вид на Толедо.

Во тьме — пропорций, перспектив
Просчёт и амок.
Бред Кафки, снежный негатив —
Высокий Замок.

Что ждать добра от декабря,
Что тратить нервы:
Руками пассы сотворя,
Кто будет первый?

Кого звук первый сторожил?
Колебя свечи,
Накатом — рокот медных жил.
Нам стало легче.

Нам голос был. И в профиль —
тьень.
Слова простые:
Теплей икон, темнее стен
И Византии.

Ночной очерчен круг: он — хмель,
Он — трёп, он — хохот.
Ну сели — ну и что? — на мель:
Сидим неплохо.

Алиса, пой, свеча, гори
(Шкап стал кулисой),
Наташа, чёрт с тобой, кури,
Но: пой, Алиса!

В потёмках дымные пласты —
Посланьем неким.
Не пальцы зябкие — персты.
Декабрь. Эль Греко.

Львов, 11.12.2001

Эпоха просвещения

“...чтобы они не попрали его
ногами своими и, обратившись,
не растерзали вас.”
(Матф., 1.6.)

Сухая ветвь, какая жалость!
Прививка. Расщепляли ствол.
Плодов явленье ожидалось
И просвещенья торжество:

Востока с Западом соитье...
Как школьник в школу — в сентябре,
По наушенью, по наитью,
Теперь уж — Магомет к горе:

Вверх — от корана до урана;
От пасторали — до мечты...
Перед — не может быть! — экраном
Сядь, бледный Йорик: всё, кранты.

Ты знал — небитый и невинный:
Не выдаст кто и кто не съест.
Вот жемчуг захрустел старинный.
Не оглянулись бы окрест.

Завет преступлен. Воют люди.
Дурак-пастух, Бог с ним, прощён.
Ну что, Давид, что делать будем?..
А вот и Голиаф с пращой.

2001

Жратва.
(В 2-х картинах).

Картина I.

Музей. Голландцы — натошак.
Снедь вылезает за полотна:
Тварь. Утварь. Свежесть в овощах. —
Колониально, сытно, плотно.

Натура, так и быть, мертва:
Асфальт за окнами. В корзине —
Картинная — жива жратва:
Сырое мясо апельсина

Осветит толстая свеча.
Горит графина бок рубином.
Лукава — бархат и парча —
Анфас; натурщица, рабыня

Сидит — чуть-чуть навеселе:
Румянец, ямочки и складки.
Что на уме — то на столе.
А что под ним, то — взятки гладки.

Верней, весёлая раба —
Предполагаема: как Муза.
Там твой Бог — Бык. Твой барабан
(Где у мужчины сердце?) — Пузо
(Кладбище Жизней, Натюрморт:
Memento mori, муз служенье).

Картина II.

Расположенья рыл и мора,
Плодов съестных расположенья —

Оставь, Фламандия, подсчёт.
Что про запас, — расщедрясь, сдару —
Вали на стол: “Кому ещё?!”
Пусть умер Бог (Мертва натура) —

Не выдаст всех! Свинья не съест
Всего, что в закромах и трюмах...
Лишь нам с тобой — в один присест —

Сосредоточенно, угрюмо
Вбирать сей масла буйный пир
Голландских маслениц могучих:
Рог изобилья. Жор и жир.
Невольню представляя кучи

От переваренных щедрот:
Смердящих смертью — плоть от плоти.
Глаз от картины — прямо в рот —
Блуждает на автопилоте...

Попахивает псиной дичь.
Тих заяц в серой потной шкуре.
Все в сборе — нас с тобой опричь.
Глаз мается какой-то дурью.

И глотка мается, живот...
Уже, изгибы повторяя, —
Жратва кишит в тебе! Живёт.
Вот-вот — изгнание из рая

Жратвы, где гроздья и плоды,
Птиц райских, рыб премного, дичи
Сулят нездешние сады:
Кровь, печень, хрящ сулят, — добычу.

Где Хронос ест своих детей:
Слеза? Нет, нет, — нога младенца.
Без аллегорий, без затей:
Мизинчик, пяточка, коленце...

Мы, где-то здесь, в своём углу,
Закусим — в рамках карнавала.
Кто жив пока — прошу к столу!
Се — натюрморт. Всего навалом.

Идиллия.

Ты здесь? Темнеет в комнате.
Внизу орут коты.
В двухспальном теплом омуте
Что ощущаешь ты?

Лишь суффикс, уменьшающий
Весь слов сонливых вес.
Сон, день до сна вмещающий
(А мог бы даже весь.)

И это есть идиллия,
Где рифмы ни при чём,
И боком здесь при деле я, —
И боком и плечом.

Под светотени сеточкой
На заспанной щеке
Легко вздыхает Светочка —
Как с веточкой в руке.

2002

Но о смерти, о смерти — не сметь.
 Как не сметь прикасаться к аноду.
 Её смысл и высокую ноту —
 Никому, никому не суметь...

Перед тем, как затянут “умре”, —
 Просто так, ни за что, на прощанье,
 Десять розг — от души — получи
 (Кто их так — от души — замочил?).
 Это ягодки: “непослушанье” ...

... Хруст суставов, на заднем дворе
 Взвешен, как на безмене, на дыбе.
 О жене (чьей-то, где-то) — как рыба.
 А не как у Творца на пере.

... Нет, — не смерть. Отчлененье руки:
 Кража краски на складе армейском.
 Приговор на простом арамейском
 Нараспев огласят старики.

Рёв. Ревут, ожидая, быки.
 Хлещет кровь. И от страха удушье.
 Четвергуют? За что? “Малодушье”?
 Рёв. Вербки. Узлы. Узелки.

Эй, на горле покрепче вяжи.
 Рвите то, что от жизни осталось!
 Что грехи уже, — экая малость:
 Много тела и мало души.

Голова-то смешная! Зане —
 В уголок закатилась. Хохочет.
 Не узнать мне, чего она хочет...
 Никого. Ничего уже нет.
 На незримой, обратной Луне.
 На заветной, запретной Луне.

2002

“И зацветёт миндаль...”
(Экклезиаст.)

Собачья и волчья пора.
Заснёт санаторное лихо.
Наушникам — тоненько, тихо —
Подвой. Доживи до утра.

Где грань, где ума тонкий край,
Меж волком час и волкодавом,
В уме — из последних сил — здоровом
(Ламарк ни при чём, выбирай:

Но выбора нет здесь.): пора —
С последней ступени, по травам —
Спуститься в растительный рай.
Вот паспорт — с синильной отравой.

Вот в имени штамп: ствол миндальный,
Такой нарочитый, модальный.
По-птичьи — чирик! — голова.
Знакомы — в регистре рыдальном, —
До детских (глотай), как миндаины
Припухших (ком в горле)... слова —

Из клетки с невидимой птицей,
Из сил всех, из жил и желёз.
Из Шуберта. — Нет, не годится.
Из-под — кровь с грязюкою — колёс. —

По курве-Москве по буддийской,
Послав всех на А и на Б,
Покуда — как жирный мальтийский —
Штамп ставят ещё на судьбе...

на тебе...

И это опять не годится.
И что головою качать:
“С умом и талантом родиться” ... —
Миндальничать — только начать.

Нет времени. В новом регистре:
Воронеж. Козлы. Кутерьма.
Равель — в нарастающем, быстром —
С ума... Да сума. Да тюрьма.

Козлиная — не лебединая —
Закинувшееся свела.
Лишишься — не чаши единой,
Веселья и чести... Рутина.
Стальна — воронёная, дивная —
Гремучая доблесть ствола.

Врачи ли, читатели, анти-
советчики — в Доме Большом, —
Все там. Разговора б о Данте.
Ночь. Шапка. Рукав. Гольшом.

А волк с волкодавом всё воют
Под бездною в сдвоенный час.
Под бездною сонно зевают
Читающие сейчас...

Ни щели сквозь плотные створки,
В бреду накренившихся крыш:
Ни — запах миндалевой горький,
Ни — строфы над нищею койкой...
Надежда, ты помнишь. Ты спишь.

2002

Час “Ч”.

Груз — одиночество, ночество — твой
Пульс — по тяжёлой, неровной кривой —
Честно влачит, с недосыпом в запас.
Ты — вне игры, до рассвета. Ты — пас.

Единоличник — без чувства плеча,
Ты — не участник. Лишь частник. Не часть
Речи: с поличным был взят, уличён.
Отчество даже известно. Причём:

Ночь. Одиночества чувство. — Нести,
Не опрокинув. Один во шести
Чувствах запутан. Утрачен отчёт.
В царстве электрики — тёмным лучом

Чувств числом шесть (зверю кратное, зло).
Счётное ночество. Песни козлов.
Ночество ноет. Волочит. Влечёт.
Кличет. Маячит на реках. Течёт

В сон — вдоль всей дюжины сонных часов, —
В сонное сночество — частью весов:
Чаша покоя. — Чаша отча...
Отчая чаша. — Чаша молча...

Не подноси. Пронеси. Пощади:
Мессы. Моления. Чаты чудил.
Мрачных собраний чужие пиры.
Площади сна. Проходные дворы —

В разные двери. Число же их — шесть.
В разные веры. Числа же им несть.

Даждь*, ярый бог, — в жертву вот карандаш;
Явь ненасушную ночь ми даждь.
Явных причин, тайных знаков прочтенье.
Цепь одиночеств. Ночное ученье.

(Пустопорожье. Из пальца сосанье.)
Строчество. Строчек святое писанье:
Чёрным чернилом низвергнуться в щель —
Слово в себе ощутивших — вещей,

В шлюз темноты. В приоткрывшийся створ.
Ночи творение. Иночество.
За́говор. Сговор с собой. Заговóр.
Тих сотворённый. Почти ничего.

2002

Ты приглашён — взашей.
Ты принят — отовсюду.
Подмышкою зашей.
Протри, протри посуду.

Простуду подлечи:
Стакан перцовой в дышло.
Есть тысячи причин
Того, что так всё вышло.

Что осень холодна,
Хотя до дна прозрачна.
Что жизнь тебе вредна,
Особенно в невзрачный

И сумеречный час, —
В ещё одном селенье...
Вечернего луча
И хлеба преломленье.

2002

* Даждьбог

1982 й.

По-вологодски цокай,
Дразни знакомых. Видишь:
Весной церковный цоколь
Стоит в воде как Китеж.

На лёд ступить рядится, —
Там талая такая,
Веселая водица.
И маковки макает.

Свистульки из ненужных, —
Прикупишь сразу две.
Великий Устюг в лужах
Стоит на голове.

2002

Азбука.

Природа языка (см. “Природа”)
Мораль в себя включает как словарь
Включает всё, что видит глаз народа:
Не имут сраму мёртвые слова.

Но прочие — тем более не имут,
Огульно именуют всё подряд.
И вещи млеют — вне себя — под ними,
Юродствуют, болтают, говорят.

Словес плетенье, многоглаголанье
Се — род греха, разврата, потому
Как это, просто — речи оголенье,
Чревоугодие, зачатье (как кому), —

Бесстыдство языка. Очеловечив,
Чужие гладь бутоны: “der”, “die”, “das”.
Вот открывается — тебе лишь — первый раз
Предверье тёплое живой и влажной речи:

Так был латынью слэнг, когда Европа
Ещё болтливой девушкой слыла.
Живой был буквой Бык, был — “А”. А ргоро —
Был Богом также: Буква — Бог! Дела

Его сейчас — исповедимы. Слово
Звучало на горах, заполнило скрижаль.
И дети азбуки берут. И снова,
Всем классом: “А!” “Б!” “В!” — И языка не жаль.

2002

Львов

И не заметишь, как с площади снова
Улицы брызнут — без мыла — в проулки.
Прощэ: крысиной тропею по Львову, —
Вкось, вкось, вкось — не прерывая прогулки

Кованых ради — чугунных и чёрных.
Ради кривой — и брусчатой и узкой.
Ради Руси, только — древней, нерусской.
Ради австрийских — фасадом — нечётных.

Ради почётных — в злачёных, старинных.
Их дочерей — длинношеих и дивных.
Ради общинных — в пасхальных и длинных.
Ради музейных, фузейных, архивных.

Корысти ради — особой, редчайшей:
Пляшем от стилиа модерн. “Modern talking” —
В каждом кафе. Но — горчайший, сладчайший —
Кофе здесь. Запаха слабые токи

Кофе — по улочкам кривды и правды.
Кофе — под дудочку пения злого.
Снова — крысиной тропею — по Львову.
Моря здесь не было: рады бы, рады...

2002

Как тошно: запах мокрого окурка.
Тоска под ложечкою где-то поселилась.
День — мутным “у” у горла пса-придурка —
Уныл. И, модная когда-то, куртка
С утра повесилась, — повеселилась.

Постой на задних лапках у окна,
Так губы выпятив и голову закинув,
Как воют шёпотом, как пьют до дна,
Таблетку запивая анальгина.

Прогрей — в арабской адской вязи льда —
С декабрьской картинкой сердцевину,
Дыханьем папоротники раздвинув
На срок: потом сомкнутся без следа.

Но этого достаточно: простой
Методой зимний криз, похоже, лечат.
И ты права: какой-то день пустой.
Ну, то есть, легче стало. Вправду, легче.

2002

Найдут безработные текстовики
Сей скрипт — что сейчас под рукою,
И те, что оторванные от руки,
В свой срок, вертикальной рекою,
Как сирот в Египет, в бумажном челне,
В корзинке папирусной малой
Отправил, случайно найдут. Только не
Заметят среди интервалов,

Бессмысленных звуков, мычащих фонем,
В размеренные причитанья
Вошедших — шипеньем пластинки, вполне
Читаемые очертанья:

Сквозь литеры (хоть выноси образа),
На фоне периодов длинных,
Тускнеет овал. Борода. И глаза.
И голос глухой из-под глины.

2002

1974-й

Как с рубенсовской женщиною
Мужчина пил устюженский.
Он из бокала с трещиной
“Ёрш” отпивал по-мужески,

А женщина — глоточками —
Девичее, шипучее.
Вздыхало под цветочками —
Широкое, могучее.

Всё это — очень русское.
А где-то — нидерландское:
Там на столе закускою
Был сорта сыр голландского.

И там они не пьяница
И железнодорожница, —
Гуляка (чуешь разницу?)
И памяти заложница.

Так время всё утробное,
Советское, шампанское,
Меняет на подробное,
Старинное, фламандское,

Как старый мастер делает
Всё ближнее и дальнее
Одной картиной целою
С мельчайшими деталями.

Где вместо кривой трубочки
Дымится “Прима” сладкая
И камельком — на тумбочке
Рефлектор. Баба гладкая,

Чуть разомлев, обрамлена
Подушками ладонными.
Лицо её направлено
В зарамье законное.

А там студентик — вдалеке —
В осеннее, кондовое.
Прёт на уборку. Налегке.
И сапоги пудовые.

Иду — не выше коробка.
Иду — и ноль внимания,
Что лет мне — больше сорока.
Что ночь сейчас в Германии.

Что — женщина с мужчиною.
Что — в том году темнеющем.
Что — связью беспричинною.
И — за окном. И — где ещё?

2002

Отец, отец, вот красное слово:
Моя игрушка. Букв простой набор.
Кровь от лица. Бескровное лицо.

Алеет слово... Отведён топор.

2002

Сновидец

В смятенье постели вплываешь, во сне цепенея,
Туда, где лишь гулко
(Цепляясь за явь, где несчастнее был и умнее) —
Шаги. Переулки.

Невнятно, поскольку сквозь сон, сквозь затменьё, блокаду —
Припомни: откуда? —
Навязчива, плещет цитата: должна — как цикада,
А эта — цикага.

Но спящий, как спятивший, только — сопящий. Незнаньем
Одним озабочен:
Лишь — ритм невнятный, — ни цели, ни зги, ни сознанья
И смысл скособочен:

Весною рассеянной, как за букетом мимозы,
Ещё не проснувшись,
На улицу, что-ли, пойти — за авитаминозом?
Слегка пошатнувшись,

На улицу выйдешь, как Кафку раскроешь: читая —
Страницами — стены.
Считая, свернёшь: на задворках — страница пустая.
И ты по ней — тенью.

Одеть ли что лёгкое — голым во сне, но счастливым —
А тень — на свободе. И день — на свободе.
Земля под ногами, как зыбкая зона отлива,
От темы уводит. От тени уводит —

И в темь: что ни шаг — безнадёжней всё. Тени прохожих,
Кого — не припомнить.
И в тёмных подъездах — лишь списки фамилий расхожих,
Наличие комнат —

Шаром по углам покати — так пустым и так гулким:
Зачем ты здесь, милый?
Нет силы убраться, нет силы закончить прогулку?
Проснуться нет силы?

И только лишь чудо, поскольку немножечко — юдо,
Лишь чувство утраты
Строки не записанной — чудом — спасает — выводит отсюда.
Проснёшься: цитата

Без автора. Автор — плетёт сонным речитативом
На эту основу —
Другую. Седьмую. Последнюю. Текст, своё диво.
Любимый свой. Новый.

2002

Поезд.

Когда к немецким городам
Уныло электрички
Во тьме, по подъездным рядам
У чёрта на куличках,

Подвозят — бледное, с утра,
С подглазными мешками:
Пора, пора,
Пора, пора, —
За пазухою камень,

Ты — в быстром временном жильё,
В стучании брусчатом,
В сужающейся колее,
Во сне, едва початом,

Когда, всегда не в унисон,
Рвя глотку в месте встречи,
На твой нырок в невольный сон —
Набрасывался встречный, —

И направленья не понять,
И даты непонятны,
Ритм колыбели не унять,
И голоса невнятны,

И в дрёме, вспять, наоборот —
Ух, Вологда и ягода —
Тяжёлый пассажирский прёт:
Тогда, когда,
Тогда, когда,

В двух сантиметрах от плеча —
Виолончели ветра.
И рельсы стылые стучат:
Еtc., еtc.
Еtc., еtc...

Стоишь — неясно где — смурной.
Промозгло. Натошак.
Сомкнуться двери за спиной.
Чуть зашипев: “Ниш-штяк.”

2002

Обучение сну

Я ли не делал всё, я ли не потакал,
 Я ль не молился всем: морфию и Морфею,
 Брал за бока и грел — вот он стоит — бокал;
 Рюмка ещё, стакан — брошенные трофеи.

Мне заслужить бы сон, сонный уют для глаз,
 Мерный, простой покой: с лёгким постельным пухом.
 Тёплым где мехом внутрь — тайный и тёмный лаз,
 Медленный сердца стук — лишь прислонишься ухом:

Это подпольный тон — слабым сигналом вглубь.
 Мёртвый подвальный дом — семь этажей под землю:
 Тяжкий медовый храп, виолончельный клуб.
 (Семь, — я ведь сам считал. В лифте же кнопок: семью.)

Лаз — в неоглядный зал: гул на людском юру,
 Оперный гардероб: сбор унесённых ветром,
 Выданных напрокат, сгинувших поутру,
 Старых отцовских шляп: лентою шёлк по фетру.

Сонных хористов сонм своды держать устал,
 Тот, что пастуший сон, как из цилиндра — ленты
 Тёмный, шуршащий шёлк — тянет в уснувший зал...
 К выходу опоздав, не заработав ренты,

Так заигрался — эх, так в эту роль вошёл,
 Как за решётку — эх, с тонкой в подкладке пилкой.
 Там удилами мне, перетянув вожжой,
 Рот разодрали мне этой кривой ухмылкой:

А не ходи, когда племя и семья спит,
 А не насилуй плоть, спи на автопилоте.
 Ляг, до рассвета вплоть, в обе ноздри сопя —
 Пользуйся, раздувай пламя и знамя плоти.

Ляжешь — глаза закрой только — и весь тут сказ.
 Лунный — о'кей — скафандр: плотно обтянут шкурой ...
 Выжди. Под веком — в мозг — преосторожно глаз —
 Приоткрывает щель: камерною-обскурой.

Лампочка тусклая-сорокаваттка
Тусклый пьёт воздух: одышка, нехватка.
Тесно от стен — вот такой нижины.
В ухе звенит. Я просил тишины.

Окна звенят. Тонкий свист кислорода.
Двинешься — тут же ответит природа:
Боли от тонкой — нещадны и злы —
Маленькой, в виде занозы, стрелы,

Что просверлила в душе моей дырочку.
Падла-подруга всё косит под дурочку.
С дряблой судьбой не нанянчишься, хоть и —
Свист продолжается, воздух уходит.

Воздух уходит, становится весело.
Вместо Мессии является месиво:
Рек его тухлый кисель и молозиво.
Плач полуслёзный, до бляенья козьего,
Дев вавилонских, отсюда напившихся.
Тайною полных, как бы заблудившихся.

Воздуха нет. Но является запах.
Стон: с черепахи на гнущихся лапах
Крышей съезжает земная вся твердь:
Радость моя, в приоткрытую дверь

Шлейф ты приносишь из запаха пёсего
И оправданье тяжёлое: брось его.
Пусть помолчит, набухающий прозою,
Тёплый бутон, фиолетово-розовый.

Радость моя, не заметим, проехали.
Не было этого. Ухо ли... Эхо ли...
Газом весёлым,

спасением лакомым,
В трещину, с рёвом,
врывается
вакуум.

2003

* * *

А это будет — по уму,
По справедливости отгула:
Врать о вхожденье в полутьму
Филармонического гула.

Не спя — одной себе во вред,
Ворочаясь (одно скрипенье),
Воображенья боль и бред
Узнаешь: чуточку терпенья.

Узнаешь всё (Ещё чайку?) —
Смотря как ляжет карта новая.
И эту ночку начеку —
Попомнишь же, моя бубновая.

2003

* * *

Задует надолго — и стылое небо уныло зависнет:
Тоскливо и муторно, грустно и зябко, и — ныне и присно.
На улицах пусто — всё вымело напрочь — людей нет в помине.
Дома в темноте — как ненужные стены в промёрзшем камине.

Что делать и кто виноват, что сейчас — не твоё время года?
Оставь, против ветра не надо прикуривать. Ну и погода!
Здесь осень — не сон, осень — анабиоз, — без особой надежды:
От тёмных зонтов, от приподнятых воротов, тёплой одежды.

Здесь ветер из дыма горазд сигареты вытягивать жилы.
Вверху, на балконах, как скифские бабы, сидят старожилы.
Из города выбраться — поздно: невнятицей город обманет
Проулков — таких-то, обманных обводных каналов в тумане,

Околиц, последних дворов, где последние света форпосты...
В местах собиранья даров — лишь свежеют порывы норд-оста.
Лишь свешены головы яблоч, лишь яблони старой сутулость —
Где осень осин на дворах о заветных дарах заикнулась.

Подавно в дома снесено всё, что — семо-овамо — родимо.
Закрытое злеет вино — так темно за окном, нелюдимо.
Здесь осень — качание сосен в вечерних пустых верхотурах.
Погром собирается (оземь!) тоскливою злобой природы.

По сферам шаром покатило — что пьяный сосед над тобою.
Ума же хватило: всё в куб возвести — и катать с перепою.
И рёвом реветь, колотя что попало — под грохот и взрывы.
Последний драсть холст. Диким оком взирать — из сиянья разрыва.

И ты не поймёшь, колготясь в комнатнушке, над стылой пустыней:
Что это — огромно, стозевно — каталось по неба холстине?
И ручка уже над листом, и строка — на сносях — появляется, словно
Всё этим удастся восполнить,
всё выразить можно дословно.

2003

Течение и огонь.

Болезни течение. Боль.
Сейчас — никого. Боль одна.
Проходит течение — вдоль —
До дельты: без боли, без дна.

Из спально-кроватьного сна
В застенки вплывающий стон
Зеркальные. Надо ли знать
О них? Просыпайся. Постой.

Нет смысла спрашивать здесь,
Где ты — этот самый матрос.
Под тёмными сводами несть
Ни эха — на умный вопрос,

На слабое: “Эй, кто-нибудь!”
В египетской царской ладье, —
Вдоль медных, вдоль медленных будд,
Лишь пальцами в чёрной воде

Черпая, — откинутой вниз,
Недвижной, ненужной рукой:
Ни плеска. Ни проблеска и —
Ни знака. Хоть знать бы — какой.

Лишь пальцами — за челноком —
По тёмной и гладкой воде.
Без компаса, порожняком:
“Несть елина, ни иуде...”

Я вспомнил: агония, гон,
Заплыв сей — кому посвящён!
Последнюю долю на кон:
Что ты, это — я же ещё.

Эмоции вызови, страсть,
Попро́буй иронию-щит;
А помнишь: “ложить” или “класть”?
А вспомни: “домкрат”, “Демокрит”.

Чей факел дымящий? Ни зги
Не видно на том берегу.
Домой, отпусти меня. Сгинь.
Назад. Не могу. Не могу!

Течение болезни, неси —
Нигде, в одуряющей тьме.
За пястем тускнеют часы,
Мерцают (минуты — в уме):

К глазам уже не поднести
(По водам — не чувствуя ног.)
Когда это? Что — “без шести”?
Зовут. Разожгли огонёк.

Увидеть, увидеть тот свет.
Лететь — оглянувшись назад —
Вперёд, на ревуций просвет,
В огонь крематория. В ад.

2003

Спиной к движению.

Ещё прощается просчёт.
Ещё качается плечо,
Обиженное, рядом.

Автобус, тянущий огни:
Пунктир — вдогонку — протяни —
Цепляющимся взглядом.

Ещё натянута струна.
Последняя, ещё одна,
Немыслимая нота,

Уловленная — вразнобой —
И той, в автобусе с тобой,
Подругой верной Лота,

Наказанной за дурь твою.
В ночной разметки колею
Глядящую вслепую...

Объятый водами души
Нахлынувшими, не греши,
Не ищущай судьбу. И

Как, в вязкой скорости узлов,
Берёт, так — отпускает зло.
Но остаётся малость:

В руке — застывшая пока,
Отогреваема, легка —
Безвольная её рука.
И рвущаяся жалость.

2003

Маша и слова.

Марии Каменкович.

В сумерках, среди листьев — рифма:
Пробуй. Повтори и
Убедись: неповторима.
Радуйся, Марие!

Обходи строкою плавной
Бытия приматы.
Взято ль злата православна,
Стали сопромата

В путь за веткой Палестины?
Стоило ли мессы:
Заблудилась посредине
Сумрачного леса.

Обступили, заградили:
За контекстом — темень.
Тень летающих рептилий
Задевает темя.

И — медведями, словами —
Русскими, большими —
Вкруг — мотают головами.
Лишь — несокрушима

Вера в смысл высокий, воля
(Дальше — истерия).
Скоро, скоро чисто поле.
Радуйся, Марие:

“За долами ты, горами,
Поздний, тихий свете.”
Лес. В резной баварской раме:
Маша. И медведи.

2003

Больничные стихи.

М.К.

Ужас, загнанный внутрь:
Здесь, сейчас — как в разведке.
Словно чью-то вину —
Принимает таблетку.

Крыша — медленный скрип —
Начинает крениться.
В ней секрет где-то скрыт:
Тают стены больницы:

Под угрюмой звездой*
Непреклонных Советов —
Нейролепный ездок
В архетипы Завета.

И она говорит,
И она говорит мне
О живущем внутри,
О кочующем ритме,
о рифме.

И, за правой рукой,
Бусы-буквы кочуют.
И не снится покой
(Даже — и не ночует).

Лишь: мучительно жив
Зомби Павлик Морозов
(Экстрагирован шифр,
Из кочующей прозы!)

Тень, дорога, кусты.
Из-под тёмной корчаги
Лезет — бельмы пусты —
Тоже Павка: Корчагин.

От Лесного Царя,
Т.е. — Деда Мороза, —
Щёки пуще горят:
Ангел Мика Морозов.

Так вот просто бы всё
Разложилось по полкам —
Как трёхстрочник Басё:
5—7—5. Если б только

Всё не было бы зря. —
За строфою лесною
Не Лесного Царя —
В темноте... За спиною...

2003

* “Мы — как братья, мы оба гонимы
Под угрюмой железной звездой.”
(“Мика” Морозов).

Междуречье.

“Размышляйте о речи.”
(Упанишады.)

От ушлой, потешной, военной,
Взрывной, нефтяной, техногенной,
Стальной инженерии — генной,
Газетной — к тяжёлым томам,

На полках тревожимым редко:
Где — римляне, древние греки...
Но дальше — сливаются реки
Речей, что древней, чем дома

Из глины речной: от порога,
Размеренная, как эклога,
Парит в солнцепёке эпоха.
И всё отражает река.

Под пыльную сенью акаций
Чернеют брадами аккаду
Степенные: не отвлекаться
Же вдруг — на движение песка
Меж рек, запустенье, века...

С тобой одного они вида:
От шкур — до учёного твида.
Ослепшая рано Фемида
И вечного Жида клеймо,
И Пятидесятницы чудо —
Откуда-то, тоже, отсюда,
Где — вплоть до подлейшего люда —
Всем ведомо глино-письмо.

Ландшафт раскалённый, песочный,
Где, картографически точно,
В садах, среди яблоков сочных,
Цвёл рай-резерват на Земле:

Для Библоса, библиотеки,
Земли и Воды картотеку*
Хранят параллельные реки,
Понеже бог-царь повеле.

Во тьме дословесной, кромешной,
Адамовой глиной замешан
Весь сказ о делах Гильгамеша.
В неё же вернёшься, когда —

Последним чутьём, по наитью,
В ладье, перед самым отплытьем —
Вдруг: чувство связующей нити.
Но это уже — не беда:

Воздымется Дом Вавилонский**
Над миром — плотиной вселенской,
Над Римом, над Домом Колонским.***
Не ной, всё очистит потоп.

Отверзнутся плодные воды
И се прекратятся народы,
Всех тайных игрушек заводы:
Ад-полураспад, изотоп

Семантик... Пока — полумеры:
Преумные спорят шумеры,
Гоморрские слепнут Гомеры, — ****
Отсюда твой шумный род-дом.

Он в прахе и глине праречи,
Здесь, в доме твоём сумасшедшем,
Бесстыжем (меж двух) Междуречья,
Здесь, в смеси смешной просторечий,
Сем лоне, в гнезде человечьем:
Адам. И Саддам. И Содом.

2003

* Земля + вода = глина. Глиняные таблички. Клинопись (глинопись).

** Хайдегерский “Дом Бытия” — язык.

*** “Дом Колон” (Dom Cologne) — Кельнский Собор.

**** Гомер — сын Яфета (Первая книга Паралипоменон, гл.1 [5]).

Сон о постмодернизме, или Апноэ

Как бы сквозь сон, как бы сквозь плавное укачивание, продолжают объяснение:

— Там дальше Проспект, вроде, кончается, начинается Невская Перспектива. Малая родина кончается, — а доехать просто: на Петра на Великого не выходи; Гоголя проедешь; Белого проедешь, — дальше, дальше, там — Перспектива, — пустыри, микрорайоны. Там сходи, там увидишь. Увидишь, увидишь, я сам видел. Ну, может, не увидишь, может, только услышишь. Потому что там уже не Нос гуляет... Не время сейчас гулять, вдоль по Питерской такая метафизика метёт!.. Но, если очень чутко прислушаться, что-то такое — рядом — слышно.

Ноздри! Понял? Невидимые, мнимые. Раздуваются. Особенно их когда эти, Ноздрёвы постмодернизма раздувают, тогда-то хорошо слышится. Узнаешь сразу, не промахнёшься. Зачем тебе абсолютный слух? Ни к чему тебе, всё и так будет ясно. Это же классика: “пение-сопение”, “авторство-соавторство”. Там, на месте быстренько разберёшься: синоним ли, антоним, — не пойми что, а — различаешь сразу. Невооружённым ухом слышно: сопение. Хоть бы и умное, хоть бы и заузное, и — по поводу пения, но... — со-пение.

Ничего, ничего, можно, не обидятся, не красны девицы. Каламбуры и дразнилки у них в чести; всё путём, всё — проханже. Тут не обижаются: обидеться, считай — предать дело всей жизни. Переметнуться на ту сторону, где — гляди-ка, — обижаются! Где могут оскорбиться (о, скорбь!). За что? За эти весёлые карикатуры в стиле граффити? Нанесённые молодыми, хохочущими, а то и немолодыми, “своею собственной рукой”, поверх исторических фасадов Проспектов, на колоннах порталов, на стенах их всяких Больших и Малых сил, на креслах партера... За эти дружеские шаржи на венецианских зеркалах? Дождавшихся своего предназначения. Или даже: переметнуться, когда и тебе рожу расписывают — скользкого смысла рунами — и регочут? На братьев обижаться, на бойцов невидимого фронта, несгибаемых ирреволюционеров?! Или даже на чужих, — этих вот, малохольных? Из охотника превратиться в объект, в дичь? Из Стаханова — в уголь, пыль его перевыполненного задания? Бр-р, подумать страшно... аж все ноздри позабывало. Да и что думать: вот засучим ссученные было рукава, — вонзили штыковую — да с ясеневым череночком!, срезали верхний, культурный слой —

там, где дышит почва и — чего-то там — какие-то кости потревожили, какие-то святые моцци; вгрызлись задрожавшим, завибрировавшим, забившимся в истерике отбойником в литой, базальтовый — скальный — слой, навстречу алмазной жиле, — она там, должна быть там! Глубже, мы увидим землю в алмазах. Крепче руки на вибраторе! Дрочите, Шура, дрочите! Или — “дрожите”? Это от вибратора. Это ничего. Плохо слышно. Обижаться некогда. Лишь бы дойти до жилы, до алмазов; иначе зачем дёрн, грунт, культурный слой срезали? Лишь бы гранями заиграло, засверкало, — так, чтоб глянули и сказали: “Блестяще!” Любим блестящее — уж какие есть: всё задумано блестяще. Вскрыть правду, голую правду, — перед всеми, перед лицом своих товарищей, перед самим собой. Начиная — вроде бы — несерьёзно, вроде бы — похихикивая, иронизируя, — поиграть с самим собой, с культурным багажом, подразнить Онана и вдруг, как из невнятно шуршащих кустов, — выйти, нет, — выбежать! на людное место, явить — истинное, — уже не пройдут стороной! Так это будет явлено: не облечённое в одежды, а обличённое в былом их отношении. Чтоб ахнули — от сияющей, ослепительной!.. Как в зеркало, в которое они смотрят, — ударить прожектором. Шарахались же при виде первых экспозиционеров в парках и садах российской словесности, кто-то даже пытался морду бить!.. Это потом — подтянулись, подтянулись на водопой, к местным Ипокренам, стада нудных, очкастых нудистов, жалкое зрелище.

Ничего, ничего, “но мы ещё дойдём до Ганга”! Избранные, для кого сценарии пишут, не потеряли свежести восприятия, будем надеяться. Заодно и галёрке не плохо бы дать представление, карнавал: “**Нанайская борьба**”. (Борьба верхнего заумного “постмодер” с нижним дурковатым “низ”.)

Было, было... Хорошее время.

Публика пришла — строгая, доброжелательная. Аплодировали. Критика была положительная.

Потом любопытные пришли. Потом повалили все. Ажиотаж! Уже на третье представление начали проносить гнилые помидоры, тухлые яйца...

“Как хороши, как свежи были...” — нет, не помидоры, не яйца...

Ну да всё это — в прошлом, в прошлом. Нет того веселья. От долгого употребления потускнело, выглядит не так блестяще. Пришли к тому, с чего начали — остались с Носом, — как ноздри. Никакой самостоятельности так и не получилось; вот они — изящные цезуры в некоем образовании. Являя собою отверстия, стараются быть заметными. Ноздрёвы. Предлагают тебе, продают тебе — всё, что хочешь! Похохатывают при

этом. Бодрячками стараются выглядеть, ну, прям, — господин майор Ковалёв!

Выглядеть стараются, невидимые. Не минорами — майорами. Стараются, сопят, напрягаются... Ан нет, нет, никак: “Никогда ты не будешь майором”. (Чином, что ли, не вышел.) Так и останешься с Носом, под Носом, — в тёмных ноздрах. (Не из “Шинели” гоголевской ты вышел...)

Но оттуда, в сопении этом — и ныне, и присно, и веки веков — всегда — некие намёки на многозначительность. Иногда и — не намёки. Не всегда понятно. Обиняками. Иронично. Многозначительно. Не многозначимо, нет. Просто очень много знаков.

Неточность, расхлябанность знаковой системы. Вирус в компьютере.

Знаешь, как вирус действует? Исчезает с экрана, проваливается Нос; остаётся — чёрный квадрат. В котором — как бы — намёк на ноздри. Как сон во сне — где как бы снится, что всем рассказываешь, что задним числом представляешь, символом чего является Нос. Но не знаешь: куда деть, присобачить ноздри...

И, просыпаясь в ужасе, в том — наружном — сне: “Господи, Господи, чего с детородным-то органом сделали!”...

Выворачивается для судорожного вздоха рот из тёплой прелой подушки...

И — в тяжёлом, ещё целую минуту, мутном ужасе: было, не было?... — Тяжёлые слипаются веки... И, засыпая, задним каким-то умом понимаешь, что всё это связано... запутано... связано с прошедшим днём — но веки слипаются —, с происшедшим, нет, с происходящим, как было там по латыни: “modernus”? Да, “modernus”, — “происходящее”, “настоящее”. Или не с ним. При чём здесь. Связано. С чем-то, что — не “modernus”, тем, что — после. Кроется что-то нехорошее, тайное за всем этим — ироничным будто бы, кроется в подражании сегодняшнему, прошедшему дню, кроется за подхихикиванием, обустройством карнавала, как бы ёрничаньем не поймёшь кого, карнавальных неких домино и масок, за неуёмным потреблением — вместо хлеба из грубо молотого зерна насущного, зерна слов, основ зерна, — другого, новейшего корма, самого нового, — зерна снов, взорванного поп-корна городской кукурузы, — в киношках, в тёмных убежищах воздушной тревоги: лёгких, деформированных — сладких словесных — горстями, у каждого по полному ведёрку, лёгкому, из вторсырья, ведёрку — горстями, до набитого рта, зева, до чужеродной, холодноватой, тягучей слюны на зеве — гляди, подавишься; сглазили! Затрясло, — заходишься до родимчика, глухонемого кошмара, ужаса выпученных глаз, — маскообразной застылости. Застыло-

сти катастрофы. Когда уже — в мелькнувшем в мозгу: “Каюк!” — через оба “к”, “к”... — выдавлен последний воздух!

Биение, трепыхание за грудиной...

Горло сдавлено — медленной судорогой, не вдохнуть; голова облеплена липким подвальный кульком — с дурацкими, душераздирающими надписями!..

В последний момент! —

Через обратное “Ы-ы” — Вдох, прорыв плёнки..: со всхлипом — выныривание, заглот воздуха, запрокинувшись, — из ночного апноэ... Второй вдох вливает свежий, спокойный законный ветерок в лёгкие, в сонную голову. И ещё — глубокий с запасцем, с зевком, поворачиваясь на другой бок; тяжёлых, с ресницами, не разомкнуть...

В непокойной позе засыпая...

Сопя в нос, — в привычном ритме. В слиянии сна с привычным, рифмованным укачиванием. Сонные белки в колёсах его производят, сонные белки закрытых глаз; вывернутый взгляд, взгляд, которого никто никогда не видел: обращённый внутрь фрагментарных сновидений...

...Во что-то печальное. Что-то более тоскливое чем сиюминутное.

Что будет после конца. Что воспоследовало.

Нет, не иоанново. На две октавы ниже:

О вестниках. Доставщиках почты. Курьерах без шинели, — криво улыбающихся, дрожащих у порога, — из тех самых присутственных мест, той самой Канцелярии, — тревожных доставщиках циркуляров: вскрытых конвертов со штампом “-Post-.”

Не отпускающее, неумолимое *déjà vu!*

Может ли быть — чтоб и в сегодняшнем?.. Что-то кириллицей..:

Те же буквы. Ощущение уже виденного.

Осторожно, с дурным, неясным предчувствием, как балансирующий на краю ума Герман, — карту, — с очень плохим предчувствием... Уголок только, верхний уголок отогнуть...

Ну спаси, ну помилуй, ну разбуди!..

Лишь эхо — глухо, — ни третьих, ни первых петухов...

Проступают буквы:

некий

“Сон о постмодернизме”.

2000

“Before is too late”.

Деда ничего никому не хотел доказать, никому ничего не хотел сказать, никому ... — вообще.

Никому — в смысле: им. Местоимениям, которые — вместо имён. Не поймёшь: против кого мятеж?

Деда не хотел даже покоя. Покой ему — лишь приобретённая — потом и кровью — и, чаще всего — кровью — независимость от других. От чужих и родных. Состояние, переходя на Деда одический штиль, наличие которого зависит — от. От других: их силы и слабости. Его: силы и слабости противостоять. Обступившим обстоятельствам. Деда не хотел противостоять, заслуживая покой. Покоя не заслужил. Деда не хотел даже думать: переживать, пережёвывать: хотел воли. Такой, что уж дальше — уж совсем — пампасы. Когда не спрашивают человека, три дня ни с кем не общавшегося, никому не звонившего: “Что ты хочешь этим сказать? Доказать?”

Деда хотел воли. Хотя бы — на три недели. Целых три недели. Слых три недельки. Никто не имеет права звонить: “Что делаешь? Что ты целыми днями делаешь?” Это — требование отчёта. О “проделанном” - отчёта. Об интимном. И это есть — от лукавого: отговариваться шуточками. С лукавыми противостояние. Можно только послать — куда подальше. Может оставят в покое: от твоей воли — ничего не...

Целых — больших, моих — три — недели!

Деда, смотри на календарь: 28-го ребятки должны вернуться.

Холодок под ложечкой.

Теперь — каждый раз.

Недавно ещё: сколько разговоров о Канаде, сколько хлопот — о, сколько последних денюжек — по сусекам — дочке с мужем, для Канады. Деревянные ложки-матрёшки для родственников, — семиородная вода на киселе. Первая граница. Доброе начало. Добре дошли.

Нет, даже у этой мельчайшей пиздюлины, недоделки, мутанта военного, смертельного куриного вируса, чихавшего с высоты маршрута Гонконг — Торонто на его, кажется уже — недоступную, почти литератур-

Автор надеется, что текст не нарушает контекстуальное (“метаконтекстуальное”) единство книги.

Хотя, несколько опасается.

О покое, который “только снится”, здесь уже было. Теперь — о воле — как неосознанной необходимости, — всеми доступными бедному автору средствами.

ную, идефиксную — волю, у этой полуабстракции были, оказывается, права. Было у этой мгновенной пневмонии благоприятное расположение светил. И темнил. Были права на его ребяток. Проникающая всюду мимикрия, преобразившаяся — колонизирующим размножением — в человеческую ткань, ставшая ими, ребятами, дожидается в торонтском подвале, в пенале-холодильнике... — незнамо чего. Свидания с родными и близкими? Игорька: их — частично теперь и её — плоти и крови? Внука: ударника, а, местами, и — отличника, десятилетнего толстячка-толстолобика, золото моё.

Деду предупредили, это официально: придёт извещение, запрос на кремацию. Оглушённому, успели дозвониться семиюродные (они теперь — все четверо — в той же больнице. Нет, все трое, девочка умерла.): придут два письма, брошенных из больничного окна, из щели-недосмотра, на улицу. Торонтский адрес был на обоих конвертах. Адрес уютной, милой — любо-дорого — семейки: муж намного старше, поздние дети — мальчик и девочка. (Мальчик сейчас там только, — игорькового возраста.)

Канадские уже и забыли, когда такие письма получали: E-mail — и все дела. Просто запаковали их в один большой конверт и надписали, путая кириллицу с латинскими буквами, его адрес: сначала — фамилия, имя. Эти письма — последние, что будут от Лены и Толика, — от предателей. От предателей! Как так можно? Ну, как так можно?! Ну, что это?! Какой, к чёрту, тут нитроглицерин! Тем более — просроченный.

Вот они, письма. Бандероль сосед, Дима-нижний, занёс, за Деду — в отсутствие — расписался. Вскрыты и прочитаны. А как иначе? Как иначе восточку от этих дурней-туристов получить? Вы можете: в резиновых перчатках, на просвет?

Только — это.

Всё остальное Деда хорошо продумал. Впервые: светила расположились должным образом. Согласно его воле. Ведь он, оставшись один, переселился к детям и стал сдавать свою квартиру — почему так — в центре и так — недорого? Почему её сняли именно Дроздинские? Почему эти, по-серьёзному состоятельные заводовладельцы, живут, вот уже шестой год, там, в полюбившемся трёхкомнатном гнезде? Почему он так и не продал им — очень-очень выгодно — свои лишние 73 квадрата?

Редкие жильцы, приличные люди: молодые, небедные, доброжелательные: не просто — источник дохода. С ними — почти как с родными. Ну, прямо — не бывает, — такая семья. Единственный (единственный) недостаток (слушай, слушай, Деда) — бездетная.

Курорты, мединститут, гинекологические профессора, приватные консультации... — бездетная!

Игорька с трёх лет знают. Помогли по-настоящему: взяли парня с собой в Крым.

Всё складывается удачно. Удачно. Удачно, удачно.

Как ему сейчас объявишь?!

Когда — сам ещё не поверил. Не проверил.

Деда всё всегда проверял. Деда был доктор. Не сделавший науки аспирант-шестидесятник. Физик-лирик (не чужд, не чужд был.) Написал, даже, помнится, эссе: “Волк и воля”, — серьёзно. Дискуссионные кафе, “Битлз”... Нет, не “Битлз”, — “Юрайя Хип”. Сейчас — “Юрайя Хип”. Мелодия — из тех. Ком за грудиной подымается к горлу. Слов не знает, не разобрать, слова слились в английское мяуканье. Спазм в горле разрывается и отпускает только на рефрене: “Before is too late!” “Before is too late!” — вторит он высоким — выше своего — немного носовым голосом. “Before is too late!” — заходится рефреном Деда. Деда без обеда. Обеда-то — нет.

А как тут насчёт чая?

С конь-я-чё-чечком :

“И Ваше — тоже!”

Это — не в смысле, что нас в гости приглашают, — так, просто.

“Со знакомством.”

“На посошок.”

Деда, оборотень, оказался — волком, одиночкой-волком Юрой. Чай был горяч, крепок и — в крепкости — прозрачен. Телефон следовало бы отключить, да — лень. Даже не лень: кресло, с придвинутым к нему большим вельветовым пуфом, с лёгкой подушкой под голову, — навело сон золотой. В осторожно вытянутых к телевизору, пошевеливающих пальцами, ногах сладко перебирала жилы, трогала струны невозможная, чудная, чудесная истома (из того тома, из тома, где — Диккенс и камин, но книга падала из рук, ногти всё удлинялись в когти, шерсть на лице, на фотографии, начинала прорастать, — голова — вздрагивала): палочка-переключалочка, телевизор, книга, пустая — тёплая ещё — большая чайная чашка; коньяку больше не хочу; у остывающей чашки — застывшее сонное выражение: с полуприкрытыми веками, тёплым, сопящим — животом, грудью, — ухо вздрогнуло — дыханием, с тяжеловато-легкими, сухими ладонями, жилистыми лапами на подлокотниках, а проснёшься: книжка, чашка: перенеси меня, пожалуйста, палочка-переключалочка — слабого, чумного, сонного — из кресла в кровать. В кровати жизнь начинается, жизнь царская. Ты — царь, Юра. Себе. Один живи, можно.

Часов восемь ещё.

Д. Фаншель
Обучение сну

Макет Н. Королюк

Сдано в набор 29.07.2003. Подписано в печать 01.08.2003.
Формат 60x84/16. Бумага офс. Гарнитура Лазурский.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17. Тираж 500 экз.

Издательство "Центр Европы"
79000, Львов, ул. Костюшко, 18
тел./факс: (0322) 72-35-66
E-mail: centrevr@cscd.lviv.ua

